

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

1 (21) / 2023

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

№ 1 (21) ISSN 2713-2811
Вологда 2023

Издается с июня 2018 года
Выходит пять раз в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 31.03.2023

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2023

© ВоГУ, 2023

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Online scientific and practical
journal of private and public law**

№ 1 (21) ISSN 2713-2811
Vologda 2023

Published since June 2018

Published five times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Evgenii L. Khar'kovsii

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications,
in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc.
should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: March 31, 2023

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration PI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VIPE FSIN Russia, 2023

© VoSU, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Evgenii L. Khar'kovsii – Head of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana Yu. Sukhondyaeva – associate professor at the Department of Civil Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	9
ВЕСЕЛОВА А. П. Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной пробации	18
ЕПИФАНОВ А. Е. Из истории организации и деятельности Красной гвардии Нижнего Поволжья (1917–1918 гг.)	26
КОЛЕСНИКОВ В. А., СИТНИКОВ К. А. Создание сети уряднических школ Вологодской губернии в 1889–1893 гг.	36
ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В. О необходимости развития семейных форм предпринимательства как инструмента формирования стиля предпринимательского мышления	47
КАЛАНДАРИШВИЛИ З. Н., КОВАЛЕВ В. А. К истокам понятия «конституция»: археология термина в Античности	57
НАГОРНЫХ Р. В., ПОПОВА Д. В. Соотношение управленческих функций с компетенцией органов исполнительной власти	64
СЫРОЕЖИНА К. К., ДЕРБИНА О. В. О проблемах, возникающих при разрешении судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за отсутствие горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	70
ХРУЛЕВА В. В. О некоторых вопросах понятия помилования в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации	78
АБДУЛХАННЯНОВ И. А. Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг.	89
АВДЕЕВА Е. В. Отдельные аспекты вовлечения бизнеса в развитие наказания в виде принудительных работ: публичные и частные интересы	99
АЛЕКСЕЕВ А. М. Понятие и значение уголовно-правовой конструкции	110
БОДАЕВСКИЙ В. П. Отсрочка исполнения приговора в условиях вооруженного конфликта как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания: исторический опыт и социальная целесообразность	118
БОРМОТОВА Л. В. Эффективность отдельных методов осуществления уголовного преследования в отношении контрабанды	128
ИВАНЧИН А. В., ВАЛЕЕВ А. Т., ЛОБАЧЕВА Т. В. «Тихая» революция в правовом регулировании замены неотбытой части наказания более мягким видом в свете положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2021 № 32	137
ИДРИСОВ Н. Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2	147
ИЛЮХИН С. Е., ДЕНИСЕНКО О. И. Предложения по организации дистанционного надзора в целях пресечения противоправных действий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах	154
КАПЛУНОВ А. С. К вопросу об особенностях рассмотрения уголовных дел коллегией присяжных в отношении несовершеннолетних	161
КОМБАРОВ Р. В. К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции	168
СИДОРОВА Е. З. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект криминологической безопасности системы образования	178
СИТНИКОВА А. И. Правоприменительные фикции в уголовном праве	186
СОФРОНОВ Д. Н. Правовое регулирование правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: юридический конфликт и пути его разрешения	193
ШАХМАТОВ А. В. Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий	205
ЯКОВЕЦ Е. Н. Оперативно-розыскное мероприятие «опрос»: современное понимание	212
МИРОНОВ А. В. К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы	219
МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В., ЮДАКОВА Т. Н., МИШАЛЬЧЕНКО М. Ю. Формы и способы защиты дипломатическими представительствами конституционных прав граждан в условиях пандемии коронавирусной инфекции	229

CONTENT

EDITORIAL	9
VESELOVA A.P. Patronage in the Russian Empire as the First Experience of Domestic Probation	18
EPIFANOV A.E. From the History of the Organization and Activities of the Red Guard of the Lower Volga Region (1917–1918)	26
KOLESNIKOV V.A., SITNIKOV K.A. Creation of a Rural Police School Network in the Vologda Province in 1889–1893	36
LAPSHIN V.E., SHAKHANOV V.V. On the Need to Develop Family Forms of Entrepreneurship as a Tool for Shaping the Style of Entrepreneurial Thinking	47
KALANDARISHVILI Z.N., KOVALEV V.A. To the Origins of the Concept “Constitution”: Archaeology of the Term in Antiquity	57
NAGORNYKH R.V., POPOVA D.V. Correlation between Managerial Functions and Competences of Executive Authorities	64
SYROEZHINA K.K., DERBINA O.V. Describing Problematic Aspects for General Jurisdiction Courts to Award Compensation for the Lack of Hot Water Supply in Cells of Correctional Facilities, Pre-Trial Detention Facilities of the Russian Penitentiary System	70
KHRULEVA V.V. Considering a Free Pardon Concept in Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation	78
ABDULKHANNYANOV I.A. Retrospective Study of Legal Fiction in the Norms of Soviet Uncodified Criminal Legislation in 1917–1922	89
AVDEEVA E.V. Certain Aspects of Business Involvement in the Development of Punishment in the Form of Forced Labor: Public and Private Interests	99
ALEKSEEV A.M. Concept and Meaning of the Criminal Law Structure	110
BODAEVSKII V.P. Postponement of Execution of a Sentence in Conditions of Armed Conflict as a Special Military Type of Exemption from Criminal Punishment: Historical Experience and Social Expediency	118
BORMOTOVA L.V. Effectiveness of Certain Methods of Criminal Prosecution in relation to Smuggling	128
IVANCHIN A.V., VALEEV A.T., LOBACHEVA T.V. «Quiet» Revolution in the Legal Regulation of the Replacement of the Unserved Part of Punishment with a Milder Form in the Light of Provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 of October 29, 2021	137
IDRISOV N.T. Levels of the Criminal Prohibition Mechanism. Part 2	147
ILYUKHIN S.E., DENISENKO O.I. Proposals on the Organization of Remote Supervision to Prevent Illegal Actions in Correctional Facilities and Pre-Trial Detention Centers	154
KAPLUNOV A.S. On the Specifics of Jury Trial for Criminal Cases Involving Minors	161
KOMBAROV R.V. On the Issue of Conducting Educational Work with Convicts Registered with Criminal Executive Inspections	168
SIDOROVA E.Z. Commission on Minors’ Affairs and Protection of Their Rights as a Subject of Criminological Security of Education System	178
SITNIKOVA A.I. Law Enforcement Fictions in Criminal Law	186
SOFRONOV D.N. Regulation of Legal Relations of Lawyers’ Confidential Assistance to Bodies Conducting Law Enforcement Intelligence Operations: Legal Conflict and Ways to Resolve It	193
SHAKHMATOV A.V. Key Legislative Problems when Conducting Law Enforcement Intelligence	205
YAKOVETS E.N. Law Enforcement Intelligence “Survey”: Modern Understanding	212
MIRONOV A.V. On the Issue of Satisfying Victims’ Claims when Imposing Punishment in the Form of Imprisonment on the Perpetrator	219
MISHAL’CHENKO Y.V., YUDAKOVA T.N., MISHAL’CHENKO M.Y. Forms and Methods of Protection of the Constitutional Rights of Citizens by Diplomatic Missions in the Context of the Coronavirus Pandemic	229

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается первый в 2023 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «*Ius publicum et privatum*».

На страницах журнала представлены научные дискуссии по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**. Статья, кандидата исторических наук А. П. Веселовой *«Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной пробации»*, посвящена опыту патроната в Российской империи как деятельности, направленной на оказание всесторонней помощи лицам, освободившимся из мест заключения. Анализируется процесс развития данного института, прошедшего путь от разновидности общей филантропии до одного из концептуальных направлений уголовно-исполнительной политики. Предполагается, что на заключительном этапе своего развития, после введения типового устава обществ патроната и закона об условно-досрочном освобождении, патронат выходит за свои терминологические границы, приобретая черты, сближающие его с постпенитенциарной пробацией.

Статья *«Из истории организации и деятельности Красной гвардии Нижнего Поволжья (1917–1918 гг.)»*, подготовленная доктором юридических наук, профессором А. Е. Епифановым, посвящена анализу специфики концепта достоинства человека. В исследовании с историко-правовых позиций анализируются организационные и правовые основы деятельности Красной гвардии на примере Нижнего Поволжья в 1917–1918 гг. С использованием архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, рассматриваются история и правовое положение Красной гвардии на этапе ее становления, накануне и в период Октябрьской революции 1917 г., а также в годы Гражданской войны. Автором исследуются правовые основы и практика формирования Красной гвардии, органы ее управления, состав, структура, компетенция и основные направления деятельности. В статье раскрываются вопросы, связанные с участием красногвардейских отрядов в борьбе с кон-

трреволюцией, обеспечением охраны общественного порядка и противодействием преступности. При этом уделяется внимание их взаимодействию с органами советской власти, военного управления и милиции.

Следующую статью *«Создание сети уряднических школ Вологодской губернии в 1889–1893 гг.»* подготовили кандидат политических наук, доцент В. А. Колесников и К. А. Ситников. Авторы рассматривают процесс создания сети школ по подготовке урядников Вологодской губернии в 1889–1893 гг. Исследуют организационные и правовые основы формирования образовательных организаций, а также ключевые особенности построения учебного процесса в них: продолжительность обучения, содержание учебного курса, итоговые испытания. Анализируют первые итоги функционирования уряднических школ региона. Авторами делается вывод об уникальности для правоохранительной системы Российской империи опыта, накопленного в Вологодской губернии в конце XIX в., в деле профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции.

Завершает рубрику статья *«О необходимости развития семейных форм предпринимательства как инструмента формирования стиля предпринимательского мышления»* доктора педагогических наук, кандидата юридических наук, доцента В. Е. Лапшина и кандидата юридических наук, доцента В. В. Шаханова. Семейное предпринимательство является наиболее распространенной формой ведения бизнеса во всем мире. В Российской Федерации отсутствует четкая правовая политика применительно к данной сфере. Малый и средний бизнес в форме семейного предприятия находит законодательную поддержку лишь в некоторых регионах. Существующие организационно-правовые формы не в полной мере удовлетворяют потребности семейного предпринимательства. По мнению авторов, необходимо разработать новую организационно-правовую форму юридического лица – семейная компания. Требуется новая модель юридической ответственности, комфортная как для семейного бизнеса, так и для потребителей.

Специальность **«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»** представлена четырьмя статьями. Исследование *«К истокам понятия "конституция": археология термина в Античности»* подготовлено кандидатом юридических наук, кандидатом педагогических наук, доцентом З. Н. Каландаришвили и кандидатом исторических наук, доцентом В. А. Ковалевым. В статье применяется разработанный Л. Февром и М. Фуко исторический метод археологии термина в отношении понятия «конституция». Показано, что существующая в отечественной традиции истории права терминологическая неоднозначность и порождаемая ею неопределенность могут быть преодолены прежде всего за счет обращения к смысловому наполнению лексических единиц, определяющих понятие конституции в древнегреческой и древнеримской традициях. К завершающему периоду развития античной правовой мысли сформировалось понимание термина, хотя и достаточно далекое от современного, но тем не менее несущее потенциал развития семантического наполнения в сторону принятого в эпоху Нового и Новейшего времени.

В статье доктора юридических наук, доцента Р. В. Нагорных и Д. В. Поповой *«Соотношение управленческих функций с компетенцией органов исполнительной власти»* раскрываются проблемы соотношения понятий «управленческая функция» и «компетенция органов исполнительной власти». Обосновывается позиция о необходимости совершенствования законодательства в данной области путем внесения изменений и дополнений в ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в части закрепления понятия компетенции органа исполнительной власти как «системы полномочий органа исполнительной власти по осуществлению государственной власти в определенной сфере или отрасли публичного управления».

Следующая статья *«О проблемах, возникающих при разрешении судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за отсутствие горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»* подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом О. В. Дербиной и К. К. Сыроежиной. В исследовании анализируется практика рассмотрения судами административных исковых заявлений о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении в части отсутствия горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов в порядке, предусмотренном ст. 227.1 КАС РФ. Авторами обозначены основные проблемы, возникающие при решении названной категории дел, сформулировано предложение о внесении дополнений в кодекс.

Завершает рубрику статья *«О некоторых вопросах понятия помилования в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации»* кандидата юридических наук, доцента В. В. Хрулевой, в которой рассматриваются некоторые аспекты понятия помилования в правовой системе с позиции современного законодательства. Обосновывается, что для более полного и правильного применения института помилования в Российской Федерации необходимо принятие федерального закона «О помиловании», в котором бы содержались понятие, принципы и условия применения данного института в России. Раскрывается деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в части толкования и применения помилования на практике. Анализируя некоторые его решения по обоснованию понятия помилования, автор приходит к выводу, что деятельность данного органа власти имеет существенное значение в практике развития института помилования.

В рамках специальности **«Уголовно-правовые науки»** размещены пятнадцать статей. Открывает раздел статья И. А. Абдулханьянова *«Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского неcodифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг.»*, в которой осуществляется ретроспективное исследование одного из распространенных логико-гносеологических средств юридической техники – юридической фикции в нормах советского неcodифицированного уголовного законодательства; дается его краткая характеристика; определяется, что фикция при-

менялась при формулировании различных уголовно-правовых предписаний, в частности: института условного осуждения, условно-досрочного освобождения, коллективной уголовной ответственности, приравнивании правового статуса некоторых категорий лиц и стадий совершения преступления. Автор делает вывод, что юридическая фикция способствовала рациональному и эффективному регулированию общественных отношений, достижению необходимых целей уголовной политики, одновременно с этим в ряде случаев она использовалась при формулировании положений, противоречащих фундаментальным общеправовым и специальным уголовно-правовым принципам (личной индивидуальной ответственности, справедливости, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности).

Следующую статью *«Отдельные аспекты вовлечения бизнеса в развитие наказания в виде принудительных работ: публичные и частные интересы»* подготовила кандидат юридических наук Е. В. Авдеева. В исследовании рассматривается вопрос внедрения в практику наказания в виде принудительных работ при активном участии бизнеса в контексте развития этого вида наказания. Обосновывается тезис о том, что применение наказания такого вида позволит решить вопрос ресоциализации осужденных, что обеспечит существенное улучшение криминогенной обстановки. Приводятся аргументы о необходимости применения труда лиц, отбывающих принудительные работы, в целях восстановления социальной справедливости и нарушенных прав потерпевшего, так как получение осужденным дохода ведет к регулярному возмещению ущерба, причиненного преступлением. Внимание уделяется анализу баланса частных и публичных интересов при применении принудительных работ. Делается вывод, что принудительные работы эффективно могут применяться не только при вынесении приговора, но и в качестве замены наказания в виде лишения свободы, замены части наказания в целях создания здоровых социальных связей с такими же работающими гражданами.

В статье А. М. Алексеева *«Понятие и значение уголовно-правовой конструкции»* исследуется одно из наиболее распространенных средств юридической техники в уголовном праве – юридическая конструкция, определяются ее роль и значение в механизме уголовного-правового регулирования, осуществляется ретроспективное изучение эволюции взглядов на нее в дореволюционной и советской юриспруденции, выявляются два взаимообуславливающих и диалектически взаимосвязанных концептуальных подхода к ее пониманию, сложившихся в современной доктрине права, изучаются взгляды на нее в науке уголовного права. Делается вывод, что уголовно-правовая конструкция лежит в основе формулирования важнейшей категории уголовного законодательства – состава преступления, а также используется для решения многих специально-охранительных задач.

Следующая статья *«Отсрочка исполнения приговора в условиях вооруженного конфликта как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания: исторический опыт и социальная целесообразность»* подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом В. П. Бодаевским. В статье

исследуется советский опыт правовой регламентации отсрочки исполнения приговора как специально-воинского вида освобождения от уголовного наказания в условиях вооруженного конфликта. Проведен анализ внесенного в Государственную Думу законопроекта, разработанного парламентом Башкирии, в ходе которого рассмотрены и уточнены основания предоставления осужденным отсрочки исполнения приговора, а также условия освобождения их от уголовного наказания. Констатируется, что работа над законодательным закреплением не только будет способствовать соблюдению конституционных прав и обязанностей осужденных, изъявивших желание защищать свое Отечество, но также устранению существующего диссонанса между предписаниями военного законодательства и ст. 59 Конституции Российской Федерации, усовершенствованию как уголовного и военного законодательства России, так и уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного отраслевого законодательства.

В статье *«Эффективность отдельных методов осуществления уголовного преследования в отношении контрабанды»* кандидата юридических наук, доцента Л. В. Бормотовой исследованы практические результаты деятельности правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование, выявление и пресечение контрабанды, в 2022 г. Данные сопоставлены с имеющейся проблематикой в теории и правовой неопределенностью в законодательстве. Резюмировано, что мерам уголовного преследования, фактически применяемым на практике и имеющим правовые предпосылки в виде фрагментарного закрепления, должно быть придано достаточное законодательное регулирование как эффективным инструментам выявления и пресечения преступлений в таможенной сфере. В связи с этим предложено расширить сферу применения и более подробного нормативного регулирования гласной части контролируемой поставки как основного эффективного инструмента борьбы в 2022 г. с контрабандой наркотических средств и веществ, их аналогов и прекурсоров.

Авторы статьи *«"Тихая" революция в правовом регулировании замены неотбытой части наказания более мягким видом в свете положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2021 № 32»* доктор юридических наук, доцент А. В. Иванчин, кандидат юридических наук, доцент А. Т. Валеев и Т. В. Лобачева исследуют проблемы применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом в порядке ст. 80 УК РФ в свете положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2021 № 32. В частности, авторы анализируют введенное данным постановлением правило, согласно которому суды должны применять коэффициенты, установленные ч. 1 ст. 71 УК РФ, при переводе неотбытого срока наказания к вновь избранному более мягкому виду наказания. Данное правило полностью изменило порядок применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом, а по факту сделало его для некоторых категорий осужденных просто бессмысленным.

Исследование кандидата юридических наук, доцента Н. Т. Идрисова *«Уровни механизма уголовно-правового запрета»* является продолжением рассуж-

дений автора о механизме уголовно-правового запрета, его уровнях (первая часть статьи опубликована в № 4 (19) 2022 г. журнала). Обосновывается наличие двух уровней механизма уголовно-правового запрета: индивидуального и публичного. Тезис о реализации уголовно-правового запрета на двух взаимосвязанных уровнях подтверждается рассуждениями о продуктах уголовного права. Представлена структура алгоритма социального доверия и принуждения через призму уголовно-правового запрета.

В статье *«Предложения по организации дистанционного надзора в целях пресечения противоправных действий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах»* С. Е. Илюхина и О. И. Денисенко исследуется дистанционный надзор как средство стимулирования правопослушного поведения лиц, находящихся в местах принудительного содержания, а также пресечения противоправных действий. Анализируются финансовые затраты, связанные с установкой необходимого оборудования. Приведены технические характеристики оборудования, обеспечивающего работу системы видеонаблюдения в учреждениях, исполняющих наказания.

Продолжает рубрику статья *«К вопросу об особенностях рассмотрения уголовных дел коллегией присяжных в отношении несовершеннолетних»*, автором которой является А. С. Каплунов. При рассмотрении в суде уголовных дел в отношении несовершеннолетних требуется исследование как предмета доказывания, так и обстоятельств, подлежащих установлению. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон при рассмотрении такой категории дел в суде присяжных не отнес выяснение обстоятельств, указанных в п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, к компетенции коллегии присяжных. Данный вопрос является дискуссионным и в рамках науки уголовного процесса. Особенности и специфика судопроизводства в отношении несовершеннолетних должны обеспечивать таким подсудимым дополнительные гарантии правовой защиты, а равно максимально индивидуальный подход к исследованию совершенного деяния. В рамках статьи на основе положений науки уголовного процесса и правоприменительной практики обсуждается проблема компетенции коллегии присяжных при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

В статье кандидата юридических наук, доцента Р. В. Комбарова *«К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции»* исследуются актуальные вопросы воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России. Отмечается, что на сегодняшний день законодательной регламентации организации воспитательной работы в отношении осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, нет. Уголовно-исполнительные инспекции в своей работе вынужденно ориентируются на аналогии в праве, касающиеся организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. В связи с чем необходимо внесение соответствующих дополнений в полномочия и обязанности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в рамках организации воспитательной работы. Следует закрепить на законодательном уровне понятие воспитательной

работы с осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, а также ее цели и задачи, перечень форм, методов и направлений. Рассматриваются и другие проблемы воспитательной работы с указанной категорией осужденных, предлагаются пути их решения.

Исследование *«Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект криминологической безопасности системы образования»* подготовлено кандидатом юридических наук Е. З. Сидоровой. Отечественная система образования, развиваясь и совершенствуясь, вместе с тем зачастую остается не защищенной от различного рода угроз и опасностей криминального характера. Особую тревогу вызывает преступность обучающихся, которые, как показывает практика, нередко совершают противоправные деяния, направленные против иных участников образовательных отношений. Представляется, что важным профилактическим потенциалом в данном аспекте обладает такой субъект криминологической безопасности системы образования, как комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Анализ деятельности данных комиссий в различных муниципальных образованиях страны позволил заключить, что требуется принятие федерального закона, который позволит регламентировать деятельность данных комиссий, укрепить их роль как ведущего органа системы профилактики правонарушений подростков. При этом подобная мера сможет повлиять не только на защиту прав несовершеннолетних лиц, но и позволит создать условия для обеспечения криминологической безопасности системы образования.

Автор следующей статьи *«Правоприменительные фикции в уголовном праве»* доктор юридических наук, доцент А. И. Ситникова проводит дифференциацию уголовно-правовых фикций на законодательные, правоприменительные и доктринальные. В зависимости от степени соответствия содержания умысла наступившим реальным последствиям правоприменительные фикции разделены на простые (однозначные) и сложные (двойные). Установлено, что простые фикции используются правоприменителем при минимальном отступлении уголовно-правовой оценки содеянного от фактических обстоятельств дела. Использование простых фикций имеет место при квалификации посягательств, связанных с фактическими ошибками в предмете преступления и размерах причиненного ущерба. Сложные фикции включают в себя создание несуществующих последствий, то есть не соответствующих реальным фактам совершенного посягательства.

Статья Д. Н. Софронова *«Правовое регулирование правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: юридический конфликт и пути его разрешения»* посвящена исследованию проблемы допустимости конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, решение которой находится в плоскости выбора между дозволением и запретом в качестве способа правового регулирования соответствующих общественных отношений. В силу абсолютной противоположности объективных интересов субъектов указанных правоотношений формируется юридический конфликт. Ввиду невозможности устранения противоречий

объективных интересов сторон данный юридический конфликт возможно разрешить (преодолеть) лишь путем выбора законодателем способа правового регулирования отношений адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Делается вывод, согласно которому решение о закреплении в нормативных правовых актах дозволения или запрета в качестве способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия между указанными субъектами должно приниматься законодателем, основываясь исключительно на субъективном и волевом выборе приоритета.

В статье *«Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий»* доктора юридических наук, профессора А. В. Шахматова рассматриваются проблемы, вытекающие из норм федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и связанные с проведением соответствующих мероприятий. Они носят как практический, так и теоретический характер, и их разрешение имеет значение для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Ряд затронутых в статье аспектов ранее выделялся иными учеными, но не был замечен законодателем. Целью работы является привлечение внимания законодателя к вопросам регулирования оперативно-розыскной деятельности, требующим своего разрешения.

Завершает рубрику статья *«Оперативно-розыскное мероприятие "опрос": современное понимание»*, автором которой является доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Е. Н. Яковец. В статье рассматривается содержание понятия оперативно-розыскного мероприятия «опрос», сформулированное на основании современных научных разработок и правоприменительной практики, кратко проанализирована правовая основа его проведения. Изложены основные точки зрения на классификацию видов опроса с позиции их гласности. Даны рекомендации по использованию результатов опроса в уголовном процессе в качестве доказательства.

Специальность **«Частно-правовые (цивилистические) науки»** представлена статьей кандидата юридических наук, доцента А. В. Миронова *«К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы»*. Автор анализирует законодательство и правоприменительная практика в сфере реализации исковых требований потерпевших, которые не были применены на досудебной и судебной стадиях в рамках гражданского иска в уголовном деле. Проанализированы возможности по трудовому устройству осужденных к лишению свободы как источнику средств для погашения исковых требований, а также перспективы реализации исковых требований после освобождения из исправительного учреждения с учетом развития и корректировки норм УК РФ, судебной практики в данной сфере и введения службы пробации в Российской Федерации.

Завершает выпуск публикация по специальности **«Международно-правовые науки»**. Статья *«Формы и способы защиты дипломатическими*

представительствами конституционных прав граждан в условиях пандемии коронавирусной инфекции» подготовлена доктором юридических наук, профессором Ю. В. Мишальченко, Т. Н. Юдаковой и М. Ю. Мишальченко. В исследовании рассмотрены отдельные аспекты деятельности дипломатических представительств по защите конституционных прав граждан Российской Федерации, находящихся на территории иностранных государств, в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Определено, что российская нормативно-правовая база прошла этап серьезной модернизации в рассматриваемый период, временно отказавшись от использования диспозитивных начал в пользу императивного метода правового регулирования. Для анализа деятельности дипломатических представительств в условиях коронавирусной инфекции рекомендовано использовать термин «оказание помощи». Авторами обоснована позиция о необходимости пересмотра сущности дипломатической защиты с учетом опыта работы дипломатов в период пандемии.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идеями на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске журнала, способствуют пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации новых исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе.

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент

Харьковский Евгений Леонидович

Научная статья

УДК 343.848

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001

Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной пробации

АННА ПЕТРОВНА ВЕСЕЛОВА

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия,
avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

Аннотация. Статья посвящена опыту патроната в Российской империи как деятельности, направленной на оказание всесторонней помощи лицам, освободившимся из мест заключения. Анализируется процесс развития данного института, прошедшего путь от разновидности общей филантропии до одного из концептуальных направлений уголовно-исполнительной политики. Предполагается, что на заключительном этапе своего развития, после введения типового устава обществ патроната и закона об условно-досрочном освобождении, патронат выходит за свои терминологические границы, приобретая черты, сближающие его с постпенитенциарной пробацией.

Ключевые слова: патронат; пробация; история пробации; ресоциализация.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Веселова А. П. Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной пробации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 18–25. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001.

Original article

Patronage in the Russian Empire as the First Experience of Domestic Probation

ANNA P. VESELOVA

Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

Abstract. The article is devoted to the experience of patronage in the Russian Empire as the activity aimed at providing comprehensive assistance to persons released from prison. The process of development of this institution, which has gone from a kind of general philanthropy to one of the conceptual directions of penal policy, is analyzed. It is assumed that at the final stage of its development, after the introduction of the standard charter of patronage societies and the law on parole, the patronage goes beyond its terminological boundaries, acquiring features that bring it closer to post-penitentiary probation.

Key words: patronage; probation; probation history; resocialization.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Veselova A.P. Patronage in the Russian Empire as the first experience of domestic probation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 18–25. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. одной из приоритетных задач определяет создание эффективной системы probation, способной стать ключевым механизмом ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также средством профилактики рецидивной преступности.

Из смысла положений концепции вытекает понимание probation как системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов оказания всесторонней помощи подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания.

Международные акты включают в probation широкий круг мероприятий и мер воспитательного воздействия (в том числе надзор, контроль, оказание помощи), направленных на вовлечение осужденного в общественную жизнь, а также на обеспечение безопасности общества [1, с. 117]. Основной целью probation называются сокращение рецидивной преступности посредством установления позитивных взаимоотношений с правонарушителями для осуществления контроля, руководства и оказания им помощи, а также вовлечения их в жизнь в обществе [1, с. 118].

Проект федерального закона «О probation в Российской Федерации» предусматривает различные виды probation, в том числе постпенитенциарную, которая применяется к лицам, освободившимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и включает совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию [2].

Несмотря на некоторое расхождение международного и национального законодательства в данной сфере, определяющими представляются акценты на цели probation, заключающейся в возврате осужденного в общество, что важно в том числе и для безопасности самого общества; на ее средствах, объединяющих различные виды помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы; на осуществлении функций probation различными общественными организациями при общем понимании службы probation как государственного ведомства.

Традиционно для изучения содержания probation используется зарубежная практика, однако анализ российской истории уголовно-исполнительной системы свидетельствует о наличии отечественного опыта, заслуживающего внимания и осмысления.

Для пенитенциарной действительности XIX – начала XX вв. в целях обозначения деятельности, связанной с оказанием социальной поддержки арестан-

там, в том числе отбывшим наказание, характерно использование термина «патронат». Историю патроната в России можно разделить на три периода, каждый из которых отличает свое целеполагание патронатской помощи, содержание и субъектный состав.

Первый этап развития патроната (1819–1880 гг.) сопряжен с деятельностью Попечительного о тюрьмах общества и различных благотворительных учреждений, получивших распространение в Российской империи в XIX в. Социальная помощь осужденным в этот период понималась как филантропическое направление и осуществлялась наравне с другими нуждающимися – бесприютными, нищенствующими, сиротами. Примерами обществ, ее оказывающих, являлись Комитет для разбора нищих (1835 г.), Приют для призрения освобожденных и оправданных всякого звания (1844 г.), Рабочий дом для выходящих из тюрьмы, больниц, для малолетних, не обученных ремеслам, и вообще для павших, но не потерявших чувства стыда и доброй воли, и др. [3, с. 6].

Специализированный характер патроната проявлялся в отношении двух категорий «выпущенников» – несовершеннолетних и женщин, что было обусловлено организацией исправительных приютов и «убежищ». И исправительные приюты, и «убежища» по своему назначению являлись учреждениями, где их подопечные могли временно проживать и питаться, получить одежду, денежное пособие, возможность временного заработка, а также положительную рекомендацию для последующего трудоустройства [4, ст. 11; 5, с. 417–420].

Второй этап формирования системы патроната в Российской империи (1880–1908 гг.) связан с новым пониманием целей покровительственной поддержки бывшим арестантам. Социальная помощь осужденным, составляющая его содержание, стала осознаваться как необходимое условие профилактики рецидивной преступности. В рамках международных пенитенциарных конгрессов активное обсуждение получили вопросы организации патроната как института, направленного на профилактику преступлений. Международные и отечественные правоведы подчеркивали значимость патронатской деятельности не только для бывших арестантов, но и для общества в целом.

Следствием изменившегося подхода стало осязаемое увеличение количества обществ, оказывающих адресную помощь лицам, освобожденным из мест заключения, а также устойчивое внимание государства к теме патроната и признание его одним из основных направлений в развитии российской пенитенциарной системы. Формальным признаком данных тенденций можно считать введение с 1906 г. в официальных отчетах Главного тюремного управления специального раздела – «Тюремный патронат» [6, с. 274], где освещались вопросы истории патроната в России и за рубежом, актуальные законодательные изменения, анализировалась деятельность обществ помощи бывшим арестантам и их отчетность.

Отчеты Главного тюремного управления 1906–1907 гг. подтверждают, что на тот момент под патронатом понималась любая деятельность, направленная на оказание помощи освобождаемым или освобожденным из мест заключения, а также их семьям. В практическом отношении она больше касалась

наиболее уязвимых категорий – женщин и детей. По финансовым отчетам, представленным благотворительно-тюремными комитетами, очевидно, что расходы обществ в большей степени были связаны с материальным обеспечением подопечных (продовольствием, одеждой, медикаментами и т. п.). [6, с. 274–288; 7, с. 310–352].

С 1908 г. в развитии патроната можно выделить заключительный и качественно новый этап, предопределенный принятием Нормального устава обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната), а также форсировавшим его законом об условно-досрочном освобождении.

С введением типового устава впервые на законодательном уровне было сформулировано понятие патроната, под которым следовало понимать покровительство лицам, освобождаемым из мест заключения. Устав в ст. 5 закреплял направления деятельности обществ, к которым относились: снабжение одеждой, пищей, медикаментами, рабочими инструментами и материалами и т. п.; выдача ссуд и денежных пособий; поиск рабочих мест; содействие в помещении в приюты, больницы, дома трудолюбия; помощь в отправлении на родину, в получении видов на жительство, получении разрешения на перемену места жительства; обеспечение возможностей воспитания детей [8].

Отчеты Главного тюремного управления показывают, что на практике основными видами патронатской помощи являлись: обеспечение питанием, необходимыми предметами (имеются в виду рабочие инструменты) и одеждой, содействие в поиске работы и жилища, устройство детей в приюты, способствование возвращению на родину, помещение в дома трудолюбия и убежища, найм квартир и «углов», оказание юридической помощи. К видам юридической помощи отчеты относят: возбуждение ходатайств о невысылке, помощь в скорейшем назначении дела и поиске защитника, назначение поручителя, принятие поручительства и внесение залога [9, с. 140; 10, с. 344; 11, с. 242].

Принципиальное значение имеет тот факт, что устав прямо не определял надзорные функции общества патроната по отношению к своим подопечным. Более того, в уставе поддерживалась концепция добровольности бывших арестантов в поступлении под покровительство общества (ст. 4) [8]. Однако положения Закона об условном досрочном освобождении, с изложением рассуждений, на коих он основан, 1909 г. [12], разработка которого в значительной степени предопределила принятие Нормального устава общественного покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната), наделяли общества патроната существенными полномочиями, превращая их фактически в механизм обеспечения условно-досрочного освобождения.

Так, согласно ст. 5 указанного закона, членам местных обществ патроната в том числе принадлежало право возбуждать вопрос об условно-досрочном освобождении заключенных, участвовать в особом совещании, определяющем возможность его применения к конкретному заключенному (ст. 7). На весь оставшийся неотбытым срок лишения свободы досрочно освобожденный передавался «под наблюдение и на попечение» общества патроната

(ст. 15). Члены данного общества выдавали разрешение на отлучку лица из назначенного места жительства (ст. 19), а также должны были уведомлять суд о нарушениях, совершенных досрочно освобожденным и служивших основанием для отмены условно-досрочного освобождения (ст. 21).

Право членов местных обществ патроната возбуждать вопрос об условно-досрочном освобождении заключенных меняет представление о патронате в Российской империи этого периода как об институте, имеющем исключительно постпенитенциарную направленность. Согласно ст. 39 Нормального устава обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключений (патроната), для детального знакомства с содержащимися под стражей и их нуждами члены общества, избранные правлением, были наделены правом посещать места заключения.

При устойчивом понимании патроната как преимущественно общественной инициативы на третьем этапе заметно возрастает государственное участие. В конце XIX в. М. И. Свешников, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, лаконично сформулировал возможные формы отечественного патроната: как разновидность народного призрения, как форма общественной опеки над личностью осужденного, как форма общественно-государственного надзора над освобожденным, с обширными над ним правами [13, с. 181].

Именно по последнему пути шло развитие патроната в России после принятия Нормального устава общественного покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната) (1908 г.), и закона об условно-досрочном освобождении (1909 г.). Об этом свидетельствовали появление контроля со стороны государственных органов в виде обязательных отчетов обществ патроната, привлечение административного ресурса в лице губернаторов, а также введение частичного казенного финансирования патронатской деятельности. Закон 1912 г. «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения» предусматривал казенные пособия, размер которых, однако, не мог быть больше, чем количество финансов, привлеченных обществом самостоятельно [14].

Перспективы расширения государственного участия отечественные юристы, современники патроната, видели во введении в состав обществ патроната членов по должности, к которым в том числе относили начальника тюрьмы и помощника прокурора, заведующего тюрьмой [15, с. 308]. Кроме того, предлагалось создать центральный государственный орган патроната, который должен был объединить разрозненные общества в пределах одного государства [13, с. 183–184].

Представляется, что на последнем, третьем, этапе своего развития с 1908 г. патронат в Российской империи приобретает характеристики, позволяющие считать его опытом отечественной пробации. К 1914 г. в России существовало почти полторы сотни обществ, реализующих патронатскую деятельность в разных регионах империи. Содержание патроната в большей степени было направлено на ресоциализацию бывших арестантов, что подразумевало оказание прямой материальной поддержки, организационной и юридической помощи. Надзорные функции члены общества выполняли по отношению к условно-досрочно освобожденным.

Деятельность обществ была нормативно урегулирована. Вводилось частичное государственное финансирование патроната и контроль в виде предоставления отчетности. Патронат в целом носил постпенитенциарный характер, однако ряд положений (посещение в тюрьме, возбуждение ходатайства об условно-досрочном освобождении) свидетельствует о его распространении и на период нахождения осужденного в заключении.

Система патроната мыслилась в роли посредника между обществом (именно обществом, а не государством) и «выпущенником», при этом ее успешное функционирование не представлялось без активных позиций обеих сторон. Из этого следовал ряд принципиальных моментов. Во-первых, концепция добровольности вступления под опеку обществ патроната для основной категории лиц, освободившихся из мест лишения. По-настоящему социально адаптировать и реабилитировать можно только тех, кто сам желает вернуться в общество и стать его имманентной частью. Для иных лиц достаточно полицейского надзора. Во-вторых, подчеркивалась важность выполнения патронатских функций общественными, не связанными с тюрьмой буквально учреждениями. Они должны иметь внутреннюю человеческую заинтересованность в результате, а не профессиональную казенную надобность. В-третьих, посредничество и его плоды будут благополучными, если общество не останется равнодушным. Оно не только не препятствует, относясь настороженно, а порой и враждебно к «выпущенникам», но и активно содействует возвращению бывших осужденных в свои ряды. Часть не сможет вернуться в целое, если отторгается последним. Поэтому одной из задач системы патроната признавалась просветительская работа, живое знакомство широкой общественности с идеями патроната, прививание обществу чувства ответственности и значимости в борьбе с преступностью через участие в патронате.

Таким образом, патронат, ставший на рубеже XIX–XX вв. одним из концептуальных направлений развития отечественной уголовно-исполнительной системы, прошел в Российской империи существенный путь от второстепенных функций Попечительного о тюрьмах общества до системы обществ, оказывающих помощь осужденным, отбывшим наказание в виде лишения свободы. Объединенная общим названием патроната, под которым понималось покровительство лицам, освобождаемым из мест заключения, эта деятельность вышла за свои терминологические границы, приобретя после 1908 г. черты, сближающие ее с современным понятием probation. Весь период своего существования патронат оставался гуманистическим институтом социальной и правовой помощи. Его содержание определяли материальная поддержка, содействие в поиске жилья и трудоустройстве, юридические услуги. Внимание уделялось заботе о семье арестантов и сохранению их семейных связей. Надзорные функции обществ патроната носили второстепенный характер и были направлены на категорию условно-досрочно освобожденных. Несмотря на то что описанный опыт находился в стадии формирования и был прерван по объективным причинам, заслуживающими внимания представляются тезисы о добровольности участия подопечных, признании общественных организаций в качестве первостепенного субъекта патроната, просвещении и активном вовлечении широких слоев общества в дело патроната.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сборник документов Совета Европы / сост. и перев. В. Б. Первозванский, Н. Б. Хуторская. М., 2011. 143 с.
2. Проект федерального закона № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2022). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Шимановский М. В. Патронат в России. Публичная лекция. Одесса, 1888. 71 с.
4. Об исправительных приютах. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. 5 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение второе. 1866 г. СПб., 1868. С. 352–353.
5. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы и до наших дней (1560–1880). СПб., 1880. 674 с.
6. Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 год. СПб., 1908. 333 с.
7. Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 год. СПб., 1909. 397 с.
8. Нормальный устав обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключений (патроната). [Б. м.], 1908. 8 с.
9. Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1912. 151 с.
10. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 2. Приложения. СПб., 1913. 398 с.
11. Отчет по Главному тюремному управлению за 1913 год. Ч. 2. Приложения. СПб., 1914. 292 с.
12. Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан (Собр. узак. 1909 г. № 126, ст. 1216) / под. ред. Д. А. Коптева. СПб., 1909. 374 с.
13. Труды Пенитенциарной комиссии С. Петербургского юридического общества / под ред. И. Я. Фойницкого. СПб., 1890. 214 с.
14. О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон. 24 декабря 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXII. Отделение первое. 1912 г. Петроград, 1915. С. 1775–1777.
15. Международный союз криминалистов. Русская группа. СПб., 1902. 577 с.

REFERENCES

1. *Sbornik dokumentov Soveta Evropy* [Collection of documents of the Council of Europe]. Comp. and transl. by Pervozvanskii V.B., Khutorskaya N.B. Moscow, 2011. 143 p.
2. *Proekt federal'nogo zakona No. 232770-8 "O probatsii v Rossiiskoi Federatsii"* (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 10.11.2022) [Draft Federal Law No. 232770-8 "On probation in the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, wording as of November 10, 2022)]. Access from the "ConsultantPlus" legal reference system.
3. Shimanovskii M.V. *Patronat v Rossii. Publichnaya lektsiya* [Patronage in Russia. Public lecture]. Odessa, 1888. 71 p.
4. On correctional shelters. The most highly approved opinion of the State Council. December 5, 1866. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sbranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie vtoroe. 1866 g.* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XLI. Section 2]. Saint Petersburg, 1868. Pp. 352–353. (In Russ.).
5. Nikitin V.N. *Tyur'ma i ssylka: istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz-pod strazhi so*

vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my i do nashikh dnei (1560–1880) [Prison and exile: historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, messengers, their children and released from custody from the time of emergence of the Russian prison to the present day (1560–1880)]. Saint Petersburg, 1880. 674 p.

6. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1906 god* [Report on the Main Prison Administration for 1906]. Saint Petersburg, 1908. 333 p.

7. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1907 god* [Report on the Main Prison Administration for 1907.]. Saint Petersburg, 1909. 397 p.

8. *Normal'nyi ustav obshchestv pokrovitel'stva litsam, osvobozhdaemym iz mest zaklyucheniya (patronata)* [Normal charter of patronage societies for persons released from places of detention (patronage)], 1908. 8 p.

9. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1910 god. Ch. 1. Ob'yasneniya* [Report on the Main Prison Administration for 1910. Part 1. Explanations]. Saint Petersburg, 1912. 151 p.

10. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1911 god. Ch. 2. Prilozheniya* [Report on the Main Prison Administration for 1911. Part 2. Appendices]. Saint Petersburg, 1913. 398 p.

11. *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1913 god. Ch. 2. Prilozheniya* [Report on the Main Prison Administration for 1913. Part 2. Appendices]. Saint Petersburg, 1914. 292 p.

12. *Zakon ob uslovnom dosrochnom osvobozhdenii s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh on osnovan (Sobr. uzak. 1909 g. No. 126, st. 1216)* [The law on conditional early release with a statement of the reasoning on which it is based (Collection of laws 1909, No. 126, Article 1,216)]. Ed. by Koptev D.A. Saint Petersburg, 1909. 374 p.

13. *Trudy Penitentsiarnoi komissii S. Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Penitentiary Commission of the Saint Petersburg Law Society]. Ed. by Foinitskii I.Ya. Saint Petersburg, 1890. 214 p.

14. On State assistance to patronage societies for persons released from prison. The most highly approved law approved by the State Council and the State Duma. December 24, 1912. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. XXXII. Otdelenie pervoe. 1912 g.* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXXII. Section 1]. Petrograd, 1915. Pp. 1,775–1,777. (In Russ.).

15. *Mezhdunarodnyi soyuz kriminalistov. Russkaya gruppa* [International Union of Criminologists. Russian group]. Saint Petersburg, 1902. 577 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АННА ПЕТРОВНА ВЕСЕЛОВА – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФЦИН России, Новокузнецк, Россия, avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

ANNA P. VESELOVA – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, avspectr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4673-3053>

Статья поступила 12.12.2022

Научная статья

УДК 35(470.4)«1917/1918»

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.002

Из истории организации и деятельности Красной гвардии Нижнего Поволжья (1917–1918 гг.)

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Научно-исследовательский центр Академии управления МВД
России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Аннотация. В статье с историко-правовых позиций анализируются организационные и правовые основы деятельности Красной гвардии на примере Нижнего Поволжья в 1917–1918 гг. С использованием архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, рассматриваются история и правовое положение Красной гвардии на этапе ее становления, накануне и в период Октябрьской революции 1917 г., а также в годы Гражданской войны. Автором исследуются правовые основы и практика формирования Красной гвардии, органы ее управления, состав, структура, компетенция и основные направления деятельности. В статье раскрываются вопросы, связанные с участием красногвардейских отрядов в борьбе с контрреволюцией, обеспечением охраны общественного порядка и противодействием преступности. При этом уделяется внимание их взаимодействию с органами советской власти, военного управления и милиции.

Ключевые слова: Совет депутатов; исполнительный комитет; Красная гвардия.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Из истории организации и деятельности Красной гвардии Нижнего Поволжья (1917–1918 гг.) // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 26–35. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.002.

Original article

From the History of the Organization and Activities of the Red Guard of the Lower Volga Region (1917–1918)

ALEKSANDR E. EPIFANOV

Research Center of the Management Academy of the Ministry of the
Interior of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Abstract. The article analyzes organizational and legal foundations of the activities of the Red Guard from a historical and legal standpoint on the example

of the Lower Volga Region in 1917–1918. Using archival materials, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the history and legal status of the Red Guard at the stage of its formation, on the eve and during the October Revolution of 1917, as well as during the Civil War are considered. The author discloses legal foundations and practice of the formation of the Red Guard, its governing bodies, composition, structure, competence and main areas of activity. The article reveals issues related to the participation of Red Guard detachments in the fight against counterrevolution, ensuring protection of public order and countering crime. At the same time, attention is paid to their interaction with the bodies of Soviet power, military administration and militia.

Keywords: Council of Deputies; Executive Committee; Red Guard.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. From the history of the organization and activities of the Red Guard of the Lower Volga Region (1917–1918). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 26–35. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.002.

История и правовое положение отечественных органов внутренних дел, государственной безопасности и военного управления до настоящего времени остаются малоизученными, особенно на этапе их становления и в региональном аспекте.

Тема Красной гвардии была одной из самых излюбленных для историков и публицистов Советского государства [1]. К сожалению, ограниченные пределы исследования не позволяют привести даже простого перечисления их публикаций. Несмотря на все многообразие литературы в изучаемой сфере, организационные и правовые основы ее деятельности затрагивалась в основном фрагментарно, в зависимости от отраслевой принадлежности соответствующих исследований. Кроме того, по понятным причинам работы советского периода не были свободны от идеологизированности и тенденциозности. Из указанных трудов мы можем получить представление о возникновении, обучении и вооружении Красной гвардии, ее участии в революции и в борьбе за установление советской власти в центре и на местах. Интерес к Красной гвардии, хотя и не в такой степени, сохранился и на постсоветском пространстве. Учитывая тему настоящего исследования, привлекают внимание, в частности, новейшие работы А. П. Абрамовского и Е. Г. Морозова [2], Ю. Е. Кисмерешкиной [3] и А. С. Сальникова [4].

На наш взгляд, представления, сложившиеся в изучаемой сфере, нуждаются в корректировке и дополнении. В этой связи в статье предпринимается попытка на основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, раскрыть прежде всего организационные и правовые основы деятельности Красной гвардии на примере Нижнего Поволжья, которые в отечественной историографии освещены менее всего.

Отряды Красной гвардии представляли собой вооруженные силы революционного пролетариата и крестьянства, явившиеся основной опорой советской власти в ходе Октябрьской революции 1917 г. и на начальном этапе Гражданской войны. Их возникновение непосредственно связано с наступив-

шей после Февральской революции 1917 г. реакцией и берет свое начало из создававшихся на заводах рабочих отрядов, дружин и милиции.

Осознание бесперспективности двоевластия, сложившегося в результате Февральской революции 1917 г., равно как и жизненной необходимости силовых структур, способных выступить в защиту и отстоять при необходимости интересы советской власти, начало приходить к образованному 2 марта 1917 г. Царицынскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже к лету того же года [5].

Несмотря на достигнутое соглашение о координации действий подчиненного Временному правительству «особого отряда» под командованием полковника Корвин-Круковского с Царицынским совдепом, на деле тот занял враждебную позицию. Под предлогом обеспечения отправки на фронт царицынских полков роль Совета была сведена на нет, а в городе установлено чрезвычайное положение, граничащее с военной диктатурой. Подчиненными Корвин-Круковского был арестован ряд политических деятелей Царицына, включая большевиков – товарища (заместителя) председателя Совдепа Минина, членов его Исполнительного бюро Ермана и Сергеева (причем последний был арестован прямо в здании Совета во время заседания бюро). Особым отрядом была закрыта газета «Борьба». Против Царицынского совдепа и других органов советской власти началась неприкрытая агитация. Постановления Совета либо нарушались, либо игнорировались.

Лишенный реальной поддержки каких-либо вооруженных сил, 3 августа 1917 г. Совдеп вынужден был занять примирительную позицию и ограничиться призывом к рабочим и солдатам соблюдать полное спокойствие, не оказывать отряду Корвин-Круковского никакого противодействия. Вместе с тем ЦИК и Временному правительству Советом, в связи с действиями названного отряда, был выражен протест (Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 32. Л. 12–14).

Тем временем, с лета 1917 г. на предприятиях Царицына начали создаваться формирования Красной гвардии. Одно из первых, насчитывавшее около 200 бойцов, было создано на Французском заводе. Аналогичные отряды были созданы на Пушечном и Максимовском заводах. Красногвардейцы взяли под охрану свои предприятия, личность и имущество местного населения, противодействовали преступности и нарушениям общественного порядка. Таким образом, они явились альтернативой несостоятельной и беспомощной «народной» милиции, образованной Временным правительством и находившейся в подчинении органов городского самоуправления. Характерно, что отряды Красной гвардии названных заводов были признаны Совдепом «крупными политическими организациями», в связи с чем выдвинули своих представителей во Временный революционный штаб Царицына, сформированный ввиду «крупных политических событий в стране», Петрограде в частности (то есть Октябрьской революции 1917 г.), Царицынским исполкомом Совдепа. В введение названного штаба исполкомом была передана вся полнота власти в Царицыне и его окрестностях (ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 32. Л. 17).

Вопросами формирования и обеспечения всем необходимым отрядов Красной гвардии активно занялся созданный 19 декабря 1917 г. на правах отдела Совдепа Штаб обороны Царицына. Перед ним была поставлена задача противодействия пытавшимся захватить Царицын войскам атамана Каледина, а также подавления иных контрреволюционных выступлений. К его компетенции, помимо прочего, были отнесены регистрация всех сосредоточенных в районе Царицына вооруженных сил и установление над ними руководства, обеспечение революционных организаций и их боевых подразделений вооружением, организация обороны Царицына и расположенных в его окрестностях органов советской власти. Одной из основных задач названного штаба являлось формирование и вооружение отрядов Красной гвардии, во многом благодаря которым в феврале 1918 г. калединский мятеж был подавлен. Непосредственно после этого, согласно Декрету СНК РСФСР от 15 января (23 февраля) 1918 г. «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [6, с. 356–357], с марта того же года штабом было начато формирование уже регулярных частей РККА. Однако процесс этот занял довольно продолжительное время, в связи с чем оборону Царицына продолжали осуществлять разного рода вооруженные отряды (прежде всего Красной гвардии), которым было свойственно партизанское устройство. К централизованному подчинению и руководству они вовсе не стремились.

Предпринятая временным чрезвычайным комиссаром СНК РСФСР по Югу России Орджоникидзе в мае 1918 г. попытка объединить и возглавить названные отряды, а также осуществить единый план обороны города успехом не увенчалась. Лишь с прибытием 27 мая 1918 г. в Царицын комиссариата и штаба Северо-Кавказского военного округа были осуществлены реальные шаги к созданию централизованного военного руководства его обороной. Что касается отрядов Красной гвардии, то они, как правило, преобразовывались, согласно установленному порядку, в части РККА. Соответствующие формальности осуществлял Царицынский губернский военный комиссариат, который 1 июля 1918 г. сменил названный штаб обороны. Аналогичные преобразования происходили и на отдельных участках военных действий. Так, в июне 1918 г. распоряжением военного комиссара царицынского железнодорожного узла, согласно приказам о Красной армии, были объединены и реорганизованы оборонявшие железнодорожную линию Поворино – Тихорецкая красногвардейские отряды Петрова и Сиверса (ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 94. Л. 60).

Между тем при Царицынском Совдепе некоторое время действовали Центральный штаб Красной гвардии, ведавший комплектованием и вооружением ее формирований, а также ее районные штабы. Именно туда, например, обратился комендант Военной организации по организации Красной гвардии судоходных служащих в Сарептском затоне с просьбой о выдаче 34-м ее бойцам тридцати винтовок и четырех револьверов (ГАВО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 152. Л. 178). Вместе с тем Совдеп непосредственно распоряжался формированиями Красной гвардии и принимал решения об их использовании. Так, в дека-

бре 1917 г. по ходатайству Городской управы им было установлено дежурство красногвардейцев в городской столовой на предмет охраны порядка и имущества, которое регулярно расхищалось во время обедов (ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 32. Л. 7). Судя по имеющимся данным, бойцы Красной гвардии еженедельно получали жалованье за счет отчислений, поступавших с царицынских заводчиков исполкомом Совдепа. На случай отказа кого-либо из них делать соответствующие взносы для их принудительного взимания наряжался один из красногвардейцев (ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 94. Л. 29).

Вызванный революцией паралич власти способствовал невиданному разгулу преступности, выразившемуся прежде всего в насилиях, бесчинствах и грабежах. В ночное время распространились вторжения в дома обывателей переодетых военнослужащими грабителей под видом производства обысков. Принимая во внимание массовые насилия и грабежи, Городская управа и исполком Совдепа вынуждены были с 26 ноября 1917 г. объявить в городе положение «усиленной охраны». Формированиям Красной гвардии и воинским частям в этой связи было предписано оказывать милиции всяческое содействие в поимке преступников. Названное положение носило бессрочный характер и устанавливалось вплоть до наступления в городе спокойствия (ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 32. Л. 29). Объективности ради необходимо отметить, что порой отличить наделенных правом производства обысков представителей советской власти от бандитов было затруднительно, особенно учитывая цели, которые они преследовали. Так, например, в феврале 1918 г. Штаб обороны Совдепа выдал некому Иловлеву разовый ордер (действительный в течение суток) на право производства обыска в Общественном собрании Царицына на предмет обнаружения и изъятия спиртных напитков и огнестрельного оружия (ГАВО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 152. Л. 72).

При осуществлении Красной гвардией возложенных на нее обязанностей возникла конфликтная ситуация с «особым Центральным комитетом по ночной охране города», возглавившим вооруженную «поочередную народную охрану» из числа добровольцев центральных районов города. Названное формирование было вызвано к жизни распространением в Царицыне грабежей, насилий и убийств. Несмотря на то что 22 декабря 1917 г. Городская дума издала обязательное постановление о введении «временной натуральной повинности» по ночной охране города, красногвардейцы подвергали несущих ночную охрану граждан аресту, а имеющееся у них оружие изымали. В этой связи Городская управа была вынуждена обратиться к Совдепу с просьбой прекратить подобную практику (ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 23. Л. 2). Порой борьба Красной гвардии с бандитизмом в Царицыне выливалась в полномасштабные военные действия. В мае 1918 г., например, банды анархиста Петренко в ответ на требование красногвардейцев разоружиться и сдать награбленные ценности открыли по городу огонь из артиллерийских орудий.

Вызывают интерес организация и деятельность отрядов Красной гвардии еще одного поволжского региона – Черноярского уезда Саратовской губернии. Их особенности были вызваны прежде всего отдаленностью названного уезда от основных промышленных и революционных центров. 4 января 1918 г.

Чрезвычайный съезд советов названного уезда единогласно постановил организовать на вверенной территории Красную гвардию. Все находящиеся в уезде винтовки при этом были взяты на учет. Недостающее вооружение было затребовано из Царицынского арсенала (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 3).

11 января 1918 г. названный съезд вернулся к вопросу об организации Красной гвардии. Член фракции РСДРП(б) Шварц ознакомил делегатов съезда с ее целями и значением. Учитывая то обстоятельство, что созданная Временным правительством местная милиция оказалась «не на высоте», он настоятельно рекомендовал съезду заменить ее Красной гвардией. Поскольку, по его мнению, только она была в состоянии поддержать «лозунги» Совета народных комиссаров, Шварц предложил открыть в городе широкую «добровольческую» запись в ее ряды. Однако не все делегаты съезда согласились с его предложением, сочтя его излишне поспешным. Так, председатель съезда Сорокин выступил с предложением предварительно пригласить в уезд агитаторов из таких революционных центров, как Саратов и Царицын, с тем чтобы «политически» подготовить население и разъяснить ему значение как Совдепа, так и самой Красной гвардии.

Другие депутаты, напротив, выступили на стороне Шварца, настаивая на немедленном образовании местной, уездной Красной гвардии, крайне необходимой для поддержки Совета. В этой связи воинскому начальнику было предложено являющихся из отпуска солдат не отправлять в запасные части, а оставлять в Черном Яру для ее комплектования.

Образование Красной гвардии в селах частью депутатов было признано нецелесообразным, учитывая неспособность крестьянства к организованным совместным действиям с оружием в руках. Вместе с тем некоторые делегаты обратили внимание на опасность контрреволюционных действий, исходившую от проживающих на сопредельной территории калмыков, выступивших на стороне так называемого Юго-восточного союза Каледина и Корнилова. Кроме того, среди делегатов съезда возникла идея военной подготовки лояльных советской власти калмыков и их использования для борьбы с контрреволюцией в составе Красной гвардии.

В конце концов было принято предложение предоставить сельским и волостным советам право решать самим вопрос об организации красногвардейских отрядов на местах, принимая во внимание пожелания населения. Уездный совет со своей стороны был обязан снабжать соответствующие формирования оружием. В целом съезд поддержал образование Красной гвардии 33 голосами против трех и одного воздержавшегося. При этом была объявлена широкая добровольная запись в Красную гвардию людей, «преданных делу социализма» (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 8).

Образование сельских отрядов Красной гвардии особенно актуализировало разгром казачьих формирований Каледина и Корнилова в районе Астрахани. Разбитые казаки бежали, увозя с собой оружие, пушки и награбленное имущество. В этой связи Черноморский совдеп обратился к населению окрестных сел с призывом организовывать отряды, вооружать их и подстерегать отступающих по всем проселкам из Астрахани и по Рязано-Уральской железной

дороге казаков. Во избежание кровопролития разоружению подлежали все проезжающие без исключения, так как казаки переодевались в гражданскую одежду (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 25).

15 января 1918 г. Чернойарский временный исполком постановил переименовать уездную и городскую милицию в Красную гвардию. Способом ее формирования были определены выборы, которые проводились в уезде волостными советами из числа «вполне надежных и преданных» лиц. Начальником всех красногвардейцев города и уезда был определен проживающий в г. Черный Яр уездный народный комиссар. Избирался он съездом из представителей города и окрестных сел. Кандидаты на этот пост выдвигались местным советом из своего состава. Комиссар наделялся правом вербовать красногвардейцев из числа бывших милиционеров, которые сохраняли при этом все свои прежние обязанности. Он был обязан отчитываться о своей деятельности перед местным советом, а также руководствоваться поступающими от него директивами. В случаях, не терпящих отлагательства, комиссар был вправе обратиться за советом в президиум местного совета (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 14).

Характерно, что в течение всего периода формирования Красной гвардии милиция уезда своей деятельности не прекращала, а ее сотрудники продолжали исполнять поручения органов советской власти. Так, начальник уездной милиции по поручениям местного исполкома собирал в отношении иностранных подданных и членов их семей характеризующие сведения на предмет решения вопроса о возможности выезда за пределы уезда.

26 января 1918 г. на экстренном заседании Чернойарского совдепа было принято решение об образовании революционного комитета и двух отрядов Красной гвардии в селе Ново-Николаевка. Один из них без промедления был направлен для занятия станции Баскунчак Рязано-Уральской железной дороги, другой – в соседнее село Болхуны для оказания помощи его жителям в бою с казаками. В самом Черном Яру Совдепом было организовано патрулирование города красногвардейцами, а также разоружение отступавших из Астрахани «участников гражданской войны» – во избежание последующей междоусобицы. На предмет согласования действий сельских отрядов Красной гвардии уездным совдепом было размножено адресованное им специальное воззвание. Начальнику воинского гарнизона было предписано выдать сельским отрядам Красной гвардии необходимое количество пороха и патронов (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 26).

27 января 1918 г. по инициативе временного исполкома Совдепа вопрос об организации уездной Красной гвардии был поставлен на рассмотрение общего собрания граждан города Черный Яр. Красная гвардия была объявлена носителем истинных идей социализма, призванной по первому зову поддерживать стоящий на страже интересов трудового народа и завоеваний революции Совдеп. При этом населению разъяснялось экстраординарное положение, сложившееся в полосе Рязано-Уральской железной дороги, а также доводилась информация об организации вооруженных отрядов в окрестных селах. По примеру сельчан исполком призвал горожан также организовать

отряд Красной гвардии и объявил запись в его ряды (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 27).

28 января 1918 г. исполком поручил своей секции по охране города осуществить разоружение уездной милиции и Земской управы. Полученные от их руководства вооружение и боеприпасы под расписку были переданы красногвардейцам в индивидуальном порядке. В случае выезда кого-либо из них на продолжительное время из города оружие подлежало сдаче названной секции или непосредственно Совдепу. Для борьбы с контрреволюцией оружие могло отпускаться исполкомом отрядам Красной гвардии соседних регионов на время. По миновании надобности оно подлежало возврату. Характерно, что передавая оружие, названный исполком настоятельно рекомендовал красногвардейцам прилагать все возможные усилия во избежание кровопролития, действовать «выдержанно и политически». По имеющимся данным, в то время как красногвардейцы были заняты противодействием контрреволюции, их правоохранные функции были делегированы так называемой «военной милиции», то есть военным дислоцированным в городе гарнизона. Ей, например, исполкомом было поручено закрыть имеющиеся в Черном Яру кофейни, в которых происходили тайная торговля самогоном и игра в карты, оказывавшие пагубное влияние на криминогенную ситуацию в городе (ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 28).

В результате контрреволюционных действий местной буржуазии, а также остатков разгромленных в районе Астрахани банд калединцев в расположенных на границе Самарской губернии, Оренбургской области, а также казачьих районов Николаевского уезда Астраханской губернии селах и хуторах чрезвычайно развился терроризировавший население бандитизм. Положение осложнялось тем, что бандиты были хорошо вооружены, причем не только винтовками и револьверами, но и пулеметами.

Отряды же Красной гвардии не имели в достаточном количестве даже винтовок. Пулеметов у них не было совсем. В этой связи председатель Николаевского исполкома обратился в штаб обороны Царицына о выделении для уничтожения контрреволюционных банд пулеметов, а также необходимого количества винтовок для вооружения формируемых на предмет подавления беспорядков и защиты советской власти четырех пеших и одного конного отрядов. Для вооружения «разведочно-революционного отряда по борьбе с контрреволюцией», «экстренных отрядов» по реквизиции хлеба, членов штаба совдепа, а также уголовного отдела были затребованы револьверы, для формируемой конной сотни – шашки и седла. За отсутствием железных дорог и иных путей сообщения у красногвардейцев возникла острая необходимость в автомобилях. Четыре таких транспортных средства Николаевским совдепом были изысканы и использовались для проверки хлебных запасов на хуторах, своевременного предупреждения их захватов бандами казаков, а также для связи с сельскими советами и «центром революционных сил» – Царицыном. Однако за отсутствием запаса бензина автомобили чаще всего простаивали, в связи с чем для их заправки было запрошено горючее (ГАВО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 152. Л. 199).

Исследование показало, что Красная гвардия явилась той силой, которая обеспечила триумфальное шествие советской власти в России, победу в социалистической революции и Гражданской войне, борьбе за установление Власти Советов не только в центре, но и на местах. Отряды Красной гвардии, в том числе Нижнего Поволжья, заложили основы вооруженных сил и органов охраны правопорядка Советского государства на этапе его становления. Неоценим вклад Красной гвардии в становление и развитие Рабоче-крестьянской Красной армии и милиции.

Использование архивных материалов позволило не только расширить проблематику исследования ее истории, но и повысить его уровень, скорректировать сложившиеся представления в данной сфере и ввести в научный оборот новые сведения.

Вместе с тем рассмотрение истории и правового положения Красной гвардии Нижнего Поволжья позволяет прийти к заключению о том, что сделано далеко не все. Организация и деятельность данной структуры на местах разработаны еще слабо. На наш взгляд, следовало бы более основательно изучить вопросы, связанные с организационными и правовыми основами функционирования Красной гвардии в различных регионах страны. Еще недостаточно показаны регламентация и правоприменительная практика в отношении осуществления ее полномочий, в том числе по охране общественного порядка и противодействию преступности. По-прежнему встречаются лишь редкие упоминания о деятельности красногвардейских отрядов на селе, их роли в борьбе с контрреволюцией. Освещение затронутых проблем представило бы несомненный научно-практический интерес.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верховь В. П. Литература по истории Красной гвардии // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 141–148.
2. Абрамовский А. П., Морозов Е. Г. Особенности формирования Красной гвардии в 1917–1918 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 1992. № 2 (4). С. 22–29.
3. Кисмерешкина Ю. Е. Формирование отрядов Красной гвардии в г. Златоусте // Золотые россыпи былого : сб. материалов XII Краевед. конф. им. Н. А. Косикова. Челябинск, 2019. С. 37–39.
4. Сальников А. С. К вопросу об организации подразделений Красной гвардии в Ярославской губернии в период установления советской власти // Российская полиция: три века служения Отечеству : сб. ст. юбилейной междунар. науч. конф. : в 2 ч. М., 2019. Ч. 1 / под ред. В. Л. Кубышко. С. 372–376.
5. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Становление и развитие особых государственно-правовых режимов в советском государстве. 1917–1930-е годы // Закон и право. 2011. № 5. С. 18–21.
6. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / подгот. к печати д-р истор. наук, проф. С. Н. Валк и др. М., 1957. 640 с.

REFERENCES

1. Verkhos' V.P. Literature on the history of the Red Guard. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1966, no. 2, pp. 141–148. (In Russ.).
2. Abramovskii A.P., Morozov E.G. Features of the formation of the Red Guard in 1917–1918. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1992, no. 2 (4), pp. 22–29. (In Russ.).
3. Kismereshkina Yu.E. Formation of Red Guard detachments in Zlatoust. In: *Zolotye rossypi bylogo: sb. materialov 12 Kraeved. konf. im. N.A. Kosikova* [Golden placers of the past: collection of materials of the 12th local history conference named after N. A. Kosikov]. Chelyabinsk, 2019. Pp. 37–39. (In Russ.).
4. Sal'nikov A.S. On the organization of Red Guard units in the Yaroslavl province during the establishment of Soviet power. In: Kubyshko V.L. (Ed.). *Rossiiskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: sb. st. yubileinoi mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 1* [Russian police: three centuries of service to the Fatherland: collection of materials of the anniversary international scientific conference: in 2 parts. Part 1]. Moscow, 2019. Pp. 372–376. (In Russ.).
5. Epifanov A.E., Dzhambalaev Ya.R. Formation and development of special state-legal regimes in the Soviet state. 1917–1930s. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2011, no. 5, pp. 18–21. (In Russ.).
6. *Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g.* [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1. October 25, 1917 – March 16, 1918]. Ed. by Valk S.N. et al. Moscow, 1957. 640 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of History of the Ministry of Interior of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 30.12.2022

Научная статья

УДК 351.74(470.12)"1889–1993"

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.003

Создание сети уряднических школ Вологодской губернии в 1889–1893 гг.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛЕСНИКОВ

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, vkolesnikov3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4802-4533>

КИРИЛЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СИТНИКОВ

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, kirillsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания сети школ по подготовке урядников Вологодской губернии в 1889–1893 гг. Исследуются организационные и правовые основы формирования образовательных организаций, а также ключевые особенности построения учебного процесса в них: продолжительность обучения, содержание учебного курса, итоговые испытания. Анализируются первые итоги функционирования уряднических школ региона. Делается вывод об уникальности для правоохранительной системы Российской империи опыта, накопленного в Вологодской губернии в конце XIX в., в деле профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции.

Ключевые слова: уездная полиция; урядники; профессиональная подготовка; школа урядников; урядническая школа.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Колесников В. А., Ситников К. А. Создание сети уряднических школ Вологодской губернии 1889–1893 гг. // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 36–46. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.003.

Original article

Creation of a Rural Police School Network in the Vologda Province in 1889–1893

VLADIMIR A. KOLESNIKOV

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, vkolesnikov3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4802-4533>

KIRILL A. SITNIKOV

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, kirillsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>

Abstract. The article deals with the process of creating a network of rural police schools in the Vologda Province in 1889–1893. It considers organizational and legal foundations for the formation of educational organizations, as well as key features of the educational process construction: duration of training, content of the training course, final tests. It analyzes initial results of the functioning of rural police schools. The authors conclude that the experience gained in the Vologda Province at the end of the 19th century in the professional training of the lower ranks of the county police is unique for the law enforcement system of the Russian Empire.

Keywords: county police; uрядniks; vocational training; rural police schools.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kolesnikov V.A., Sitnikov K.A. Creation of a rural police school network in the Vologda Province in 1889–1893. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 36–46.

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.003.

В конце XIX в. в Российской империи начали предприниматься первые попытки организации профессиональной подготовки полицейских (включая нижних чинов уездной полиции – урядников) в общегосударственном масштабе.

Среди ключевых документов в данной сфере выделяется подписанный министром внутренних дел графом Д. А. Толстым и разосланный по губерниям вместе с новой Инструкцией полицейским урядникам [1] циркуляр от 28 июля 1887 г. № 3153.

Руководством ведомства признавалось, что «хотя деятельность урядников во всей ее совокупности и не может быть признана вполне удовлетворительной, но тем не менее не представляется достаточных оснований к безусловному отрицанию приносимой урядниками пользы» (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 2. Л. 60).

В качестве значимых проблем, возникавших в функционировании местной полиции, отмечались «весьма неудовлетворительный личный состав» уряднического корпуса и проблемы с дисциплиной (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 2. Л. 60об.). Особый интерес вызывают положения циркуляра, посвященные неоднократно озвучивавшимся и ранее тезисам о том, что «лучшими урядниками оказываются грамотные унтер-офицеры и нижние чины запаса армии».

В этой связи предлагалось вакансии в штате нижних чинов уездной полиции замещать «преимущественно перед всякими другими лицами» именно «вполне грамотными и развитыми нижними чинами, снабженными, при увольнении в запас или отставку, рекомендательными свидетельствами от начальников частей, в коих они служили» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 2. Л. 61). Отобранных кандидатов на должности было необходимо

«собирать в губернский город, где под руководством опытных полицейских чиновников особых поручений при губернаторе готовить в течение некоторого времени к полицейской деятельности» [2, с. 264–269].

В дальнейшем 8 ноября 1888 г. был издан циркуляр Департамента полиции МВД № 3021 (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 5), содержащий обращение к губернаторам с напоминанием о том, что ранее отмеченным документом было «указано на целесообразность устройства в губерниях подготовительной службы или школы урядников» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 5) [2, с. 304].

Анализ архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, приводит к выводу о том, что на рассматриваемый период приходится окончательное осознание необходимости институализации обучения нижних чинов уездной полиции, обобщения опыта создания и функционирования уряднических школ. Об этом ярко свидетельствует содержание циркуляра Департамента полиции от 7 января 1889 г. № 69 (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 62). В результате изучения поступивших из губерний донесений о проблемах организации вверенных «подготовительных школ для полицейских урядников» МВД распространило среди глав регионов сведения об организации и деятельности одной из таких школ, созданной в январе 1888 г. «в одном из губернских городов». Также направлялась и программа типовой образовательной организации (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 62) [2, с. 305–306].

В результате уже к концу 1892 г. рукописный текст сводной справочной таблицы, подготовленной для Всеподданнейшей записки И. Н. Дурново императору Александру III, свидетельствует о том, что уряднические школы были открыты в 23 губерниях Российской империи (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 132). В большинстве случаев речь шла об одном подобном учреждении на регион. Однако известны и иные прецеденты.

Так, вятский губернатор А. Ф. Анисьин в отношении в Департамент полиции от 7 сентября 1889 г. № 5084 указывал на открытие «подготовительной школы для нижних чинов» с 15 июля 1889 г в г. Вятке (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 133–134). На следующий год сообщалось, что была «учреждена таковая же школа в г. Елабуге» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 169) [2, с. 319].

Однако действительно уникальным представляется пример Вологодской губернии, где к 1893 г. функционировала целая сеть уряднических школ в городах Вологде, Вельске, Тотьме, Никольске, Устюге и Усть-Сысольске (см. табл. 1). Связано это было в первую очередь с большой территориальной протяженностью вышеуказанного региона. Так, по исчислению известного русского геодезиста и картографа И. А. Стрельбицкого, поверхность суши Вологодской губернии без значительных внутренних вод составляла площадь в 36 807,229 десятин (более 400 квадратных километров) [3, с. 41].

Создание сети ожидаемо началось с губернского города – Вологды. Циркуляром от 27 октября 1889 г. № 1925 глава региона М. Н. Кормилицын указывал на то, что им уже утверждены «правила для уряднической школы», кото-

рые виделось «удобным применить к служащим... лишь уездов Вологодского, Грязовецкого и ближайших к Вологде местностей Кадниковского уезда» (Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 3).

Таблица 1

Сведения об учреждении уряднических школ Вологодской губернии в 1889–1893 гг.

Город	Дата открытия школы	Преподаватель
Вологда	15 ноября 1889 г.	Помощник уездного исправника
Устюг	18 января 1890 г.	Помощник уездного исправника
Тотьма	15 декабря 1892 г.	Помощник уездного исправника коллежский ассесор В. П. Сорохтин
Усть-Сысольск	15 декабря 1892 г.	Помощник уездного исправника штабс-ротмистр А. Л. Фон-Климан
Никольск	2 января 1893 г.	Помощник уездного исправника надворный советник Ф. М. Окулов ¹
Вельск	8 февраля 1893 г.	Полицейский надзиратель П. М. Пахнин

Школа учреждалась для лиц, уже занимавших соответствующие должности, а также для потенциальных кандидатов с целью предоставления возможности «основательно» усвоить знания, необходимые для отправления правоохранительной деятельности. В связи с этим с каждого из вышеперечисленных уездов должны были командироваться по одному уряднику и кандидаты на такие должности в неограниченном количестве. Открылась школа 15 ноября 1889 г. [4, с. 4]. Располагалась она первоначально при губернском правлении, в последующем, ввиду отсутствия в новой квартире административных органов требуемого помещения, – при уездном полицейском управлении.

Для северо-восточных уездов планировалось создание аналогичного учреждения в г. Устюге. С этой целью исправнику было поручено составить и «предъявить» губернатору «проект правил... применительный к правилам Вологодской школы» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 163) [2, с. 319]. Согласно губернским ведомостям данная идея была реализована 18 января 1890 г. [5]. Однако в материалах делопроизводства регионального правления указывается на открытие школы в марте 1890 г. По всей видимости, на самом деле речь шла о начале занятий.

Вскоре начальник губернии «изволил... признать», что существовавших школ «недостаточно и что необходимо иметь их еще» в городах Вельске, Тотьме, Никольске и Усть-Сысольске. В связи с этим циркуляром Первого отделения губернского правления соответствующим уездным исправникам предписывалось «немедленно» распорядиться учреждением при местных полицейских управлениях специализированных образовательных организа-

¹ Предположительно, на основании данных Памятной книжки Вологодской губернии за 1893–1894 гг.

ций, «применяясь» к вологодским правилам. Преподавание в школах требовалось возложить, при непосредственном наблюдении исправников, на их помощников. Окончательное испытание обучающихся, согласно документу, возлагалось на комиссию в составе руководителя местной полиции и товарища прокурора (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 8).

Первым 16 декабря 1892 г. об открытии уряднической школы днем ранее доложил усть-сысольский уездный исправник А. А. Прозрицкий (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 16). В рапорте от 17 декабря 1892 г. № 723 его никольский коллега А. И. Сентянин сообщил о назначении даты открытия подведомственной ему школы – 1 января 1893 г., занятия должны были начаться на следующий день (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 10) [6, с. 2]. В дальнейшей переписке сообщалось о проведении в присутствии товарища прокурора молебна по случаю начала функционирования указанного учреждения 2 января.

Несколько позже, 21 декабря 1892 г., откликнулся глава тотемской уездной полиции А. И. Алексин, указавший на выполнение поставленной перед ним задачи еще 15 декабря (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 9, 9об.).

О результатах проведенной деятельности, по всей видимости, с целью привлечения внимания потенциальных кандидатов на службу в местной полиции было размещено короткое объявление в Вологодских губернских ведомостях: «при полицейских управлениях Вологодской губернии открыты уряднические школы в городах: Тотьме и Усть-Сысольске с 15 декабря 1892 года и Никольске с 2 января 1893 года» [6, с. 2].

Определенные затруднения возникли в Вельском уезде. В рапорте от 18 декабря 1892 г. № 768 уездный исправник М. И. Квинтов доносил, что создание требуемой образовательной организации при условии возложения преподавания на помощника исправника не представляется возможным. Объяснялось это отсутствием «главнейших» в полицейской службе качеств, внимания и серьезности к обязанностям у указанного должностного лица (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 14, 14об.).

В ответ на это региональное руководство предписало М. И. Квинтову поручить обязанности по преподаванию другому лицу из местных полицейских чинов под личным контролем исправника. Вследствие этого с 8 февраля 1893 г. в Вельске была открыта шестая губернская урядническая школа [6, с. 1].

Поскольку в Вельске, Тотьме, Никольске, Устюге и Усть-Сысольске обучение нижних чинов уездной полиции должно было строиться по образцу губернского города, полагаем целесообразным рассматривать порядок прохождения профессиональной подготовки в регионе на основе «Правил об уряднической школе в г. Вологде» как универсального и общеприменимого документа.

Как мы уже отмечали ранее, на учебу, согласно вышеуказанному документу, принималось по одному уряднику (подобным образом организовывалось обучение в Житомире, Петрозаводске [4, с. 4] и других губерниях) от каждого закрепленного за учреждением уезда, количество кандидатов на занятие уряднических вакансий не ограничивалось [2, с. 338]. Так, в Ни-

кольскую урядническую школу в ходе первого набора было командировано 9 чел. (1 служащий и 8 кандидатов), в г. Тотьму – 2 (1 служащий и 1 кандидат). Вместе с тем известны и случаи незначительного отступления от указанного правила комплектования. Например, в рапорте от 15 января 1893 г. № 49 кадниковский уездный исправник докладывал в Губернское правление о том, что на время предстоящей ярмарки в г. Вологду им было командировано 2 урядника. Они же должны были явиться в урядническую школу губернского города для сдачи итогового испытания (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 19, 20, 24об.).

За нижними чинам полиции в ходе обучения сохранялось полное содержание, соответствовавшее их должности, включая и фуражные деньги [4]. Иных доплат им не полагалось, однако руководство губернии стремилось за счет собственных средств минимизировать сопутствующие расходы урядников. В связи с этим последним предоставлялись для проживания бесплатные казенные помещения «при одной из городских частей». Для сравнения, аналогичный подход был и в Пскове (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 2. Л. 305) [4], а в Петрозаводске для этих целей применялся деревянный дом бывшей тюрьмы (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 75,78) [2, с. 366; 8, с. 6].

Для того чтобы быть допущенными в школу, уже занимавшие должность урядника лица должны были предъявить предписание исправника, а кандидаты на службу – «виды», по которым проживали, а также письменное удостоверение о нравственной благонадежности.

Срок обучения соответствовал общеимперским тенденциям и составлял два месяца, как и в Архангельске, Владимире, Воронеже и т. д. (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 70, 82–82об., 138об.–149об. 152об.) [2, с. 343; 9, с. 122; 10]. Однако наиболее подготовленные служащие могли быть досрочно подвергнуты итоговым испытаниям и в случае успешного их прохождения освобождены «тотчас же» от дальнейшего курса.

Занятия велись с понедельника по субботу (кроме праздничных дней) с 9 до 14 часов.

Программа подготовки формировалась в соответствии с главной задачей образовательного процесса: разъяснять урядникам «существо и пределы их прав и обязанностей, приемы и условия деятельности и ответственность, объяснять признаки преступлений и упражнять в составлении донесений, актов и протоколов, согласно указаниям инструкции» [2, с. 344; 4].

В связи с этим с поступлением в школу урядниками и кандидатами сначала изучалась инструкция от 28 июля 1887 г., затем инструкция, изданная прокурором московской судебной палаты Муравьевым (в Тотемской школе вместо нее закупалось Систематическое руководство для полицейских урядников А. П. Романовского), как более подробная и знакомившая с общими приемами, которые «урядник должен принимать» к раскрытию преступлений и проступков. Все вопросы, возникавшие в ходе обучения, а также проводившиеся изменения в законодательстве должен был разъяснять и доводить преподаватель.

На следующем этапе с целью формирования у нижних чинов уездной полиции «правильного понятия о роде» преступления или проступка и полноценного представления о порядке направления дел по подсудности внимание уделялось Уложению о наказаниях и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [11]. Практические навыки вырабатывались в ходе выполнения письменных работ. Они заключались в составлении актов дознания, протоколов допроса, обысков, осмотров и постановлений о задержании обвиняемых. Все нарушения формальных и содержательных требований к процессуальным документам должны были указываться преподавателем для их дальнейшего недопущения (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 1–3).

Когда все письменные работы «по убеждению преподавателя» признаны удовлетворительными, заведующему школой (старшему советнику Губернского правления) докладывалось о назначении итоговых испытаний. С этой целью должна была формироваться специальная экзаменационная комиссия в составе заведующего, уездного исправника с приглашением товарища прокурора Окружного суда. Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области, позволяют сделать предположение о том, что в уездных школах из данного правила делалось исключение. Об испытаниях докладывалось уже постфактум, а в комиссию вместо старшего советника Губернского правления входил преподаватель (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 24–25).

Нижние чины полиции, продемонстрировавшие удовлетворительные знания, возвращались в уезд к своим должностям, не выдержавшие испытания увольнялись со службы «как неспособные». По мере освобождения мест в школе в нее «без особого вызова» исправники по очереди высылали новых урядников «так, чтобы все урядники прошли через школу, если не для учения, кто в нем не нуждается, то для испытания» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 138–139) [2, с. 337].

Кандидаты «из посторонних лиц» в случае успешной сдачи экзамена приобретали преимущественное право на замещение искомых должностей в губернии. При этом «Правила об уряднической школе в Вологде» предусматривали, что те обучавшиеся, которые во время нахождения в школе «будут вести себя неодобрительно, право на занятие уряднической должности приобрести не могут, занимающие уже урядническую должность от нее увольняются» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 4. Л. 29) [2, с. 343; 4, с. 4].

Для организации документационного обеспечения образовательного процесса, как, например, и в Архангельске, в вологодских школах должны были вестись специальные книги, куда вносились сведения обо всех обучавшихся в них: отдельно о полицейских урядниках и отдельно о кандидатах на уряднические должности. Фиксировались порядковый номер каждого из них, звание, фамилия, имя и отчество, даты поступления в школу и выбытия из нее, документы, представленные при поступлении, результаты итоговых испытаний, подписанные членами экзаменационных комиссий, отметки о выданных свидетельствах (при условии успешной сдачи итоговых испытаний), расписки выбывших о получении документов (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882.

Д. 547. Ч. 4. Л. 139, 153). Книги сопровождалась алфавитными указателями [2, с. 353–354].

Сведения о выпускниках, не преуспевших на итоговых испытаниях, обязательно сообщались в губернаторские канцелярии [4, с. 4]. Затем никакой переписки школа не вела и лишь в «потребных случаях» могла испрашивать устными докладами советника указаний от губернатора. Фактически же уездные исправники вели консультационные переписки с Губернским правлением от своего имени.

В циркуляре МВД от 28 июля 1887 г. № 3153 особо подчеркивалось, что организация «школы для урядников, как это доказал опыт, принося существенную пользу, не вызывает никаких затрат со стороны казны, кроме ничтожных расходов на канцелярские принадлежности, которые при наличии известной доли желания и заботливости могут свободно пополняться из имеющихся в распоряжении гг. губернаторов сумм» (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. Оп. 317. 1882. Д. 547. Ч. 2. Л. 61) [2, с. 264–269].

Вместе с тем на практике определенные затруднения в данной области все же возникали. Докладывая 17 декабря 1892 г. о деятельности по учреждении школы, никольский уездный исправник А. И. Сентянин ходатайствовал перед Губернским правлением о возврате затраченных им из собственных средств 33 руб. 20 коп., поскольку «расход этот не представляется возможным отнести на канцелярские и хозяйственные расходы полицейского управления по незначительности кредита, открытого на этот предмет» (см. табл. 2) (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 10–11).

Таблица 2

*Расходы никольского уездного полицейского исправника
на открытие уряднической школы в 1892–1893 гг.*

Статья расходов	Кол-во	Затрачено	
		руб.	коп.
Парты	2 шт.	10	00
Инструкция прокурора Муравьева	5 экз.	5	00
Систематическое руководство Романовского [12]	5 экз.	10	00
Переплет закупленных материалов	–	2	50
Чернильницы	4 шт.	1	00
Белая и серая бумага	2 стопы	4	20
Ручки и карандаши	–	0	50
ИТОГО ЗАТРАЧЕНО		33	20

Также А. И. Сентянин просил прислать 25 листов для книги учета обучающихся и 50 печатных бланков свидетельств об обучении в школе. Со стороны Губернского правления было удовлетворено лишь последнее из трех перечисленных ходатайств. Относительно остальных запросов сообщалось, что в региональной казне отсутствовали необходимые денежные средства как на компенсацию расходов должностного лица, так и на печать бланков для книги

по расходу личного состава. Последние предлагалось заказать в губернской типографии (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3393. Л. 12, 12об.).

Можно говорить и о некоторых первоначальных результатах функционирования системы уряднических школ Вологодской губернии. Так, по итогам обучения в центральном учреждении из 22 урядников 19 были признаны «вполне усвоившими обязанности», а трое уволены. Из 11 кандидатов успешно экзамен сдали 8 чел., еще трое были признаны неспособными к полицейской службе. Положительные решения были приняты по всем обучавшимся первого набора Тотемской уряднической школы.

Таким образом, к 1893 г. в Вологодской губернии была сформирована уникальная для Российской империи рассматриваемого периода система подготовки нижних чинов уездной полиции, характеризующаяся наличием сети уряднических школ (в отличие от большинства регионов, в которых не создавалось более одной подобной организации). Избранный подход позволил, с одной стороны, оперативно в общегубернском масштабе повысить уровень подготовки и проверить степень пригодности к несению службы всех уже действовавших урядников, с другой – отобрать наиболее способных кандидатов для последующего занятия вакантных должностей. Все это существенно отразилось на уровне профессионализма нижних чинов уездной полиции региона и, безусловно, на эффективности отправляемой ими деятельности. В последующем накопленный в рамках функционирования сети школ опыт был применен и для создания в 1911 г. новой Вологодской уряднической школы «третьей волны» [2], пришедшей на смену предыдущей модели образовательной организации [13].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Инструкция полицейским урядникам (по соглашению с Министром юстиции, утв. Министром внутр. дел 28 июля 1887 г.). СПб., 1888. 20 с.
2. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : моногр. Воронеж, 2018. 685 с.
3. Памятная книжка Вологодской губернии на 1893–1894 годы / под ред. Н. А. Полиевктова. Вологда, 1893. 353 с.
4. Вологодские губернские ведомости. 1889. № 43.
5. Вологодские губернские ведомости. 1890. № 7.
6. Вологодские губернские ведомости. 1893. № 3.
7. Вологодские губернские ведомости. 1893. № 12.
8. Макаров Д. В., Федосов А. В. Петрозаводская школа для подготовки полицейских урядников // Музей истории МВД Карелии : бюл. Петрозаводск, 2005. Вып. 3 (17). С. 6–15.
9. Потапчик В. В., Рычков Ю. А., Тесленко А. И. Полиция Тверской губернии: исторический очерк. Тверь, 2014. 207 с.
10. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Становление профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в регионах Российской империи в конце XIX – начале XX в.: воронежские экзаменационная комиссия и школа урядников // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 7–27.
11. Таганцев Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1879. 332 с.

12. Систематическое руководство для полицейских урядников : теорет. и практ. пособие : в 3 ч. / сост. А. П. Романовский, помощник херсон. уездного исправника. Херсон, 1890. 500 с.
13. Ситников К. А. Учреждение и начало функционирования Вологодской уряднической школы в 1911 г. // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 9–16.

REFERENCES

1. *Instruktsiya politseiskim uryadnikam (po soglasheniyu s Ministrom yustitsii, utv. Ministrom vnutr. del 28 iyulya 1887 g.)* [Instructions to police officers: (by agreement with the Minister of Justice, approved by the Minister of Internal Affairs on July 28, 1887)]. Saint Petersburg, 1888. 20 p.
2. Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. *Professional'naya podgotovka nizhnikh chinov uездnoi politsii v Rossiiskoi imperii v kontse 19 – nachale 20 veka: monogr.* [Professional training of the lower ranks of the county police in the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th century: monograph]. Voronezh, 2018. 685 p.
3. *Pamyatnaya knizhka Vologodskoi gubernii na 1893–1894 gody* [The memorial book of the Vologda Province for 1893–1894]. Ed. by Polievktov N.A. Vologda, 1893. 353 p.
4. *Vologodskie gubernskie vedomosti = Vologda Provincial News*, 1889, no. 43.
5. *Vologodskie gubernskie vedomosti = Vologda Provincial News*, 1890, no. 7.
6. *Vologodskie gubernskie vedomosti = Vologda Provincial News*, 1893, no. 3.
7. *Vologodskie gubernskie vedomosti = Vologda Provincial News*, 1893, no. 12.
8. Makarov D.V., Fedosov A.V. Petrozavodsk school for training police officers. In: *Muzei istorii MVD Karelii: byul.* [Museum of the History of the Ministry of Internal Affairs of Karelia: bulletin]. Petrozavodsk, 2005. No. 3 (17). Pp. 6–15. (In Russ.).
9. Potapchik V.V., Rychkov Yu.A., Teslenko A.I. *Politsiya Tverskoi gubernii: istoricheskiy ocherk* [Police of the Tver province: historical essay]. Tver, 2014. 207 p.
10. Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. Formation of lower ranks rural police professional training in regions of the Russian Empire in late XIX – early XX centuries: Voronezh examination board and rural police school. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 7–27. (In Russ.).
11. Tagantsev N.S. *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [The Statute on punishments imposed by magistrates]. Saint Petersburg, 1879. 332 p.
12. *Sistematicheskoe rukovodstvo dlya politseiskikh uryadnikov: teoret. i prakt. posobie: v 3 ch.* [Systematic guide for police officers: theoretical and practical manual: in 3 parts]. Comp. by Romanovskii A.P. Kherson, 1890. 500 p.
13. Sitnikov K.A. Establishment and beginning of functioning of the Vologda rural police school in 1911. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3, pp. 9–16. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛЕСНИКОВ – кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, vkolesnikov3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4802-4533>

VLADIMIR A. KOLESNIKOV – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, professor at the Department of the Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, vkolesnikov3@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4802-4533>

КИРИЛЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СИТНИКОВ – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, kirillsa@mail.ru, [https://orcid.org/ 0000-0002-6247-969X](https://orcid.org/0000-0002-6247-969X)

KIRILL A. SITNIKOV – Senior Lecturer at the Department of the Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, kirillsa@mail.ru, [https://orcid.org / 0000-0002-6247-969X](https://orcid.org/0000-0002-6247-969X)

Статья поступила 29.12.2022

Научная статья

УДК 340:347.1

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.004

О необходимости развития семейных форм предпринимательства как инструмента формирования стиля предпринимательского мышления

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Аннотация. Семейное предпринимательство является наиболее распространенной формой ведения бизнеса во всем мире. В Российской Федерации отсутствует четкая правовая политика применительно к данной сфере. Малый и средний бизнес в форме семейного предприятия находит законодательную поддержку лишь в некоторых регионах. Существующие организационно-правовые формы не в полной мере удовлетворяют потребности семейного предпринимательства. Грамотный подход к организации семейного предприятия со стороны государства поможет легализовать фактические трудовые отношения между членами семьи. Необходимо разработать новую организационно-правовую форму юридического лица – семейная компания. Требуется новая модель юридической ответственности, комфортная как для семейного бизнеса, так и для потребителей. Для развития предпринимательства в России следует формировать стиль предпринимательского мышления, ключевая роль которого принадлежит институту семьи.

Ключевые слова: семейное предпринимательство; формы семейного предпринимательства; стиль предпринимательского мышления; семейная компания; уставной счет; ответственность семейного бизнеса; фактические трудовые отношения.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Шаханов В. В. О необходимости развития семейных форм предпринимательства как инструмента формирования стиля предпринимательского мышления // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 47–56. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.004.

Original article

On the Need to Develop Family Forms of Entrepreneurship as a Tool for Shaping the Style of Entrepreneurial Thinking

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vologda, Russia

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia

Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Abstract. Family entrepreneurship is the most widespread form of doing business worldwide. There is no clear legal policy in the Russian Federation in relation to this area. Small and medium-sized businesses in the form of a family enterprise find legislative support only in some regions. Current organizational and legal forms do not fully meet requirements of family entrepreneurship. State authorities' competent approach to the organization of a family enterprise will boost legalization of actual labor relations between family members. It is necessary to develop a new organizational and legal form of a legal entity, such as a family enterprise. It is required to work out a new model of legal liability, comfortable for both family businesses and consumers. To promote entrepreneurship in Russia, it is reasonable to form a style of entrepreneurial thinking, the key role of which belongs to the family institute.

Keywords: family entrepreneurship; forms of family entrepreneurship; style of entrepreneurial thinking; family enterprise; statutory account; responsibility of family business; actual labor relations.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

For citation: Lapshin V.E., Shakhanov V.V. On the need to develop family forms of entrepreneurship as a tool for shaping the style of entrepreneurial thinking. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 47–56. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.004.

Ни один социальный институт по своему функционалу не может конкурировать с семьей. Она играет важную роль не только в вопросах демографии, социализации, воспитания, обучения, но и в сфере экономического просвещения. Все чаще мы слышим об отсутствии коммерческой жилки у россиян, их нежелании заниматься бизнесом. Чтобы исправить ситуацию, необходимо формировать соответствующий стиль предпринимательского мышления, ключевым элементом которого может быть семья. Образ мышления является системообразующим фактором в рамках отдельно взятой эпохи, позволяет осуществлять правовое прогнозирование, а также выявлять чуждые данной правовой системе или эпохе элементы. Стиль юридического мышления является правовым метафеноменом [1]. Для формирования стиля предпринимательского мышления необходимо развивать семейные формы предпринимательства.

Приоритет семейных форм бизнеса является аксиомой во многих развитых странах. Такой бизнес может существовать на грани рентабельности, не всегда требует привлечения рабочей силы со стороны (проблема отсутствия дешевой рабочей силы существует и будет существовать). Несмотря на важность развития семейных форм предпринимательства, его правовое регулирование в нашей стране оставляет желать лучшего. Как справедливо отмечает А. Н. Левушкин, «на сегодняшний день в российском законодательстве не существует точного определения такого правового явления, как семейное предпринимательство и семейный бизнес в контексте развития малого и среднего предпринимательства в России» [2, с. 197].

Научные исследования в сфере семейного предпринимательства ведутся давно, в рамках различных научных специальностей, в том числе на монографическом уровне [3–6]. Данная проблема рассматривается в учебной литературе по предпринимательскому праву [7, с. 332–365], хотя это еще не стало трендом. Несмотря на это, правовое опосредование семейного предпринимательства отсутствует как на федеральном, так и на региональном уровнях. Исключением из этого правила стала Нижегородская область, где был принят Закон от 07.06.2022 № 82-З «О внесении изменений в Закон Нижегородской области “О развитии малого и среднего предпринимательства в Нижегородской области”», в котором сформулированы меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, являющихся семейными предприятиями. На федеральном уровне разработкой законопроекта о семейном предпринимательстве занимается Торгово-промышленная палата, однако результата этой работы пока не видно. Существует риск недостаточной поддержки данной формы ведения предпринимательской деятельности. Подобная ситуация сложилась с правовым регулированием института многодетной

семьи. На этом фоне научное исследование вопросов семейного предпринимательства сохраняет свою актуальность.

Семейное предпринимательство является экономическим «локомотивом» в большинстве развитых стран. Игнорировать этот факт в условиях поиска оптимальной экономической модели развития современной России нельзя. Следует сосредоточиться на конкретных предложениях по организации семейного бизнеса, легализации всех задействованных в нем лиц. Существует объективная потребность в специальной организационно-правовой форме, комфортной для развития семейного предпринимательства.

Научная новизна исследования заключается в попытке сформировать концептуальную основу для совершенствования правового регулирования семейного бизнеса. В качестве методологического средства используется эвристический потенциал научной категории «стиль мышления».

Целью исследования является обоснование необходимости развития семейных форм бизнеса как инструмента формирования стиля предпринимательского мышления. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: обратить внимание на зарубежный и исторический опыт использования института семьи для решения экономических проблем; сформулировать предложения по развитию семейных форм предпринимательства; обозначить риски, связанные с правовым опосредованием семейного бизнеса.

Результаты исследования могут помочь в формировании теоретической и нормативной модели развития семейных форм предпринимательства в России. Практическая значимость заключается в предложениях по совершенствованию действующего законодательства: необходимость введения новой организационно-правовой формы юридического лица – семейная компания; внедрение новой модели юридической ответственности семейных компаний с использованием юридической конструкции «уставной счет».

Одной из глобальных проблем современной России является нежелание населения заниматься предпринимательской деятельностью. Для ее решения принимаются различные меры, например снижение давления со стороны контрольных и надзорных органов на предпринимателей. С этой целью вводится запрет на проведение плановых контрольных мероприятий, совершенствуется нормативная модель контрольно-надзорной деятельности. Несмотря на предпринимаемые государством усилия, количество субъектов предпринимательской деятельности не увеличивается. Ситуацию усугубляют и кризисные явления в мировой экономике. На этом негативном фоне необходимо искать новые инструменты увеличения предпринимательской активности. Таким недооцененным инструментом, на наш взгляд, является семейный бизнес.

Историография и анализ постсоветского законодательства показывают, что понятие семейного бизнеса юридически определено не было. Этот факт, безусловно, сказывается на процессе развития малого предпринимательства и семейных форм его организации [8]. Семейный бизнес в России начал складываться еще при царе Иване Грозном, к началу XVIII в. развивался

в виде купеческих династий (Морозовых, Рябушинских и т. д.) [9, с. 20]. Исследователи отмечают, что «в России институт семейного предпринимательства успешно развивался до 1917 г. Революция прервала развитие данного института более чем на 70 лет, но с начала 1990-х гг. семейное предпринимательство стало развиваться вновь. Предприниматели начали открывать собственные семейные компании (магазины, ателье, кафе и др.), создавать кооперативы» [10, с. 52]. Правовая форма семейного предпринимательства при этом отсутствовала. В настоящее время оно существует лишь в рамках более общих терминологических форм (чаще как субъекты малого и среднего предпринимательства).

Ключевая задача развития семейных форм бизнеса заключается в создании благоприятного фона для активизации предпринимательской деятельности. Для этого необходимо формировать стиль предпринимательского мышления. Его отсутствие в социально-исторической ретроспективе последних десятилетий не способствует становлению института предпринимательства в настоящее время. В науке стиль мышления проявляется в исторически сложившейся, устойчивой системе «общепринятых методологических нормативов и философских принципов, которыми руководствуются исследователи в данную эпоху» [11, с. 63]. В социальной практике, на наш взгляд, стиль мышления находит свое выражение в общем нарративе восприятия информации в рамках определенной эпохи. Важно не перепутать новые неизвестные в составе социального концепта с «продуктами, лишенными всякой глубины», чье «пластиковое содержание не проводит физическую энергию» [12, с. 105]. Такой новой неизвестной и стало семейное предпринимательство как социальное явление, лишенное правового опосредования. Эпоха семейного предпринимательства в России еще не настала, что является следствием отсутствия стиля предпринимательского мышления. Ключевая роль в его формировании принадлежит семье. Интерес к предпринимательской деятельности порождает среда обитания. Для любого человека первичной средой обитания является семья. Положительный опыт предпринимательской деятельности членов семьи будет способствовать популярности данного рода занятий.

Поддержка любых форм ведения бизнеса должна начинаться с определения сфер, в которых он активнее всего развивается, и перспективных для государства направлений. Семейный бизнес наиболее развит в местах социального сосредоточения. У древних людей, в каменном веке, таким местом была территория вокруг костра. Благодаря этому человек совершенствовал навыки общения и взаимодействия. В современном мире местами социального сосредоточения являются предприятия общественного питания, образовательные и культурно-досуговые центры и др. Это не единственная сфера, доступная для семейного бизнеса. Наша страна нуждается в инструментах развития территорий, одним из которых, на наш взгляд, могли бы стать семейные предприятия.

В аграрной политике современной России был сделан акцент на развитии крупных агропромышленных холдингов. Это позволило решить продовольственную проблему, но законсервировало проблемы развития села, обеспе-

чения занятости населения, проживающего в сельской местности. В вопросе государственной политики по отношению к сельскому хозяйству следует обратиться к опыту Польши. Согласно ст. 23 Конституции Республики Польша основой аграрного устройства государства является семейное хозяйство. Полагаем, что успехи данной страны в сельском хозяйстве очевидны и не требуют дополнительной аргументации.

Развитие различных форм семейного бизнеса может благоприятно отразиться и на проблеме заселения восточных земель в России, которая очень остра. Существовала она и в дореволюционный период. В этой связи целесообразно обратиться к историческому опыту. Так, законодательная база, регулирующая вопросы, связанные с переселением на Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX в., свидетельствует, что государство устанавливало приоритет семейных переселений, что объяснялось следующими причинами: «Во-первых, семья была более способной к экономической и социально-демографической адаптации на новом месте. Во-вторых, она обладала меньшей миграционной подвижностью и, вследствие этого, стала надежным объектом колонизации. Семейных возвратов на родину было меньше, чем мигрантов-одиночек. В-третьих, семейные переселения способствовали возникновению предпосылок для естественного роста населения на новых территориях. В-четвертых, предоставление финансовой помощи и льгот семье гарантировало в будущем возврат ссуд и кредитов, так как члены семьи несли коллективную ответственность за полученные от властей материальные ценности» [13]. Экономическая причина особенно актуальна сейчас на фоне растущего объема невозвратных кредитов. А как известно, любой бизнес для развития требует заемных средств.

Одним из краеугольных камней в развитии семейного бизнеса является организационно-правовая форма его осуществления. Полагаем, что для этих целей не будут привлекательны потребительский и производственный кооперативы, фермерское хозяйство и прочие виды юридических лиц. Необходимо разработать новую организационно-правовую форму юридического лица – семейная компания. Подобные предложения уже высказывались в научных публикациях и, безусловно, нуждаются в реализации [14].

Существующая модель юридической ответственности индивидуальных предпринимателей, в рамках которой они отвечают по долгам всем своим имуществом, не является привлекательной для ведения бизнеса. Скорее, наоборот, является одной из причин нежелания заниматься предпринимательской деятельностью. Имеющиеся организационно-правовые формы юридических лиц либо не удовлетворяют потребностям самих предпринимателей, либо отпугивают потребителей. Нужна новая модель юридической ответственности, комфортная как для бизнеса, так и для потребителей. Она должна стимулировать к добросовестному ведению бизнеса. На наш взгляд, это может быть уставной счет (название счета весьма условно и может быть изменено), куда будет перечисляться небольшой процент денежных средств от дохода семейной компании. При отсутствии взысканий часть этих средств должна возвращаться предпринимателям для вложения в бизнес.

Безусловно, есть и определенные риски при позиционировании предпринимательства как семейного, заключающиеся в возможном росте числа фиктивных браков, создаваемых для получения мер поддержки, распространяемых на семейные формы бизнеса. Подобные риски сопровождают любые формы предпринимательской деятельности. Так, в случае поддержки женского предпринимательства (а доля женщин в бизнесе растет [15, с. 11]) есть вероятность роста фиктивных разводов, если соответствующий статус будет привязан к семейному положению. Не думаем, что эти негативные явления будут тиражироваться в больших масштабах, так как они влекут уголовную ответственность и несут большие репутационные риски. Репутация – важнейшее нематериальное благо в сфере бизнеса. Семейные компании наиболее дорожат репутацией. «Безликие» фирмы могут существовать и как «однодневки». Семейный бизнес позволить себе такого не может. Это еще один важный аргумент в пользу данной формы организации бизнеса.

Правовой анализ различных вопросов семейного бизнеса (регистрация, льготы, наследование) актуален для развития не только предпринимательских, но и семейных, а также наследственных отношений [16]. Имеется множество спорных вопросов с разделом общего имущества супругов (в части раздела семейного бизнеса) в связи с расторжением брака [17]. Грамотный подход к организации семейного предприятия со стороны государства поможет легализовать фактические трудовые отношения между членами семьи.

Фактор неопределенности в сфере ведения семейного бизнеса вносят проходящая в Российской Федерации частичная мобилизация, а также незаконные экономические ограничения, вводимые иностранными государствами. Все это свидетельствует о необходимости формирования эффективной правовой модели ведения семейного бизнеса.

Нашим ответом незаконным ограничениям в сфере экономики со стороны недружественных государств должна стать крепкая, здоровая российская семья как основной субъект предпринимательской деятельности и эффективный инструмент формирования стиля предпринимательского мышления. Для этого необходимо совершенствовать семейные формы предпринимательства, сделав их основой экономической политики государства. Общность целей и интересов при ведении бизнеса, несомненно, будет способствовать и укреплению института семьи в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаханов В. В. Стиль юридического мышления как правовой метафеномен // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 7 (14). С. 24–37.
2. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес как фактор стабильности семейных отношений // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы междунар. круглого стола / редкол. В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 196–202.
3. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.

4. Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств-участников СНГ : моногр. М., 2013. 327 с.
5. Плотникова И. А. Институциональное развитие семейных предприятий в сфере малого бизнеса: на примере Пензенской области : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2015. 29 с.
6. Семейный бизнес в правовом пространстве России : моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М., 2020. 624 с.
7. Ершова И. В., Андреева Л. В., Беседин А. Н. Актуальные проблемы предпринимательского права : учеб. / ред. И. В. Ершова. М., 2021. 449 с.
8. Третьяков А. В. Семейное предпринимательство в России в отечественной историографии конца XX – начала XXI века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 2 (62). С. 69–80.
9. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства: правовая природа и пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 19–25.
10. Жук А. А., Потий К. М. Институт семейного предпринимательства в современной России // Актуальные вопросы хозяйственной практики. 2018. Т. 9, № 1. С. 50–60.
11. Микешина Л. А. Детерминация естественнонаучного познания. Л., 1977. 104 с.
12. Jameson F. *Marxism and Form*. Princeton, 1971. 456 p.
13. Васильченко О. А. Законодательное регулирование практики семейных переселений на Дальний Восток России (1860–1917 гг.) // Государство и право. 2005. № 3. С. 83–89.
14. Оболенкова Е. В. К вопросу о закреплении в российском законодательстве понятия «семейное предприятие» и «семейное предпринимательство» // Хозяйство и право. 2021. № 5 (532). С. 101–108.
15. Ершова И. В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // Lex russica. 2022. Т. 75, № 8 (189). С. 9–22.
16. Солдатова В. А. Семейное предпринимательство в России: перспективы развития // Право и экономика. 2021. № 6 (400). С. 11–14.
17. Громоздина М. В. Семейное предпринимательство: проблемы раздела общего имущества супругов // Право и правоприменение в современной России : материалы всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2020. С. 177–179.

REFERENCES

1. Shakhanov V.V. Legal thinking style as a legal metaphenomenon. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 7 (14), pp. 24–37. (In Russ.).
2. Levushkin A.N. Family entrepreneurship and family business as a factor of stability of family relations. In: Godunov V.N. (Ed.). *Semeinoe pravo: sovremennye problemy teorii i praktiki: materialy mezhdunar. kruglogo stola* [Family law: contemporary problems of theory and practice: proceedings of the International Journal]. Minsk, 2020. Pp. 196–202. (In Russ.).
3. Barkova L.A. *Semeinoe predprinimatel'stvo v mekhanizme pravovogo obespecheniya garmonizatsii interesov sem'i: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2015. 25 p.
4. Levushkin A.N. *Teoreticheskaya model' postroeniya sistemy semeinogo zakonodatel'stva gosudarstv-uchastnikov SNG: monogr.* [Theoretical model of building a system of family legislation of the CIS member states: monograph]. Moscow, 2013. 327 p.
5. Plotnikova I.A. *Institutsional'noe razvitie semeinykh predpriyatii v sfere malogo biznesa: na primere Penzenskoi oblasti: avto-ref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Institutional

- development of family enterprises in the field of small business: case study of the Penza Oblast: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Saransk, 2015. 29 p.
6. *Semeinyi biznes v pravovom prostranstve Rossii: monogr.* [Family business in the legal space of Russia: monograph]. Ed. by Ershova I.V., Levushkin A.N. Moscow, 2020. 624 p.
7. Ershova I.V., Andreeva L.V., Besedin A.N. *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava: ucheb.* [Actual problems of business law: textbook]. Ed. by Ershova I.V. Moscow, 2021. 449 p.
8. Tret'yakov A.V. Family entrepreneurship in Russia in the Russian historiography of the late XX – early XXI centuries. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of the Kursk State University*, 2022, no. 2 (62), pp. 69–80. (In Russ.).
9. Levushkin A.N. Family entrepreneurship in the system of small and medium-sized enterprises: the legal nature and ways of development. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 11 (96), pp. 19–25. (In Russ.).
10. Zhuk A.A., Potii K.M. Institute of family entrepreneurship in modern Russia. *Aktual'nye voprosy khozyaistvennoi praktiki = Actual Issues of Economic Practice*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 50–60. (In Russ.).
11. Mikesheva L.A. *Determinatsiya estestvennonauchnogo poznaniya* [Determination of natural science cognition]. Leningrad, 1977. 104 p.
12. Jameson F. *Marxism and Form*. Princeton, 1971. 456 p.
13. Vasil'chenko O.A. Legislative regulation of the practice of family resettlement to the Russian Far East (1860-1917). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 3, pp. 83–89. (In Russ.).
14. Obolonkova E.V. On the question of fixing concepts “family enterprise” and “family entrepreneurship” in Russian legislation. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2021, no. 5 (532), pp. 101–108. (In Russ.).
15. Ershova I.V. Female entrepreneurship: from empiricism and doctrine to legal regulation. *Lex russica = Russian Law*, 2022, vol. 75, no. 8 (189), pp. 9–22. (In Russ.).
16. Soldatova V.A. Family entrepreneurship in Russia: development prospects. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2021, no. 6 (400), pp. 11–14. (In Russ.).
17. Gromozdina M.V. Family entrepreneurship: problems of the division of common property of spouses. In: *Pravo i pravoprimenenie v sovremennoi Rossii: materialy vseros. nauch.-prakt. konf.* [Law and law enforcement in modern Russia: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Novosibirsk, 2020. Pp. 177–179. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия; профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия; профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Psychology of Personality and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia; professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia; professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия; доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of the Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia; associate professor at the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Статья поступила 26.01.2023

Научная статья

УДК 342.4:94(3)

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.005

К истокам понятия «конституция»: археология термина в Античности

ЗУРАБ НОДАРОВИЧ КАЛАНДАРИШВИЛИ

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия, zurab.kalandarishvili@yandex.ru

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВАЛЕВ

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия, onuphriyphd@gmail.com

Аннотация. В статье применяется разработанный Л. Февром и М. Фуко исторический метод археологии термина в отношении понятия «конституция». Показано, что существующая в отечественной традиции истории права терминологическая неоднозначность и порождаемая ею неопределенность могут быть преодолены прежде всего за счет обращения к смысловому наполнению лексических единиц, определяющих понятие конституции в древнегреческой и древнеримской традициях. К завершающему периоду развития античной правовой мысли сформировалось понимание термина, хотя и достаточно далекое от современного, но тем не менее несущее потенциал развития семантического наполнения в сторону принятого в эпоху Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова: конституционализм; история права; государство; право; Античность; конституционная история; римское право.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

Для цитирования: Каландаришвили З. Н., Ковалев В. А. К истокам понятия «конституция»: археология термина в античности // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 57–63. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.005.

Original article

To the Origins of the Concept “Constitution”: Archaeology of the Term in Antiquity

ZURAB N. KALANDARISHVILI

Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russia, zurab.kalandarishvili@yandex.ru

VIKTOR A. KOVALEV

Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russia, onuphriyphd@gmail.com

Abstract. The article applies the archaeological method developed by Lucien Febvre and Michel Foucault in relation to the concept “constitution”. It is shown that the terminological ambiguity existing in the national tradition of the history of law and the uncertainty generated by it can be overcome primarily by referring to the semantic content of lexical units defining the concept “constitution” in the ancient Greek and Roman traditions. An understanding of the term was formed in the final period of the ancient legal thought development. Although it was different from the modern one, but had the potential for the development of semantic content in the direction adopted in the era of Modern and Contemporary times.

Key words: constitutionalism; history of law; state; law; Antiquity; constitutional history; Roman law.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

The article was prepared with the support of the RFBR grant No. 20-011-00794A “State-legal systems of the modern world”.

For citation: Kalandarishvili Z.N., Kovalev V.A. To the origins of the concept “constitution”: archaeology of the term in antiquity. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 57–63. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.005.

Научный поиск в области археологии понятия требует выявления точки схождения двух линий развития – собственно термина как лексемы и понятия как смысловой единицы. Такой подход, предложенный знаменитым французским историком Люсьеном Февром в отношении термина «цивилизация» [1], получил методологическое оформление в концепции «археологии знания» Мишеля Фуко [2]. В центре внимания при таком подходе оказываются высказывания как мельчайшие элементы всякой речи (дискурса), которую необходимо заново расположить в истории мысли, то есть внимание сосредоточивается не только на смысловом наполнении понятия, как в случае исследования в области истории идей, но и на дискурсивных практиках и терминологии, оформляющих эти идеи и воплощающих их в виде высказываний.

В начале поиска можно достаточно широко определить конституцию как нормативный акт, устанавливающий основы государственного управления, политической организации общества и предельные рамки свободы. Безусловно, очень важным элементом дефиниции является характер конституции именно как нормативного акта, то есть юридически значимого действия, направленного на издание документа или группы документов, имеющих общеобязательный характер.

С подобной точки зрения можно исключить распространенное как в отечественной, так и в зарубежной науке стремление связать историю конституции с древнегреческой правовой традицией. В отечественной науке это довольно распространенная тенденция. Наиболее популярно определение древнегреческих законов (νόμος) и политий (πολιτεία) как конституций (con-

stitution) в англоязычной юридической и исторической литературе [3]. Впрочем, подобное использование понятия определяется коннотацией термина в английском языке, где под конституцией понимаются основы общественной, политической и государственной жизни, независимо от их происхождения. На французском языке определение политики как конституции встречается, например, в работах Николь Лоро [4; 5].

Следует заметить, что греческое *νομός* могло обозначать как «закон», так и «обычай» (кроме того, «страна», «область», «пастбище», «обиталище», «корм» и даже «напев», «песня») [6]. Так, Пиндар приводит пословицу «Обычай – всего повелитель» (*νομός πάντων βασιλεύς*), в значении «установленный обычай» (*κατὰ νόμον*) термин *νομός* используют Гесиод и Геродот. Исходя из этого, определять, например, законы Драконта (*Δρακόντειοι νόμοι*) как первую конституцию или даже как начало правового государства вслед за комментатором Аристотеля Фредериком Кеньоном [7] или Абелем Гриниджем [8], то есть следуя англоязычному пониманию конституции, в российской правовой терминологии некорректно.

Столь же сомнительными являются попытки определить как конституции многочисленные «политии» (С. И. Радциг упоминает 158 политий в древнегреческой литературе [9, с. 134]), самыми известными из которых являются «Афинская полития» Аристотеля и «Лакедемонская полития» Ксенофонта. Прежде всего, жанр политики не подразумевал какой-либо нормативности. «Афинская полития» Аристотеля состояла из двух частей (истории становления государственного устройства Афин и описания современной Аристотелю формы) и не содержала каких-либо нормативных общеобязательных установлений, вообще не являлась юридически значимым документом. С тем же успехом можно было бы определить как конституцию любой современный учебник государственного права. Кроме того, сам термин *πολιτεία* мог приобретать разное наполнение. Это форма связи гражданина и общины, а также условия гражданства (Геродот), сообщество граждан (Платон), ежедневная жизнь граждан (Андоцид, Аристофан), и только в текстах комического поэта Антифана и затем у Аристотеля термин «полития» приобретает значение «государственное и политическое устройство». При этом все же полития воспринималась прежде всего как сообщество взрослых мужчин-воинов (*ἄνδρες*), решавших общественные дела. По замечанию Пьера Видаля-Накэ, классическая полития – это сообщество взрослых вооруженных мужчин, которое противостояло как рабам и негражданам, так и женщинам, ремесленникам и юношам-эфебам, то есть полития была также и гоппитией [10, с. 60]. Кроме того, полития как гоппития существовала не территориально или институционально, а социально – везде, где это сообщество мужчин-воинов присутствовало, что и проявлялось в походе, описанном в «Анабасисе» Ксенофонта или в армии Александра Македонского [11, с. 207].

Таким образом, попытки проследить эволюцию самого понятия «конституция» (вместо концепции правового государства) в отношении греческой традиции представляются некорректными.

Безусловно, имея латинское происхождение, этимология и археология термина «конституция» неизбежно восходят к римским правовым текстам. При этом, что обычно для юридической лексики, изначально использовался глагол *constituere* со значением «ставить», «устанавливать», «располагать», «поселять», «назначать», «избирать», «приводить в порядок», «устраивать» (например, игры), «возбуждать дело», «заключать соглашение» и т. д. [12].

В отношении государственного устройства этот глагол употребляет, например, Цицерон в диалоге «*De re publica*», когда говорит о личностях, которые «в одиночку установили законы и установления, касающиеся общественных дел» (*singuli fuissent fere quorum suam quisque rem publicam constituisset legibus atque institutis suis* [13]). В русском переводе В. О. Горенштейна несколько пропадает акцент на действие по установлению законов (*legibus constituere*): «отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений» [14, с. 44]. Также следует отметить, что традиция переводить *res publica* как «государство» подвергается справедливой критике как в зарубежной, так и в отечественной науке [15]. Впрочем, в той же второй книге «*De re publica*» Цицерон использует этот глагол в значении «быть посаженным на царство» в отношении Анка Марция (...*rex a populo est Ancus Marcius constitutus*) [13] или «основать город» (*urbem constituit, quam e suo nomine Romam iussit nominari* [13]).

Таким образом, в текстах поздней Республики термин «конституция» встречается в глагольной форме (или в виде отглагольных прилагательных) и не может считаться соответствующим предложенному выше определению. Попытка интерпретировать весь диалог Цицерона «*De re publica*» в том же конституционном смысле, как и греческие политии [16], сталкивается с уже обозначенными возражениями.

В смысле существительного, определяющего юридически значимый (хотя и не всегда нормативный) акт, термин «конституция» возникает в период принципата в отношении правовой деятельности императоров. Так, знаменитый автор «Институций» Гай пишет: «Конституция принцепса есть то, что император декретом, или эдиктом, или письмом установил» (*Constitutio principis est, quod imperator decreto vel edicto vel epistula constituit* [17]). При этом Гай подчеркивает, что конституции принцепса имеют силу закона, поскольку сам император приобретает империум, то есть право издавать общеобязательные нормы, в силу закона (*imperator per legem imperium accipiat*). В русском переводе Ф. М. Дыдынского термин *constitutio* передан как указ («Указ императора есть то, что постановил император или декретом, или эдиктом, или рескриптом» [18, с. 107]), что порождает некоторую двусмысленность, поскольку к определению «указ» в русском языке ближе «эдикт», то есть норма общего действия, выставляемая *in albo* у резиденции принцепса [19, с. 124], в то время как другие формы конституций – судебные решения принцепса в качестве апелляционной инстанции и письменные ответы на вопросы чиновников по частным случаям. Впрочем, следует помнить, что перевод Ф. М. Дыдынского был сделан в 80-е гг. XIX в., и стремление избегать слова «конституция» в

любом контексте могло быть продиктовано общей политической атмосферой императорской России эпохи Александра III.

Хотя термин «конституция» укрепляется в римском праве в качестве денотата, его смысловое наполнение отличается от современного. Тем не менее уже к концу III века нашей эры законодательная деятельность императоров, по сути, становится единственным правотворчеством империи, а в период домината эти тенденции только закрепляются, и в этом смысле конституции становятся высшими законами империи. При этом показательно, что римские юристы начинают разделять нормативные и ненормативные распоряжения императора. В «Дигестах» Юстиниана со ссылкой на «Институции» Ульпиана утверждается взгляд, сходный с вышеизложенным у Гая: «Таким образом, то, что император постановил путем письма и подписи, или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом. Это и есть то, что мы обычно называем конституциями» [20] (*Quodcumque igitur imperator per epistulam et subscriptionem statuit vel cognoscens decrevit vel de plano interlocutus est vel edicto praecepit, legem esse constat. haec sunt quas volgo constitutiones appellamus* [21]). Но почти сразу делается оговорка, согласно которой некоторые из распоряжений могут носить частный характер и не должны восприниматься в качестве примера такой нормы (*Plane ex his quaedam sunt personales nec ad exemplum trahuntur* [21]).

Таким образом, можно утверждать, что в конце истории Римской империи юридическая мысль не только освоила термин «конституция», но и приблизилась к его коннотации как высшего закона. Тем не менее конституции существовали во множественном числе (еще при жизни Юстиниана были изданы новые распоряжения императора – *Novellae Constitutiones*), подвергались значительным изменениям и создавались как ответы на конкретные вызовы, что лишало фундаментальности любую конституцию в отдельности (хотя и сохраняло некоторую степень фундаментальности за всем, пусть и изменчивым, комплексом распоряжений в целом).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Февр Л. Бои за историю : сб. ст. / пер. А. А. Бобовича и др. М., 1991. 629 с.
2. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб., 2004. 416 с.
3. Aristotle. The Athenian constitution. The Eudemian ethucs. On virtues and vices. London ; Cambridge, 1945. 505 p.
4. Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин. М., 2017. 188 с.
5. Loraux N. La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes. Paris, 1997. 291 p.
6. Древнегреческо-русский словарь : ок. 70 000 слов (в обоих томах) / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. Т. 2: М-Я. 1904 с.
7. Aristotle. The Athenian Constitution. Scotts Valley, 2014. 38 p.
8. Greenidge A. H. J. A Handbook of Greek Constitutional History. London ; N. Y., 1896. 276 p.
9. Аристотель. Афинская полития: государственное устройство афинян / пер. и прим. проф. С. И. Радцига. 2-е изд. М., 1937. 254 с.

10. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. 419 с.
11. Pritchett W. K. The Greek State at War : in 5 vols. Berkley ; Los Angeles, 1975. Vol. II. 326 p.
12. Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь : ок. 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. 1096 с.
13. M. TVLLI CICERONIS DE RE PVBLICA LIBER SECVNDVS // The Latin Library : сайт. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/cicero/repub2.shtml> (дата обращения: 31.08.2022).
14. Цицерон. Диалоги / изд. подг. И. Н. Веселовский и др. ; пер. В. О. Горенштейн. М., 1994. 222 с.
15. Хархордин О. В. Почему *res publica* – не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики // Современная республиканская теория свободы / под ред. Е. Рощина. СПб., 2015. С. 137–179.
16. Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 2003. 312 p.
17. GAI INSTITVTIONVM COMMENTARIVS PRIMVS // The Latin Library : сайт. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/gaius1.html> (дата обращения: 31.08.2022).
18. Гай. Институции : кн. 1–4 / пер. Ф. Дыдынского ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Савельева. М., 1997. 368 с.
19. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2022. 784 с.
20. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М., 2008. Т. 1, кн. 1–4. 583 с.
21. OMINI NOSTRI SACRATISSIMI PRINCIPIIS IUSTINIANI IURIS ENUCLEATI EX OMNI VETERE IURE COLLECTI DIGESTORUM SEU PANDECTARUM // The Latin Library : сайт. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest1.shtml> (дата обращения: 31.08.2022).

REFERENCES

1. Febvre L. *Boi za istoriyu: sb. st.* [Struggles for history]. Translated by Bobovich A.A. et al. Moscow, 1991. 629 p.
2. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Translated from French by Rakova M.B., Serebryannikova A.Yu. Saint Petersburg, 2004. 416 p.
3. Aristotle. *The Athenian constitution. The Eudemian ethucs. On virtues and vices.* London; Cambridge, 1945. 505 p.
4. Loraux N. *The divided city: on memory and forgetting in Ancient Athens.* Moscow, 2017. 188 p.
5. Loraux N. *La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes.* Paris, 1997. 291 p.
6. *Drevnegrechesko-russkii slovar': ok. 70 000 slov (v oboikh tomakh) T. 2: M-Ya* [Ancient Greek-Russian dictionary: about 70,000 words (in both volumes). Volume 2: M-Ya]. Comp. by Dvoretiskii I.Kh. Ed. by Sobolevskii S. I. Moscow, 1958. 1904 p.
7. Aristotle. *The Athenian Constitution.* Scotts Valley, 2014. 38 p.
8. Greenidge A.H.J. *A Handbook of Greek Constitutional History.* London; New York, 1896. 276 p.
9. Aristotle. *Afinskaya politiya: gosudarstvennoe ustroistvo afinyan* [Athenian politics: the state structure of the Athenians]. Translated by Radtsig S.I. Moscow, 1937. 254 p.
10. Vidal-Naquet P. *Chernyi okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The Black Hunter. Forms of thinking and forms of society in the Greek world]. Moscow, 2001. 419 p.
11. Pritchett W.K. *The Greek State at War: in 5 vols. Vol. 2.* Berkley; Los Angeles, 1975. 326 p.
12. Dvoretiskii I.Kh. *Latino-Russkii slovar': ok. 50 000 slov* [Latin-Russian dictionary: approx. 50,000 words]. Moscow, 1976. 1,096 p.
13. M. TVLLI CICERONIS DE RE PVBLICA LIBER SECVNDVS. *The Latin Library: site.* Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/cicero/repub2.shtml> (accessed August 31, 2022).

14. Cicero. *Dialogi* [Dialogues]. Ed. by Veselovskii I.N. et al. Translated by Gorenshtein V.O. Moscow, 1994. 222 p.
15. Kharkhordin O.V. Why res publica is not a state: grammar of Stoics and discursive practices of Cicero in his theory of the Republic. In: Roshchin E. (Ed.) *Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody* [Modern Republican theory of freedom]. Saint Petersburg, 2015. Pp. 137–179. (In Russ.).
16. Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford, 2003. 312 p.
17. GAI INSTITVTIONVM COMMENTARIVS PRIMVS. *The Latin Library: site*. Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/gaius1.html> (accessed August 31, 2022).
18. Gai. *Institutsii: kn. 1–4* [Institutions: books 1–4]. Translated by Dydynskii F. Ed. by Kofanov L.L., Savel'ev V.A. Moscow, 1997. 368 p.
19. Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]. Moscow, 2022. 784 p.
20. *Digesty Yustiniana. T. 1, kn. 1–4* [Digests of Justinian. Volume 1, books 1–4]. Ed. by Kofanov L.L. Moscow, 2008. 583 p.
21. OMNI NOSTRI SACRATISSIMI PRINCIPIIS IUSTINIANI IURIS ENUCLEATI EX OMNI VETERE IURE COLLECTI DIGESTORUM SEU PANDECTARUM. *The Latin Library: site*. Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest1.shtml> (accessed August 31, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗУРАБ НОДАРОВИЧ КАЛАНДАРИШВИЛИ – кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия, zurab.kalandarishvili@yandex.ru

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВАЛЕВ – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия, onuphriyphd@gmail.com

ZURAB N. KALANDARISHVILI – Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of the Theory of Law and Law Enforcement of the Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia, zurab.kalandarishvili@yandex.ru

VIKTOR A. KOVALEV – Candidate of Sciences (History), associate professor at the Department of the Theory of Law and Law Enforcement of the Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia, onuphriyphd@gmail.com

Статья поступила 21.11.2022

Научная статья

УДК 342.6

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.006

Соотношение управленческих функций с компетенцией органов исполнительной власти

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики, Вологда, Россия,
nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОПОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, daryapopova17@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемы соотношения понятий «управленческая функция» и «компетенция органов исполнительной власти». Обосновывается позиция о необходимости совершенствования законодательства в данной области путем внесения изменений и дополнений в ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в части закрепления понятия компетенции органа исполнительной власти как системы полномочий органа исполнительной власти по осуществлению государственной власти в определенной сфере или отрасли публичного управления.

Ключевые слова: компетенция; управление; управленческие функции; орган исполнительной власти.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В., Попова Д. В. Соотношение управленческих функций с компетенцией органов исполнительной власти // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 64–69. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.006.

Original article

Correlation between Managerial Functions and Competences of Executive Authorities

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics, Vologda, Russia,
nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

DAR'YA V. POPOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, daryapopova17@mail.ru

Abstract. The article reveals problems of correlation between the concepts “managerial function” and “competence of executive authorities”. The position on the need to improve legislation in this area by making amendments and additions to Article 3 of the Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 (as amended of July 31, 2020) “On strategic planning in the Russian Federation” regarding fixing the concept of executive authority competence as “a system of powers of an executive authority to exercise state power in a certain sphere or branch of public administration”.

Key words: competence; management; managerial functions; executive authority.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V., Popova D.V. Correlation between managerial functions and competences of executive authorities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 64–69. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.006.

В теории административного права управленческие функции в общем виде обычно рассматриваются как активные действия, ориентированные на объект управления, которые, в свою очередь, складываются и подстраиваются для данного объекта с целью достижения его определенных целей и результатов [1]. Управление представляет собой процесс, в котором участвуют субъекты влияния, то есть те, кто управляет, и, соответственно, объекты воздействия – те, кем управляют. Между субъектами и объектами управления присутствуют прямые и обратные связи, позволяющие организовывать управленческие действия и решения. Управление, в свою очередь, может разделяться на государственное и негосударственное. По мнению Р. Э. Айдынова, управленческие функции могут существовать только в постоянном взаимодействии друг с другом. В управленческие функции входят планирование, координация, контроль, мотивирование и регулирование, организация [2].

Для эффективной организации процессов государственного управления необходимо наличие специализированных субъектов – органов государственной (прежде всего исполнительной) власти, наделенных соответствующими полномочиями и компетенцией в определенных сферах жизнедеятельности общества и государства. Понятие компетенции органов исполнительной власти Ю. А. Тихомиров в общем виде раскрывает как права и обязанности органов, которые наделены ими, чтобы реализовывать управленческие функции в их сфере деятельности [3]. Компетенция необходима органам для того, чтобы точно определять, в каком направлении они будут работать, какую сферу жизнедеятельности страны они будут развивать, как будут следить за тем, чтобы это развитие было на основании законодательства Российской Федерации. То есть компетенция представляет собой объем публичных дел, возложенных в соответствии с законом на определенный уполномоченный субъект [3].

Рассматривая проблематику распределения управленческих функций, Н. Е. Косач сделал вывод о том, что в общем статусе органа исполнительной власти существуют полномочия, в которые входят управленческие функции

как один из видов функций, а полномочия входят в его компетенцию, которая также входит в статус органа исполнительной власти [4, с. 117].

Классификация функций управления довольно обширная, поэтому следует отметить основные функции: планирование, координация и проектирование, мотивация, контроль.

Планирование – трудоемкий процесс умственной деятельности, который состоит в построении последовательных действий в определенный срок, что в итоге должно привести к желаемому результату. При планировании обязательно ставить четкие цели, которые действительно необходимы и актуальны на сегодняшний день, а также учитывать менее развитые сферы жизни населения, на которых и требуется делать упор. Не стоит забывать о средствах, необходимых для выполнения поставленных в планировании целей.

Координация – организация выполнения нескольких связанных между собой задач одновременно. Главными в этой управленческой функции являются четкая организация и разделение полномочий между участниками управленческого процесса. Ответственность и обязанности должны быть четко распределены между ними, необходимо избегать дублирования функций. При координации немаловажной деталью является квалификация кадрового состава и организационная составляющая органа исполнительной власти. Только при слаженном взаимодействии друг с другом участников процесса управления деятельность органа будет эффективной.

Мотивация как одна из управленческих функций – побуждение себя и других участников деятельности в процессе управления к успешному осуществлению поставленных задач, достижению желаемого результата. Чтобы замотивировать участников, необходимо установить материальные (премия, повышение заработной платы и т. д.) и нематериальные (награды, повышение в должности) стимулы. Мотивация является отличным средством для улучшения качества работы в процессе управления. С помощью нее достигаются поставленные цели в процессе планирования деятельности. Мотивация направлена на желания участников управления, удовлетворение их потребностей.

Контроль – сложная и важная функция управления, поскольку без нее невозможно дальнейшее планирование деятельности органа. В процессе контроля осуществляется проверка произведенной работы и оценка ее качества [5, с. 49]. В случае выявления ошибок и неточностей в действиях производится их корректирование для более эффективной деятельности. Наблюдение и установление стандартов – главное при осуществлении контроля. Также важной составляющей является анализ проведенных действий в процессе управления. Контроль необходим для предупреждения проблем, их устранения на стадии зарождения и четкой организации, избежания неопределенностей в работе органов.

Другой автор, А. Н. Миронов, кроме перечисленных функций выделяет также сбор, обработку и анализ информации, необходимой для управления органом. Без этого ни один орган не сможет качественно выполнять свою работу и участвовать в процессе управленческой деятельности. Кроме того, А. Н. Миронов раскрывает и ряд обеспечивающих функций, к которым отно-

сятся, например, функции материально-технического обеспечения, финансирования и другие специальные функции, которые исключают дублирование полномочий в работе органов исполнительной власти [6, с. 9]. К этому виду относятся: фитосанитарный надзор, санитарно-эпидемиологический надзор, прокурорский надзор и т. д.

Тема соотношения понятий «управленческие функции» и «компетенция» является дискуссионной на сегодняшний день [7]. На первый взгляд, сложно разграничить данные понятия, но у каждого из них есть свои особенности. Стоит разобраться в этом вопросе.

Одни ученые считают, что понятие «компетенция» шире, чем «управленческие функции», поскольку включает в себя функции как один из элементов содержания компетенции органов исполнительной власти. Так, например, Н. Ф. Попова утверждает, что именно управленческие функции и составляют основу для эффективной работы органов исполнительной власти, а функции «компетенция» и «полномочия» вместе показывают качество деятельности данных органов [8, с. 88].

Н. Е. Косач поддерживает точку зрения В. Б. Аверьянова, по мнению которого и управленческие функции, и компетенция сами являются составными частями органа исполнительной власти, выражают его правовое положение в системе органов власти [4, с. 116]. Автор подчеркивает, что в законодательстве нет четкого разграничения между понятиями «компетенции», «функции» и «полномочия» [9].

Следует признать, что на сегодняшний день вопрос соотношения понятий «компетенция органов исполнительной власти» и «управленческие функции» является нерешенным. Серьезной теоретической и прикладной проблемой выступает отсутствие четкого закрепления и разъяснения различий между понятиями «компетенции», «функции» и «полномочия» в законодательстве Российской Федерации, решение которой возможно посредством внесения изменений в действующее законодательство, например в ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Полагаем, что при определении компетенции органа исполнительной власти возможно исходить из понимания сущности и содержания компетенции органа государственного управления, предложенного еще Б. М. Лазаревым в 1977 г., как «системы полномочий этого органа по осуществлению государственной власти» [10]. По мнению Б. М. Лазарева, компетенция органа государственного управления представляет собой прежде всего «обязанность (перед государством) и право (по отношению к управляемым объектам) выполнять определенные управленческие задачи и функции (планирование, регулирование, контроль и т. д.) применительно к этим объектам» [10, с. 99]. При этом элементами компетенции «являются не сами управленческие функции и не сами управляемые объекты, а право и обязанность осуществлять указанные в законе функции применительно к определенному рода объектам, в том числе:

– право решать или принимать участие в решении определенного круга вопросов;

– право осуществлять предусмотренные законом формы управленческой деятельности (издание акта управления, ведение официальных переговоров, заключение административных договоров, подписание гражданско-правовых договоров, совершение материально-технических действий, осуществление регистрационных действий, применение мер административного принуждения)» [10, с. 100].

Таким образом, законодательно следует закрепить понятие компетенции органа исполнительной власти как системы полномочий органа исполнительной власти по осуществлению государственной власти в определенной сфере или отрасли публичного управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клименко А. В., Минченко О. С. Полномочия, функции и услуги исполнительной власти: соотношение, классификация и основные характеристики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 1–37.
2. Айдынов Р. Э. Функции управления // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 1. С. 31–35.
3. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. 798 с.
4. Косач Н. Е. О взаимосвязи понятий «компетенция» и «управленческие функции» // Вестник Института экономических исследований. 2016. № 4 (4). С. 116–121.
5. Общий менеджмент : учеб. пособие / под общ. ред. Л. С. Ружанской, И. В. Котляревской. Екатеринбург, 2017. 116 с.
6. Миронов А. Н. Административное право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022. 320 с.
7. Нагорных Р. В. О совершенствовании административно-правового регулирования в условиях цифровизации экономики // Юридическое образование и наука. 2021. № 3. С. 39–44.
8. Попова Н. Ф. Административное право : учеб. 3-е изд., испр. и доп. М., 2019. 341 с.
9. Ключниченко А. П., Аверьянов В. Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев, «Наукова думка», 1979, 150 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 1. С. 104–106.
10. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972. 280 с.

REFERENCES

1. Klimenko A.V., Minchenko O.S. Powers, Functions and Services of the Executive Power: Correlation, Classification and Key Features]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*, 2016, no. 1, pp. 1–37. (In Russ.).
2. Aidynov R.E. Management functions. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii = Business Education in the Knowledge Economy*, 2017, no. 1, pp. 31–35.
3. Tikhomirov Yu.A. *Kurs administrativnogo prava i protsessa* [Course of administrative law and process]. Moscow, 1998. 798 p.
4. Kosach N.E. On the relationship between concepts “competence” and “managerial functions”. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovanii = Bulletin of the Institute of Economic Research*, 2016, no. 4 (4), pp. 116–121. (In Russ.).
5. *Obshchii menedzhment: ucheb. posobie* [General management: manual]. Ed. by Ruzhanskaya L.S., Kotlyarevskaya I.V. Ekaterinburg, 2017. 116 p.
6. Mironov A.N. *Administrativnoe pravo: ucheb* [Administrative law: textbook]. Moscow, 2022. 320 p.

7. Nagornyykh R.V. On the improvement of the administrative law regulation in the economy digitization conditions. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, 2021, no. 3, pp. 39–44.
8. Popova N.F. *Administrativnoe pravo: ucheb* [Administrative law: textbook]. Moscow, 2019. 341 p.
9. Klyushnichenko A.P. Averyanov. V.B. Functions and organizational structure of the public administration body. Kiev, “Naukova Dumka”, 1979, 150 p. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1983, no. 1, pp. 104–106. (In Russ.).
10. Lazarev B.M. *Kompetentsiya organov upravleniya* [Competence of management bodies]. Moscow, 1972. 280 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОПОВА – магистрант факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, daryapopova17@mail.ru

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

DARIA V. POPOVA – Master’s Student of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, daryapopova17@mail.ru

Статья поступила 12.12.2022

Научная статья

УДК 342.736

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.007

О проблемах, возникающих при разрешении судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за отсутствие горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

КРИСТИНА КОНСТАНТИНОВНА СЫРОЕЖИНА

Вологодский областной суд, Вологда, Россия, kristykuzik@mail.ru

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ДЕРБИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Аннотация. В статье анализируется практика рассмотрения судами административных исковых заявлений о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении в части отсутствия горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов в порядке, предусмотренном ст. 227.1 КАС РФ. Обозначены основные проблемы, возникающие при решении названной категории дел, сформулировано предложение о внесении дополнений в кодекс.

Ключевые слова: административное исковое заявление; право на компенсацию; условия содержания под стражей; содержание в исправительном учреждении; отсутствие горячего водоснабжения.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Сыроежина К. К., Дербина О. В. О проблемах, возникающих при разрешении судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за отсутствие горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 70–77. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.007.

Original article

Describing Problematic Aspects for General Jurisdiction Courts to Award Compensation for the Lack of Hot Water Supply in Cells of Correctional Facilities, Pre-Trial Detention Facilities of the Russian Penitentiary System

KRISTINA K. SYROEZHINA

Vologda Oblast Court, Vologda, Russia, kristykuzik@mail.ru

OL'GA V. DERBINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Abstract. The article analyzes the practice of courts' consideration of administrative claims for the award of compensation for violation of conditions of detention, keeping in a correctional facility in terms of the lack of hot water supply in the cells of correctional institutions, pre-trial detention facilities in a row provided for in Article 227.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The authors identify key problems that arise when solving this category of cases and formulate proposals to make amendments to the code.

Key words: administrative statement of claim; right to compensation; conditions of detention; detention in a correctional facility; lack of hot water supply.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Syroezhina K.K., Derbina O.V. Describing problematic aspects for general jurisdiction courts to award compensation for the lack of hot water supply in cells of correctional facilities, pre-trial detention facilities of the Russian penitentiary system. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 70–77. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.007.

Принятие Федерального закона от 27.12.2019 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» стало важным шагом на пути к созданию дополнительных юридических гарантий защиты прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания под стражей (содержания в исправительных учреждениях) [1].

Одним из средств правовой защиты в настоящее время является возможность подачи административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, в исправительном учреждении (также требования о присуждении компенсации) в порядке, предусмотренном ст. 227.1 КАС РФ.

Отметим, что заявляемые исковые требования достаточно разнообразны. Одним из нарушений, на которое зачастую указывают административные истцы, является отсутствие горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов.

Так, рассматривая вопрос о наличии оснований для взыскания компенсации за нарушение условий содержания, выразившееся в отсутствии горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, руководствуясь положениями ст. 10, 12.1, 99, 101 УИК РФ, ст. 219, 227.1 КАС РФ, разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания», Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 20.10.2017 № 1454/пр «Об утверждении свода правил 308.1325800.2017 «Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» (в двух частях)», суды придерживаются правовой позиции о том, что такое нарушение в период содержания в исправительном учреждении влечет за собой право административных истцов на присуждение компенсации.

Например, решением Ухтинского городского суда Республики Коми от 09.03.2022 (№ 2а-1154/2022) [2], оставленным без изменения вышестоящими судебными инстанциями (№ 33а-4452/2022 [3], 88а-18379/2022 [4]), в пользу административного истца взыскана денежная компенсация за нарушение условий содержания в ФКУ ИК-19 УФСИН России по Республике Коми в размере 20 тыс. руб.; решением Белозерского районного суда Вологодской области от 29.11.2021 (№ 2а-402/2021), оставленным без изменения вышестоящими судебными инстанциями (№ 33а-1023/2022 [5], 88а-10942/2022 [6]), определена компенсация в размере 6 тыс. руб. (за отсутствие горячего водоснабжения в камерах режимных корпусов для содержания осужденных к пожизненному сроку лишения свободы ФКУ ИК-5 УФСИН России по Вологодской области и применение специальных средств). Согласно решению Богдановичского городского суда Свердловской области от 16.07.2021 по делу 2а-587/2021 [7], с мнением которого согласились суды вышестоящих инстанций, компенсация за нарушение условий содержания, выразившихся в отсутствии горячего водоснабжения в камерном помещении ФКУ ИК-6 УФСИН России по Хабаровскому краю, составила 2100 руб.

Между тем практика разрешения вопроса о присуждении компенсации в связи с отсутствием горячего водоснабжения в следственных изоляторах длительное время была неоднозначной. Так, решением Череповецкого городского суда Вологодской области от 29.09.2020 (№ 2а-3940/2019), с мнением которого согласились суды вышестоящих инстанций, было отказано в удовлетворении административных исковых требований о присуждении компенсации в полном объеме. При этом судами указано, что в камерах ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Вологодской области наличие горячей водопроводной воды не предусмотрено, и, согласно п. 43 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 14.10.2005 № 189 [8] (действовавших в момент возникновения спорных правоотношений), при отсутствии в камере водонагревательных приборов либо горячей водопроводной воды горячая

вода для стирки и гигиенических целей и кипяченая вода для питья выдаются ежедневно в установленное время с учетом потребности.

Аналогичный подход можно увидеть в решении Советского районного суда города Брянска от 18.11.2020, где суд, учитывая дату постройки режимных корпусов ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Брянской области, указал, что подводка инженерных сетей горячего водоснабжения в камеры режимных корпусов не предусмотрена, в связи с чем отказал в удовлетворении заявленных требований [9].

В настоящий момент суды придерживаются другой позиции. Например, решением Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 19.01.2022 по административному делу № 2а-1066/2022 [10] (с учетом изменений, внесенных апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Коми от 18.04.2022 [11]) за нарушение прав административного истца на обеспечение горячим водоснабжением с ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Коми взыскана компенсация в размере 10 тыс. руб.

При этом суд апелляционной инстанции, согласившись с доводами административных ответчиков о том, что в соответствии со строительными правилами 1979 г., регламентирующими оснащение режимного корпуса ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Коми необходимыми коммуникациями, горячее водоснабжение предусматривалось только в банно-прачечных комбинатах, душевых и столовых учреждениях, сослался на приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 15.04.2016 № 245/пр, которым утвержден и введен в действие с 4 июля 2016 г. Свод правил «Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» [12]. Данный приказ предусматривает необходимость оборудования зданий СИЗО горячим водоснабжением, а также обеспечение подводки холодной и горячей воды, в том числе к умывальникам в камерах (п. 19.1, 19.5).

Здесь же можно привести решение Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20.04.2021 по административному делу № 2а-860/2021 [13], которым заявленные требования административного истца были удовлетворены частично, взыскана компенсация в размере 6 тыс. руб. за несоответствие условий содержания в ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области требованиям действующего законодательства в части обеспечения санитарной площади на одного человека, при этом суд первой инстанции отклонил доводы административного истца о наличии оснований для присуждения компенсации в связи с отсутствием в камерных помещениях следственного изолятора горячего водоснабжения.

Суд апелляционной инстанции в своем определении от 07.12.2021 [14], установив, что в период содержания административного истца в следственном изоляторе были допущены и другие нарушения условий его содержания, выразившиеся в отсутствии горячего водоснабжения и ненадлежащем оборудовании прогулочных дворики, увеличил сумму взысканной компенсации до 110 тыс. руб., указав также, что взысканная судом сумма компенсации яв-

ляется явно несоразмерной установленному периоду нарушений (258 дней) и последствиям таких нарушений, а также нормам материального и процессуального права.

Можно сделать вывод, что суды исходят из того, что наличие горячего водоснабжения в камерах следственных изоляторов непосредственным образом касается обеспечения гуманных условий для содержания лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, подозреваемых и осужденных и охраны здоровья людей с точки зрения соблюдения санитарно-эпидемиологических требований, создания благоприятных безопасных условий среды обитания, в связи с чем эксплуатация объекта с нарушением указанных требований ведет к недопустимому риску для здоровья лиц, находящихся в зданиях ответчика.

Таким образом, анализ судебной практики по административным делам о присуждении компенсации на примере одного из нарушений – отсутствие горячего водоснабжения в камерных помещениях исправительных учреждений, следственных изоляторов, – показал, что данная практика неоднозначна в части как наличия или отсутствия оснований для взыскания компенсации, так и определения самого размера такой компенсации.

Несмотря на то что, решая вопрос о размере присуждаемой компенсации, суды исходят из одних и тех же обстоятельств (характер и продолжительность нарушений, наличие или отсутствие каких-либо неблагоприятных последствий и пр.), сумма взыскиваемых денежных средств заметно варьируется: в каких-то регионах суды полагают достаточным определение размера компенсации в пределах 10–20 тыс. руб. и меньше, а где-то суммы доходят до 100 тыс. руб. и выше.

В связи с указанным обстоятельством полагаем уместным внести в КАС РФ дополнения в части установления перечня видов нарушений, влекущих право на присуждение компенсации, и порядка определения размера компенсации, подлежащей взысканию.

В целом изменения действующего законодательства, безусловно, были необходимы, однако они носят неоднозначный характер и нуждаются в разъяснении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобров А. М. О правоприменительной практике присуждения компенсации за нарушения условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении (на основе материалов ГУФСИН России по Пермскому краю и судов общей юрисдикции в регионе) // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России / под общ. ред. Е. В. Сенатовой. Рязань, 2022.
2. Решение Ухтинского городского суда Республики Коми от 09.03.2022 № 2а-1154/2022. URL: https://ukhtasud-komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=139525833&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Коми от 11.07.2022 № 33а-4452/2022. URL: https://vs--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32450553&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
4. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2022 № 88а-18379/2022. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10916324&delo_id=43&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Вологодского областного суда от 05.04.2022 № 33а-1023/2022. URL: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24484041&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
6. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 № 88а-10942/2022. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8027260&delo_id=43&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
7. Решение Богдановичского городского суда Свердловской области от 16.07.2021 № 2а-587/2021. URL: https://bogdanovichsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=268123287&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
8. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста России от 14.10.2005 № 189 (документ утратил силу) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46.
9. Решение Советского районного суда города Брянска от 18.11.2020 № 2а-3781/2020. URL: https://sovetsky--brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=133276859&delo_id=41&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 16.01.2023).
10. Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 19.01.2022 № 2а-1066/2022. URL: https://syktsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=138651629&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
11. Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Коми от 18.04.2022. URL: https://vs--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32228085&delo_id=42&new=&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
12. Об утверждении свода правил «Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» : приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 15.04.2016 № 245/пр // Информационный бюллетень о проектной, нормативной и методической документации. 2016. № 8.
13. Решение Кировского районного суда Санкт-Петербурга от 20.04.2021 по административному делу № 2а-860/2021. URL: https://krv--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=551160702&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).
14. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Санкт-Петербургского городского суда от 07.12.2021 № 33а-16750/2021. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=57345597&delo_id=42&new=&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2023).

REFERENCES

1. Bobrov A.M. On the law enforcement practice of awarding compensation for violations of conditions of detention, keeping in a correctional institution (based on materials of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Oblast and courts of general jurisdiction in the region). In: Senatova E.V. (Ed.). *Administrativnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 20-letiyu kafedry administrativnogo i finansovogo prava Akademii FSIN Rossii* [Administrative activity of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia]. Ryazan, 2022. (In Russ.).
2. *Reshenie Ukhtinskogo gorodskogo suda Respubliki Komi ot 09.03.2022 № 2a-1154/2022* [Ruling of the Ukhta City Court of the Komi Republic No. 2a-1154/2022 of March 9, 2022]. Available at: https://ukhtasud--ko-mi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=139525833&delo_id=41&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).
3. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Respubliki Komi ot 11.07.2022 № 33a-4452/2022* [Appeal Ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Komi Republic No. 33a-4452/2022 of July 11, 2022]. Available at: https://vs--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32450553&delo_id=42&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).
4. *Kassatsionnoe opredelenie Tret'ego kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 12.10.2022 № 88a-18379/2022* [Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction No. 88a-18379/2022 of October 12, 2022]. Available at: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10916324&delo_id=43&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).
5. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Vologodskogo oblastnogo suda ot 05.04.2022 № 33a-1023/2022* [Appeal Ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Vologda Oblast Court No. 33a-1023/2022 of April 5, 2022]. Available at: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24484041&delo_id=42&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).
6. *Kassatsionnoe opredelenie Tret'ego kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 06.07.2022 № 88a-10942/2022* [Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction No. 88a-10942/2022 of July 6, 2022]. Available at: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8027260&delo_id=43&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).
7. *Reshenie Bogdanovichskogo gorodskogo suda Sverdlovskoi oblasti ot 16.07.2021 № 2a-587/2021* [Ruling of the Bogdanovich City Court of the Sverdlovsk Oblast No. 2a-587/2021 of July 16, 2021]. Available at: https://bogdanovichsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=268123287&delo_id=41&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).
8. On approval of the Internal Regulations of pre-trial detention facilities of the penitentiary system of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 14.10.2005 No. 189 (the document expired). In: *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti* [Bulletin of normative acts of Federal Executive Authorities]. 2005. No. 46. (In Russ.).
9. *Reshenie Sovetskogo raionnogo suda goroda Bryanska ot 18.11.2020 № 2a-3781/2020* [Ruling of the Soviet District Court of the city of Bryansk No. 2a-3781/2020 of November 18, 2020]. Available at: https://sovetsky--brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_

delo&name_op=doc&number=133276859&delo_id=41&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 (accessed January 16, 2023).

10. *Reshenie Syktyvskarskogo gorodskogo suda Respubliki Komi ot 19.01.2022 № 2a-1066/2022* [Ruling of Syktyvkar City Court of the Komi Republic No. 2a-1066/2022 of January 19, 2022]. Available at: https://syktsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=138651629&delo_id=41&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).

11. *Apellyatsionnoe opredelenie sudebnoi kollegii po administra-tivnym delam Verkhovnogo Suda Respubliki Komi ot 18.04.2022* [Appeal Ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Komi Republic of April 18, 2022]. Available at: https://vs--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32228085&delo_id=42&new=&text_number=1 (accessed January 16, 2023).

12. On the approval of the Code of Rules "Pre-trial detention centers of the penal system. Design rules": Order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation No. 245/pr of April 15, 2016. In: *Informatsionnyi byulleten' o proektnoi, normativnoi i metodicheskoi dokumentatsii* [Bulletin on project, regulatory and methodological documentation]. 2016. No. 8. (In Russ.).

13. *Reshenie Kirovskogo raionnogo suda Sankt-Peterburga ot 20.04.2021 po administrativnomu delu № 2a-860/2021* [Ruling of the Kirov District Court of Saint Petersburg of April 20, 2021 on administrative case No. 2a-860/2021]. Available at: https://krv--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=551160702&delo_id=41&new=0&text_number=1 (accessed January 16, 2023).

14. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administra-tivnym delam Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 07.12.2021 № 33a-16750/2021* [Appeal Ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Saint Petersburg City Court No. 33a-16750/2021 of December 7, 2021]. Available at: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=57345597&delo_id=42&new=&text_number=1 (accessed January 16, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КРИСТИНА КОНСТАНТИНОВНА СЫРОЕЖИНА – помощник судьи Вологодского областного суда, Вологда, Россия, kristykuzik@mail.ru

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ДЕРБИНА – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

KRISTINA K. SYROEZHINA – Assistant Judge of the Vologda Oblast Court, Vologda, Russia, kristykuzik@mail.ru

OL'GA V. DERBINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Статья поступила 22.12.2022

Научная статья

УДК 343.195.6

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.008

О некоторых вопросах понятия помилования в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации

ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА ХРУЛЕВА

Российский государственный университет правосудия, Воронеж,
Россия, pravosud36@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6790-3333>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты понятия помилования в правовой системе с позиции современного законодательства. Обосновывается, что для более полного и правильного понимания применения института помилования в Российской Федерации необходимо принятие федерального закона «О помиловании», в котором бы содержались понятие, принципы и условия применения данного института в России. Раскрывается деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в части толкования и применения помилования на практике. Анализируя некоторые решения данного органа по обоснованию понятия помилования, автор приходит к выводу о том, что деятельность суда имеет существенное значение в практике развития института помилования. Ведь именно решения Конституционного Суда Российской Федерации по своему значению являются фигуральным результатом его юрисдикционной деятельности, в том числе нормотворческой и правоприменительной деятельности современного российского государства в целом.

Ключевые слова: помилование; Конституционный Суд Российской Федерации; Президент Российской Федерации; осужденный; права человека.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Хрулева В. В. О некоторых вопросах понятия помилования в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 78–88. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.008.

Original article

Considering a Free Pardon Concept in Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation

VERA V. KHRULEVA

Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, pravosud36@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6790-3333>

Abstract. The article discusses some aspects of a free pardon concept in the legal system from the perspective of modern legislation. It is proved that for a more complete and correct understanding of the application of the institute of free pardon in the Russian Federation, it is necessary to adopt the federal law "On free pardon", which would fix the concept, principles and conditions. The article reveals activities of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of the interpretation and application of free pardon in practice. Analyzing some decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the justification of the free pardon concept, the author comes to the conclusion that its activity is essential for development of the free pardon institution. After all, it is the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation that are the figurative result of its jurisdictional activities, including rule-making and law-enforcement activities of the modern Russian state as a whole.

Key words: free pardon; Constitutional Court of the Russian Federation; President of the Russian Federation; convict; human rights.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Khruleva V.V. Considering a free pardon concept in activities of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 78–88. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.008.

В настоящее время вопросам помилования посвящено много трудов. Ученые различных направлений рассматривали данную категорию, подходя к ней со своих фундаментальных позиций. В связи с чем сложились различные представления ученых-теоретиков (философские, юридические, социологические, психологические и др.) о помиловании.

Действительно, разработка наиболее приемлемой для правовой системы дефиниции является важной целью научного познания. Как справедливо отмечает В. И. Селиверстов, «определение есть форма существования понятия» [1, с. 18]. А. М. Васильев пишет: «В юридической науке основополагающее базовое (фундаментальное) понятие есть такая правовая категория, которая, отражая существенные свойства и глубокие связи правовых явлений и процессов, представляет собой некое понятие, раскрывающее наиболее существенные по содержанию и объему понятия, формирующиеся в недрах правовых наук» [2, с. 58].

Правовая природа помилования вызывает довольно противоположные суждения. В частности, представители социально-политического течения рассматривают его как некий необходимый уровень сформированности демократических основ гражданского общества и, соответственно, развития таких принципов, как гуманизм и милосердие. При этом, по мнению В. И. Селиверстова, «идеологическая сторона применения данного аспекта помилования основывается на необходимости переосмысления поведения основной группы населения. Это возможно путем внесения изменений в правосознание граждан, в котором, по возможности, постараться утвердить понимание того, что проявление смягчения карательных мер со стороны государства будет способствовать повышению эффективности в борьбе людей против преступности. Иными словами, подобная позиция направлена прежде всего

на гуманизацию и идеологизацию таких человеческих ценностей, как свобода, жизнь, нравственность. С другой стороны, оно представляет собой некий способ воздействия идеологического характера, направленного на население в целях упрочения (либо разрушения) значения и авторитета главы государства» [1, с. 18].

У ученых-юристов отнесение помилования к той или иной отрасли права порой вызывает затруднения. Например, Н. Д. Сергиевский [3, с. 47], Н. Д. Дурманов [4, с. 36], Т. А. Синцова [5, с. 54] полагали, что помилование относится к области государственного регулирования. В частности, Т. А. Синцова пишет, что правовое положение о помиловании представляет собой определенную составляющую такого неотъемлемого элемента права, как система сдержек и противовесов, что особенно важно для эффективной работы как судебной, так и исполнительной ветвей власти [5, с. 54].

Подобное понимание актуально для настоящего времени, поскольку его наличие является показателем развития правового государства в современной России. Некоторые исследователи в сфере конституционного права также стремятся рассмотреть данное понятие не только с позиции сдерживающего элемента, но и как самостоятельный институт. Например, И. А. Гукасов отмечает, что «помилование – это конституционно-правовой институт отрасли конституционного права, который включает в себя нормы, направленные на регулирование его основ, а также являются определяющими в его содержании и механизме применения. Он состоит из цельной совокупности правовых норм, которые закрепляют права Президента Российской Федерации в сфере помилования» [6, с. 53]. В этом смысле Президент Российской Федерации имеет право на осуществление помилования, включающее в себя право на издание соответствующего правового акта и требования его исполнения. О данной прерогативе отмечает и Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях от 27.05.2004 № 190-О, от 15.01.2009 № 276-О-О, № 280-О-О, № 281-О-О, № 282-О-О, № 283-О-О и № 284-О-О. В них указывается, что помилование, закрепленное непосредственно в Конституции Российской Федерации, – это исключительная компетенция Президента Российской Федерации как главы государства (п. «в» ст. 89). По мнению суда, указ Президента Российской Федерации о помиловании представляет собой самостоятельное правовое действие, для исполнения которого совсем не требуется принятия судебного решения. Оно осуществляется помимо отправления правосудия по уголовным делам. В силу особого правового статуса президента как главы государства такой акт не может расцениваться как ухудшающий положение осужденного и препятствующий реализации права на смягчение его участи (ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации) [7].

Раскрывая правовую природу и сущность помилования, Верховный Суд Российской Федерации при изложении своей позиции также придерживается подобной аргументации. Например, в определении от 11.03.2008 № КА08-64 он указал, что, поскольку помилование является и институтом конституционного права, оно относится к области «исключительной компетенции» Президента Российской Федерации» (ст. 50, 71 и 89 Конституции

Российской Федерации). При этом суд отметил, что такая исключительность отнюдь не связывает Президента Российской Федерации с решениями таких вопросов, как привлечение к уголовной ответственности или применение наказания, которые регулируются нормами уголовно-процессуального законодательства и обязательно разрешаются судом. Он указывает, что, применяя свое конституционное право на помилование в конкретном деле с целью замены смертной казни на иное основание (лишение свободы), глава государства производит его в порядке не уголовного судопроизводства, а реализации им своего права на помилование, урегулированного на конституционном уровне (п. «в» ст. 89) [8]. Что, соответственно, находит свое подтверждение и в научной сфере. Например, И. А. Гукасов отмечает: «Принадлежность помилования к конституционно-правовым основам ни в коем образе не исключают его взаимосвязь с уголовным и другими отраслями права, поскольку отрасль конституционного права содержит основополагающие предпосылки регулирования уголовно-правового и иного отраслевого законодательства. Однако при этом нужно учитывать особенности такой взаимосвязи. Дело в том, что подобная связь помилования с уголовным или уголовным процессуальным правом относительна, так как она возникает за пределами уголовного права и уголовного процесса и реализуется вне судебного преследования» [6, с. 53].

Другие ученые придерживаются того мнения, что помилование представляет собой «институт материального уголовного права». В частности, указывается на то, что в сфере уголовного права получают закрепление разнообразные основания досрочного освобождения от отбывания наказания. Предусматриваются, например, замена наказания менее суровым, основания уменьшения объема наказания или устранения уголовно-правовых обременений [9, с. 25]. Или другой пример: в уголовно-исполнительном праве институт помилования является некой возможностью, с помощью которой можно изменить правовой статус осужденного и, соответственно, определить для него наступление иных, менее суровых правовых последствий. В административном же праве институт помилования предстает как определенный административно-правовой процесс, предназначенный для реализации контрольных действий за движением поступающих ходатайств от осужденных и других документов и принятия по ним мер, а также исполнения решений о помиловании.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что существующие научные дискуссии о правовой природе помилования до конца так и не разрешены. Могут возникать различные споры в правовом регулировании рассматриваемого института. Вместе с тем не стоит забывать, что именно нормы уголовно-исполнительного права регламентируют порядок применения помилования. В этой связи можно согласиться с А. С. Михлиным, который считает, что помилование представляет собой комплексный правовой институт [10, с. 13–14]. Автор ссылается на то, что Президент Российской Федерации как высшее должностное лицо страны наделяется конституционным правом на применение помилования (ст. 89 Конституции Российской Федерации). Он вправе применить разные основания в целях смягчения положения осуж-

денного. Поэтому и не требуется какой-либо судебной процедуры или подтверждения судом для ее осуществления [11]. Так, в соответствии со ст. 85 УК РФ Президент Российской Федерации наделяется конституционным правом на освобождение заключенного от длительного срока отбывания наказания. Также в его праве сократить этот назначенный срок или заменить неотбытую часть наказания более мягким. Путем издания акта помилования Президента Российской Федерации судимость может быть погашена полностью или частично. Комплексность рассматриваемого института подтверждается и тем, что правовые нормы, направленные на подготовку, принятие и в дальнейшем реализацию решения о помиловании, должны быть ориентированы на регулирование существенного массива отношений. Неслучайно в своем решении Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «помилование не регулируется только уголовным или уголовно-процессуальным законодательством», поскольку процедура помилования действительно находится за рамками уголовного процесса [12]. Вместе с тем, в соответствии со ст. 85 УК РФ, возможность применения помилования прямо указана в статье, а ст. 176 УИК РФ закрепляет порядок обращения с ходатайством о помиловании.

В настоящее время порядок помилования регулируется Указом Президента Российской Федерации от 14.12.2020 № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» [13]. Но до сих пор нет закона, который закрепил бы основы регулирования процедуры помилования, хотя в юридической литературе высказывались предложения о необходимости принятия такого закона [14].

Интересен тот факт, что в XIX в. получило свою научную разработку положение о том, что институт помилования, с одной стороны, развивается вне пределов уголовного права, с другой – не является актом правосудия и не вторгается в деятельность судебной власти. Однако данное обстоятельство не означает, что судебные органы не имеют права вмешиваться в данное направление. Необходимость корректировки органами правосудия по исправлению судебных недочетов, особенно в тех случаях, когда в отношении лица выносится смертный приговор, является важным в правовой системе государства [15, с. 229, 539, 566].

Е. Авдеева отмечает, что «в целях правильного толкования правовой природы помилования важны решения высших судебных органов» [16]. В этой связи особое звено в судебной системе занимает Конституционный Суд Российской Федерации. Подчеркивая уникальность данного суда, В. П. Божьев и Б. Я. Гаврилов отмечают: «Это исключительный орган государства, в прямую обязанность которого входит не только подчинение политики праву, политических акций и решений конституционно-правовым требованиям и формам, но и способность оказывать влияние на деятельность законодательных органов власти и правоприменителей. Не допускает их отступления от принципа, что “человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства” (ст. 2 Конституции РФ)» [17, с. 34].

Правовой статус Конституционного Суда Российской Федерации закрепляется в ст. 125 Конституции Российской Федерации, в ст. 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Так, согласно ст. 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом, который осуществляет конституционный контроль и занимает особое место в системе органов государственной власти. При этом основополагающей его целью является обеспечение охраны и защиты основных прав и свобод человека и гражданина. В своих решениях он неоднократно указывал, что акт помилования – это особый вид правоприменительного решения. Он не тождественен содержащемуся в приговоре суда решению о назначении наказания. В силу своей природы, как акт милосердия, он не способен привести к более тяжким последствиям для осужденного, чем те, которые получили свое закрепление в уголовном законе. Следовательно, осуществляемая в порядке помилования замена смертной казни менее тяжким наказанием (в данном случае – пожизненным лишением свободы) не может расцениваться как ухудшение положения осужденного [18].

Анализируя значение и роль определений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о помиловании, А. В. Елинский отмечает, что именно по данным делам суд проявляет наибольшую сдержанность в своих выводах и аргументах [19]. Причиной этого является следующее: исходя из скромных конституционных положений о помиловании, суду затруднительно сформулировать те или иные выводы правового характера по отношению к помилованию, в Конституции Российской Федерации не совсем точно прописаны условия его применения и только немного говорится о данном институте. Представляется, что автор не совсем правильно высказал свою позицию. Дело в том, что законодатель по определению не может включить в содержание Конституции Российской Федерации весь перечень вопросов, даже самых актуальных. Видятся целесообразными разработка и принятие федерального закона «О помиловании в Российской Федерации», где следует сформулировать основные положения понятия института помилования, раскрыть его сущность, особенности применения, обстоятельства и условия, при которых заключенные могли бы обращаться с заявлениями о помиловании, и другие важные вопросы.

С другой стороны, по утверждению А. В. Елинского, в Российской Федерации сложность применения данного института требует определенной осторожности. Это необходимо в целях предотвращения недопущения возникновения тех или иных оснований, которые поставили бы под сомнение «беспристрастность и свободное от политической конъюнктуры мнение этого высшего судебного органа» [19]. Вместе с тем деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам помилования во многом соответствует научно обоснованным доктринам о правовой природе и назначении этого института и всецело соответствует общим тенденциям, которые сформировались в практике зарубежных органов конституционного контроля. Например, в этом смысле интересно определение Конституционного

Суда Российской Федерации от 19.06.2007 № 592-О-О, где дано разъяснение об особенностях применения Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [20] относительно отмены смертной казни Российской Федерацией. В частности, суд отметил, что до настоящего времени он не вынесен на ратификацию, обязательство же не применять смертную казнь, взятое на себя Россией, реализуется иными средствами – путем помилования осужденных и в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П, установившим по указанным основаниям запрет на назначение наказания в виде смертной казни [21]. Следовательно, сложившаяся правовая ситуация не противоречит смыслу международно-правовых обязательств нашей страны.

Значение актов Конституционного Суда Российской Федерации подтверждается и тем, что многие из них способствуют разрешению тех вопросов, которые на законодательном уровне не могли разрешиться. Так, в определении от 11.07.2006 № 406-О суд пришел к выводу, что ст. 79 УК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не является препятствием для применения условно-досрочного освобождения от наказания в отношении тех лиц, которым была назначена смертная казнь по приговору суда и в порядке помилования заменена на лишение свободы [22]. Немного позднее эта правовая позиция была подтверждена и в определении от 21.02.2008 № 111-О-О [23]. В ней излагалась позиция о возможности осужденного заявлять ходатайство о смягчении наказания.

Не менее важным является и то обстоятельство, что в силу незнания закона осужденные, обращаясь с ходатайством о помиловании, рассчитывают на его однозначное предоставление. Однако, как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, неоднократно подчеркивавший данное обстоятельство, предоставленное в соответствии с ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации право просить о помиловании или смягчении наказания не предполагает безусловного его удовлетворения каждому осужденному. Принятие решения по такому ходатайству вовсе не означает, что осужденный обязательно будет помилован (определения от 11.01.2002 № 60-О и № 61-О, от 19.02.2003 № 77-О и от 21.12.2006 № 567-О) [24].

Таким образом, анализируя понятие «помилование», следует сделать вывод о том, что его можно отнести к категории «особый комплексный правовой институт». Его осуществление возможно и при отсутствии в уголовном законодательстве необходимых норм. В этом случае соответствующие конституционные положения (ч. 3 ст. 50, п. «о» ст. 71, п. «в» ст. 89, п. «ж» ч. 1 ст. 103) стали бы не только нормами прямого действия, но и действительным источником уголовного права [26, с. 254].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селиверстов В. И. Доктринальное и нормативное определение помилования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 16–22.
2. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права. М., 1976. 264 с.

3. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям. 11-е изд. Петроград, 1915. 397 с.
4. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967. 319 с.
5. Синцова Т. А. Амнистия и помилования в советском государственном праве // Правоведение. 1969. № 6. С. 118–121.
6. Гукасов И. А. Помилование как конституционно-правовой институт // Общество и право. 2008. № 2 (20). С. 53–55.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ключникова Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 43, 59, 83 и 85 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 7 и 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 280-О-0 // Судебная система Российской Федерации : сайт. URL: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_6402.htm (дата обращения: 06.11.2022).
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2008 г. № КА08-64 // Судебная система Российской Федерации : сайт. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_39571.htm (дата обращения: 06.11.2022).
9. Голик Ю. В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории / отв. ред. Г. Н. Доронин. Новосибирск, 1992. 80 с.
10. Елисеева Н. В., Михлин А. С. Помилование в Российской Федерации. М., 2001. 82 с.
11. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2020 № АКПИ20-561. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. ВС: При помиловании Президент России не обязан соблюдать УК РФ // Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-pri-pomilovanii-prezident-rossii-ne-obyazan-soblyudat-uk-rf/> (дата обращения: 06.11.2022).
13. О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 14.12.2020 № 787 // Российская газета. 2020. 16 дек.
14. Марогулова И. Л. Законодательное регулирование амнистии и помилования: генезис, сущность, теория, правоприменение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 47 с.
15. Миттермайер К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству / пер. и предисл. В. Бартенева. СПб., 1864. 580 с.
16. Авдеева Е. Правовая природа помилования: как ее правильно толковать? // Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovaya-priroda-pomilovaniya-kak-ee-pravilno-tolkovat/> (дата обращения: 06.11.2022).
17. Правоохранительные и судебные органы : учеб. для СПО / под общ. ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 381 с.
18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудика Андрияна Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 43, части третьей статьи 59 и статьи 85 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2009 № 283-О-О// Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012009-n-283-o-o-ob/> (дата обращения: 06.11.2022).
19. Елинский А. В. Вопросы помилования в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Юриспруденция: магистерские, дипломные, курсовые : сайт. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=1043> (дата обращения: 06.11.2022).
20. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 114) от 28.04.1983 // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

21. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильясова Имрана Спахиевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «н» статьи 44, части первой статьи 59 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.06.2007 № 592-О-О // Законы России : сайт. URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_216/doc216a100x939.htm (дата обращения: 06.11.2022).
22. По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 УК Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 11.07.2006 № 406-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 1.
23. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мокрушина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 16 части четвертой статьи 47, статьями 376, 397 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21.02.2008 № 111-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кучерова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 29 января 1999 г. № 149 : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21.12.2006 № 567-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Кирюшкин М. В. Формально-юридическое значение Конституции РФ в российском уголовном праве // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгр. по уголов. праву, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса Рос. Федерации. М., 2006. С. 251–254.

REFERENCES

1. Seliverstov V.I. Doctrinal and normative definition of free pardon. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2007, no. 1, pp. 16–22. (In Russ.).
2. Vasil'ev A.M. *Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii prava* [Legal categories: methodological aspects of the development of a law category system]. Moscow, 1976. 264 p.
3. Sergievskii N.D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: lectures manual]. Petrograd, 1915. 397 p.
4. Durmanov N.D. *Sovetskii ugovnyi zakon* [Soviet criminal law]. Moscow, 1967. 319 p.
5. Sintsova T.A. Amnesty and free pardon in Soviet state law. *Pravovedenie = Legal Science*, 1969, no. 6, pp. 118–121. (In Russ.).
6. Gukasov I.A. Free pardon as a constitutional and legal institution. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2008, no. 2 (20), pp. 53–55. (In Russ.).
7. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksandr F. Klyushnikov for violation of his constitutional rights by the provisions of articles 43, 59, 83 and 85 of the Criminal Code of the Russian Federation and articles 1, 7 and 397 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation : Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 280-О-О of January 15, 2009. *Sudebnaya sistema Rossiiskoi Federatsii: sait* [Judicial system of the Russian Federation: website]. Available at: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_6402.htm (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. KAS08-64 of March 11, 2008. *Sudebnaya sistema Rossiiskoi Federatsii: sait* [Judicial system of the Russian Federation:

- website]. Available at: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_39571.htm (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).
9. Golik Yu.V. *Ugolovno-pravovoe stimulirovanie pozitivnogo povedeniya: voprosy teorii* [Criminal legal stimulation of positive behavior: theoretical issues]. Ed. by Doronin G.N. Novosibirsk, 1992. 80 p.
10. Eliseeva N.V., Mikhlin A.S. *Pomilovanie v Rossiiskoi Federatsii* [Free pardon in the Russian Federation]. Moscow, 2001. 82 p.
11. *Reshenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 22.09.2020 № AKPI20-561* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI20-561 of September 22, 2020]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
12. VS: When pardoning the President of Russia is not obliged to comply with the Criminal Code of the Russian Federation. *Advokatskaya gazeta: sait* [Advocate newspaper: website]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-pri-pomilovanii-prezident-rossii-ne-obyazan-soblyudat-uk-rf/> (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).
13. On some issues of the activities of the pardon commissions in the territories of the subjects of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation No. 787 of December 14, 2020. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2020, December 16. (In Russ.).
14. Marogulova I.L. *Zakonodatel'noe regulirovanie amnistii i pomilovaniya: ginezis, sushchnost', teoriya, pravoprimerenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legislative regulation of amnesty and pardon: genesis, essence, theory, law enforcement: Doctor of Sciences (law) dissertation abstract]. Moscow, 1999. 47 p.
15. Mittermaier K.Yu.A. *Zakonodatel'stvo i yuridicheskaya praktika v noveishem ikh razvitii v otnoshenii k ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Legislation and legal practice in their newest development in relation to criminal proceedings]. Saint Petersburg, 1864. 580 p.
16. Avdeeva E. The legal nature of free pardon: how to interpret it correctly? *Advokatskaya gazeta: sait* [Advocate newspaper: website]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovaya-priroda-pomilovaniya-kak-ee-pravilno-tolkovat/> (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).
17. *Pravookhranitel'nye i sudebnye organy: ucheb. dlya SPO* [Law enforcement and judicial authorities: textbook for SVE]. Ed. by Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. Moscow, 2015. 381 p.
18. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrian V. Dudik on violation of his constitutional rights by the provisions of Part 1 of Article 43, Part 3 of Article 59 and Article 85 of the Criminal Code of the Russian Federation : Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 283-O-O of January 15, 2009. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiiskoi Federatsii: sait* [Laws, Codes and Normative Legal Acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012009-n-283-o-o-ob/> (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).
19. Elinskii A.V. Issues of pardon in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Yurisprudentsiya: magisterskie, diplomnye, kursovye: sait* [Jurisprudence: master's, diploma, course works: website]. Available at: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=1043> (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).
20. Protocol No. 6 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 114) of April 28, 1983. In: *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of International Treaties]. 2001. No. 3. (In Russ.).
21. On refusal to accept for Consideration the complaint of citizen Imran S. Il'yasov on violation of his constitutional rights by the provisions of Paragraph "h" of Article 44, Part 1 of Article 59 and Part 4 of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 100 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation : Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 592-O-O of November 19, 2007. *Zakony Rossii: sait* [Laws of Russia: website]. Available at:

https://lawrussia.ru/texts/legal_216/doc216a100x939.htm (In Russ.). (Accessed November 6, 2022).

22. On the complaint of citizen Aleksei A. Gruzdev for violation of his constitutional rights by Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 3 of Article 399 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court No. 406-O of July 11, 2006. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* = *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2007, no. 1. (In Russ.).

23. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mokrushina Evgeniya Vladimirovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ei 10 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, punktom 16 chasti chetvertoi stat'i 47, stat'yami 376, 397 i 399 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstituts. Suda Ros. Federatsii ot 21.02.2008 № 111-O-O* [On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgenii V. Mokrushin on violation of his constitutional rights by Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, Paragraph 16 of Part 4 of Article 47, articles 376, 397 and 399 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 111-O-O of February 21, 2008]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

24. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kucheroва Sergeyа Petrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu tret'ei stat'i 59 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 29 yanvarya 1999 g. № 149: opredelenie Konstituts. Suda Ros. Federatsii ot 21.12.2006 № 567-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergei P. Kucheroв on violation of his constitutional rights by Part 3 of Article 59 of the Criminal Code of the Russian Federation and Decree of the President of the Russian Federation No. 149 of January 29, 1999: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 567-O of December 21, 2006]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

25. Kiryushkin M.V. Formal and legal significance of the Constitution of the Russian Federation in Russian criminal law. In: *Konstitutsionnye osnovy ugolovnogo prava: materialy 1 Vseros. kongr. po ugov. pravu, posvyashch. 10-letiyu Ugolovnogo kodeksa Ros. Federatsii* [Constitutional foundations of criminal law: materials of the 1st All-Russian Criminal Law Congress dedicated to the 10th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 2006. Pp. 251–254.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА ХРУЛЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, pravosud36@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6790-3333>

VERA V. KHRULEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, pravosud36@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6790-3333>

Статья поступила 06.12.2022

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.009

Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг.

ИЛЬЯС АБДУЛХАЕВИЧ АБДУЛХАННЯНОВ

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Аннотация. В статье осуществляется ретроспективное исследование одного из распространенных логико-гносеологических средств юридической техники – юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства; дается его краткая характеристика; определяется, что фикция применялась при формулировании различных уголовно-правовых предписаний, в частности: института условного осуждения, условно-досрочного освобождения, коллективной уголовной ответственности, приравнивании правового статуса некоторых категорий лиц и стадий совершения преступления. Делается вывод о том, что юридическая фикция способствовала рациональному и эффективному регулированию общественных отношений, достижению необходимых целей уголовной политики, одновременно с этим в ряде случаев она использовалась при формулировании положений, противоречащих фундаментальным общеправовым и специальным уголовно-правовым принципам (личной индивидуальной ответственности, справедливости, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности).

Ключевые слова: некодифицированное уголовное законодательство; ретроспективное исследование; юридическая техника; фикция в уголовном праве; условное осуждение; условно-досрочное освобождение; коллективная уголовная ответственность; приравнивание правового статуса.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг. // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 89–98. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.009.

Retrospective Study of Legal Fiction in the Norms of Soviet Uncodified Criminal Legislation in 1917–1922

IL'YAS A. ABDULKHANNYANOV

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Abstract. The article provides a retrospective study of one of the most common logical and epistemological means of legal technique – legal fiction in the norms of Soviet uncodified criminal legislation; presents its brief description; determines that fiction was used in the formulation of various criminal law prescriptions, in particular, the institution of conditional conviction, parole, collective criminal liability, equating the legal status of certain categories of persons and crime commission stages. The author concludes that legal fiction contributed to rational and effective regulation of public relations, achievement of necessary goals of criminal policy, at the same time, in a number of cases, it was used in the formulation of provisions that contradict fundamental general legal and special criminal law principles (personal individual responsibility, justice, differentiation and individualization of criminal liability).

Key words: uncodified criminal legislation; retrospective research; legal technique; fiction in criminal law; conditional conviction; parole; collective criminal liability; equalization of legal status.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Abdulkhannyanov I.A. Retrospective study of legal fiction in the norms of Soviet uncodified criminal legislation in 1917–1922. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 89–98. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.009.

Современное уголовное законодательство изобилует значительным количеством юридико-технических изъянов, порождающих его коллизионность, пробельность, нарушающих основополагающие правовые принципы (законности, справедливости, гуманизма), что в совокупности препятствует построению эффективного механизма борьбы с преступностью. Осмыслить эти изъяны и выработать на основе этого конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства призвана наука уголовного права.

Осуществление системной целенаправленной деятельности по исследованию уголовно-правовой реальности немислимо без использования соответствующего интеллектуального инструментария – методологии, в содержании которой видное место занимает исторический метод. Как отмечал Л. С. Белогриц-Котляревский, изучение постепенной модификации современных общественных институтов имеет важнейшее научное значение, которое может быть реализовано только за счет исследования их прошлого состояния [1, с. 59]. Другой дореволюционный ученый В. В. Есипов утверж-

дал, что всесторонне уяснить любое уголовно-правовое явление или понятие нельзя без исторического их рассмотрения [2, с. 18].

Характер проводимых сегодня юридических, в том числе уголовно-правовых, научных исследований претерпевает некоторые изменения: все более распространенным становится изучение не конкретных понятий, институтов, преступлений, видов наказаний и т. д., а логико-гносеологических инструментов, при помощи которых формулируются и нормативно закрепляются перечисленные явления. Юридические категории начинают рассматриваться несколько с иного ракурса, если можно так выразиться, в другом разрезе, отличающемся динамичностью, позволяющем понять гносеологическую природу отдельных норм.

К числу таких интеллектуальных инструментов конструирования уголовно-правовых предписаний относится юридическая фикция, которая исследуется сегодня в контексте учения о юридической технике. Под ней в современном уголовном праве понимается средство юридической техники, сознательно используемое при формулировании предписаний Уголовного кодекса Российской Федерации, не соответствующих действительности, в целях реализации уголовной политики государства.

Юридическая (более корректно применительно к уголовному праву именовать ее уголовно-правовая) фикция не осмыслена надлежащим образом, в особенности история ее использования в отечественном уголовном законодательстве. Этот пробел не позволяет всесторонне оценить значимость и перспективы применения фикции в действующем уголовном законодательстве, сформулировать предложения по совершенствованию некоторых его положений. В своих более ранних публикациях мы уже осуществили ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в уголовном законодательстве XI–XVIII вв., цель данной статьи состоит в выявлении и оценке норм советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг., в основе которых лежит фикция.

Произошедшие в 1917 г. глобальные революционные общественно-политические преобразования обусловили коренное реформирование правовой политики государства, выразившееся, главным образом, в разработке концептуально нового законодательства, в том числе уголовного. Рассматриваемый период характеризуется отсутствием кодифицированных нормативных актов, в качестве основных источников права выступали декреты, инструкции и постановления, регламентирующие узкий круг конкретных вопросов, зачастую содержавшие в себе нормы сразу нескольких отраслей права. Принятие в 1917–1920 гг. уголовного кодекса объективно было невозможно по причине отсутствия устойчивых общественных отношений, еще формирующихся вследствие грандиозных изменений государственного строя [3, с. 242]. В связи с этим был определен иной, ранее не встречавшийся подход к реорганизации правовой системы. Профессор А. А. Герцензон отмечал, что с октября 1917 г. до принятия УК РСФСР 1922 г. вступило в силу около 400 актов, содержащих нормы уголовно-правового характера [4, с. 75]. При их формулировании разработчики нового советского уголовного законодательства продол-

жили использовать все те же выработанные и неоднократно апробированные юридико-технические средства и приемы, в том числе юридическую фикцию.

В Декрете ВЦИК № 2 «О суде» [5], изданном в дополнение и развитие положений Декрета СНК № 1 «О суде» [6], впервые в истории отечественного уголовного законодательства закреплялся институт условного осуждения. В ст. 29 рассматриваемого декрета указывалось на то, что народные заседатели, разрешая вопрос о мере наказания, могли по своему убеждению уменьшить его размер вплоть до условного освобождения виновного. В ст. 32 предусматривалось право осужденного лица после вынесения приговора просить местный народный суд об условном или досрочном освобождении от отбывания наказания.

Условное осуждение как одно из возможных правовых последствий осуждения лица стало предметом активной международной научной дискуссии во второй половине XIX в., однако, несмотря на это, так и не нашло своего отражения в дореволюционном российском уголовном законодательстве. Профессор Н. Д. Сергеевский призывал воздерживаться от введения института условного осуждения из-за целого ряда сомнений в его соответствии основной задаче карательного правосудия и называл его загадкой будущего уголовного права, нежели постулатом настоящего [7, с. 379–380].

Фиктивность условного осуждения заключается в формальном порицании виновного лица посредством вынесения судом в отношении него обвинительного приговора с назначением конкретного вида наказания, однако фактически не применяемого к нему в силу ряда причин. К таковым относятся экономия государством репрессивных мер, предположение им возможности исправления лица и восстановления социальной справедливости без реального отбывания им карательных взысканий. Лицо, совершившее преступление и признанное виновным, оказывается огражденным от обязательного восприятия лишений и ограничений его прав и свобод, установленных в отношении него приговором суда.

Существование данного института вызвано к жизни гуманистическими началами уголовного права: преступнику предоставляется возможность переосмыслить свое поведение без обращения к реальному наказанию. По мнению А. А. Пионтковского, эффективность условного осуждения предопределялась психическим давлением на осужденного угрозой возможного применения к нему настоящей, материализованной санкции [9, с. 105–106].

К недостаткам института условного осуждения, по Декрету ВЦИК № 2 «О суде», следует отнести то, что он был слабо регламентирован, поскольку законодательно закреплял лишь право народных заседателей и виновного лица на установление (прошение) условного осуждения. При этом оставались неурегулированными вопросы, связанные с обязанностями условно освобожденного, требованиями к испытательному сроку, возможностями и условиями замены такого осуждения на реальное наказание и т. д.

Восполнение подобных пробелов осуществлялось за счет регионального нормотворчества. Так, съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана в мае 1918 г. было разработано и введено в действие специальное по-

ложение об условном осуждении [3, с. 142], что не способствовало формированию единообразной правоприменительной практики на территории всего государства.

Чуть более чем через год вступают в силу Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [10], ставшие первым примером систематизации уголовного законодательства и включавшие в себя положения Общей части Уголовного кодекса, ряд из которых в дальнейшем найдет свое воплощение в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. и Основных началах уголовного законодательства СССР [11, с. 36; 12, с. 25]. Представляя собой своего рода кодекс без Особенной части, данный документ отразил принятую советским правительством концепцию противодействия преступности [13, с. 9].

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР институту условного осуждения отведен самостоятельный разд. VII «Об условном осуждении», состоящий из одной статьи, фиксирующей условия назначения условного осуждения и порядок его прекращения. Его содержание, несмотря на заметное развитие института условного осуждения, все же нельзя назвать удачным как с юридико-технической, так и с концептуальной точки зрения, поскольку многие вопросы его реализации по-прежнему не регламентировались.

К другому примеру использования фикции следует отнести положения Постановления Совета Труда и Оборона от 12.08.1921 «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» [14], которыми устанавливалась коллективная, в том числе уголовная коллективная, ответственность правления объединения (предприятия) за невыполнение производственного плана, ненадлежащее качество выпускаемых изделий, несохранность имущества. Подобная мера продиктована рядом экономических факторов и не вполне соответствует принципу справедливости и индивидуализации наказания. Фиктивность данной нормы заключается в том, что к ответственности привлекаются не конкретные лица, а субъект права, сам фактически являющейся фикцией, абстракцией, искусственно созданной и признанной государством.

В Декрете от 28.01.1918 «О Революционном трибунале печати» [15], определяющем процессуальные вопросы деятельности Революционного трибунала печати, его полномочия и порядок рассмотрения подсудных ему дел, в п. 9 содержатся возможные виды наказаний. В них наряду с лишением свободы, удалением из столицы, отдельных местностей или пределов РСФСР предусматривались и наказания корпоративных субъектов (временная или навсегда приостановка деятельности издания, конфискация в общенародную собственность типографий или имущества издания печати), что следует отнести к случаю применения юридической фикции.

В Постановлении VI Всероссийского Съезда Советов от 06.11.1918 «Об освобождении некоторых категорий заключенных» указывалось на освобождение от заключения всех задержанных, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено обвинение в осуществлении заговора против советской власти и ряде других антиреволюционных деяний [16]. Как отмечают исследователи, подобная мера продиктована желанием советской власти,

во-первых, смягчить остроту гражданской войны и, во-вторых, продемонстрировать крестьянам и рабочим разумность и цивилизованность вновь образованного правового порядка [17, с. 40]. Фиктивность подобного нормотворческого решения выражается в том, что не все освобожденные от заключения лица в действительности невиновны и не совершали антигосударственных деяний.

Постановлением Совета Рабочей и Крестьянской обороны от 15.03.1919 весь наличный состав рабочих и служащих речного и морского флота Советской Республики, занятый ремонтом и разработкой судов, вывозкой топлива для флота, считался призванным на военную службу [18]. Рабочих, фактически не являющихся военнослужащими, формально приравнивали к таковым на определенный срок (с момента опубликования документа до окончания навигации), в чем и заключается фиктивный аспект нормы. Она имеет непосредственное уголовно-правовое значение, поскольку с момента издания постановления все эти лица несли уголовную ответственность по законам военного времени и подлежали суду военно-революционным трибуналом. Целесообразность принятого решения объясняется срочной необходимостью восстановления и укрепления военно-морского флота, в частности за счет установления жесткой трудовой, буквально воинской, дисциплины на производстве.

Наказуемость неоконченного преступления и некоторые вопросы соучастия в некодифицированном уголовном законодательстве 1917–1922 гг. формулировались по ряду противоправных деяний при помощи юридической фикции. На протяжении длительного времени в отечественном уголовном законодательстве обнаружение умысла на совершение наиболее тяжких государственных преступлений приравнивалось к оконченному преступлению. Советский законодатель 1917–1922 гг. приравнивал к оконченному преступлению другую стадию его совершения – покушение. Фиктивность подобных уголовно-правовых конструкций заключается в том, что фактически неоконченное преступление, еще не повлекшее никаких общественно опасных последствий, юридически признается завершенным, аккумулируя в себе предупредительный потенциал уголовного закона.

Сразу в нескольких декретах и постановлениях, содержащих особо опасные преступления, борьбу с которыми Советское государство считало первоочередной, имелись формулировки: «покушение на... наказывается как оконченное преступление» [19–22].

Вопросы соучастия в контрреволюционных преступлениях разрешались также недифференцированно: в декретах «О спекуляции» и «О набатном звоне» различные соучастники (пособники, организаторы и подстрекатели) и прикосновенные лица (укрыватели и недоносители) привлекались к ответственности так же, как и исполнители, в чем и выражается фиктивность. Их вклад в преступление объективно менее опасен, нежели деятельность исполнителя, однако, несмотря на это, они привлекаются к ответственности равнозначно, то есть фактически их ролевой преступный статус приравнивался друг к другу.

Такой подход нельзя назвать удачным, поскольку он совершенно не учитывает степень личного участия лица в совершении преступления, приводит к уравниванию лиц, имеющих какое-либо, даже самое отдаленное отношение к преступлению, что не соответствует принципу справедливости.

Проведенное исследование фикции в уголовно-правовых памятниках советского некодифицированного уголовного законодательства позволило сформулировать следующие выводы:

Во-первых, разработчики советского уголовного законодательства продолжили использовать при его конструировании все те же выработанные и неоднократно апробированные юридико-технические правила, приемы и средства, в том числе юридическую фикцию, позволяющую наиболее рационально и эффективно регулировать общественные отношения, достигать необходимых целей уголовной политики.

Во-вторых, это свидетельствует об универсальности применяемого в правотворчестве и правоприменении юридико-технического инструментария, его деидеологизированности, востребованности при любом государственном устройстве.

В-третьих, логико-гносеологическое средство – фикция – было использовано при формулировании новых для отечественного уголовного законодательства гуманистических институтов: условного осуждения и условно-досрочного освобождения.

В-четвертых, несмотря на вышеуказанное, посредством юридической фикции в разное время формулировались отдельные нормы советского уголовного законодательства, противоречащие основополагающим правовым, в том числе уголовно-правовым, принципам (таким, например, как личной ответственности, справедливости, дифференциации уголовной ответственности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. 618 с.
2. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права : Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 2-е изд., пересм. СПб., 1898. 550 с.
3. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов [и др.]. М., 1948. 466 с.
4. Герцензон А. А. Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского Уголовного кодекса // Социалистическая законность. 1937. № 12. С. 75–85.
5. О суде : декрет ВЦИК от 18.02.1918 № 2 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
6. О суде : декрет СНК РСФСР от 22.11.1917 № 1 // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 24 нояб.
7. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. 7-е изд. СПб., 1908. 397 с.
8. Тарасенко В. В. Уголовно-правовая фикция в юридической конструкции условного осуждения // Молодой ученый. 2014. № 11. С. 272–276.

9. Пионтковский А. А. Об условном осуждении или системе испытания: уголовно-политическое исследование. Одесса, 1894. 191 с.
10. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление Народ. комиссариата юстиции // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 66. Ст. 590.
11. Сизова В. Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1. С. 34–41.
12. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 24–31.
13. Коняхин В. П. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – одна из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 7–11.
14. Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства : постановление Совета Труда и Оборона от 12.08.1921 // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 63. Ст. 462.
15. О Революционном трибунале печати : декрет СНК РСФСР от 28.01.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.
16. Об освобождении некоторых категорий заключенных : постановление VI Всерос. Съезда Советов от 06.11.1918 № 1033 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1445.
17. Медведев А. В. Репрессии и амнистии Советского государства в Нижегородской губернии в годы гражданской войны (1918–1920) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 38–51.
18. О зачислении всего состава рабочих и служащих речного и морского флота и рабочих и служащих, занятых по ремонту судов и вывозке топлива для флота, в разряд военнослужащих : постановление Совета Рабочей и Крестьян. обороны от 15.03.1919 № 249 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М., 1943. С. 342–343.
19. О спекуляции : декрет от 22.07.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 54. Ст. 605.
20. О взяточничестве : декрет СНК от 08.05.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.
21. О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти : постановление ВЦИК от 05.01.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.
22. О набатном звоне : постановление СНК от 30.07.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 57. Ст. 628.

REFERENCES

1. Belogrits-Kotlyarevskii L.S. *Uchebnik russkogo ugodovno go prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [Textbook of Russian criminal law. General and special parts]. Kiev, 1903. 618 p.
2. Esipov V.V. *Ocherk russkogo ugodovno go prava: Chast' obshchaya: Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye* [An essay of Russian criminal law: General part: Crime and criminals. Punishment and the punished]. 1898. 550 p.
3. Herzenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D. et al. *Istoriya sovetskogo ugodovno go prava* [History of Soviet criminal law]. Moscow, 1948. 466 p.
4. Herzenzon A.A. Socialist criminal legislation in the period before the publication of the first Soviet Criminal Code. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1937, no. 12, pp. 75–85. (In Russ.).

5. About the court: Decree of the Central Executive Committee No. 2 of February 18, 1918 In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1918. No. 26. Art. 420. (In Russ.).
6. About the court: Decree of the SNK of the RSFSR No. 1. of November 22, 1917. *Gazeta Vremennogo rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva* = *Newspaper of the Provisional Workers and Peasants' Government*, 1917, November 24. (In Russ.).
7. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' Obshchaya: Posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: manual for lectures]. Saint Petersburg, 1908. 397 p. (In Russ.).
8. Tarasenko V.V. Criminal-legal fiction in the legal construction of a conditional sentence. *Molodoi uchenyi* = *Young Scientist*, 2014, no. 11, pp. 272–276. (In Russ.).
9. Piontkovskii A.A. *Ob uslovnom osuzhdenii ili sisteme ispytaniya: ugovno-politicheskoe issledovanie* [On probation or probation system: criminal and political research]. Odessa, 1894. 191 p.
10. Guiding principles on criminal law of the RSFSR: resolution of the People. Commissariat of Justice. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva* [Collection of legalizations and orders of the Workers And Peasants' Government]. 1919. No. 66. Art. 590. (In Russ.).
11. Sizova V.N. The evolution of Russian criminal legislation in the period from 1917 to 1924. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* = *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 1, pp. 34–41. (In Russ.).
12. Chuchayev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V. The guiding principles 1919 as a prototype of the general part of the criminal code of the RSFSR 1922. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Law Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 4, pp. 24–31. (In Russ.).
13. Konyakhin V. P. The guiding principles 1919 as a prototype of the General Part of the Criminal Code of the RSFSR 1922. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).
14. Basic provisions on measures to restore large-scale industry and raise and develop production: Resolution of the Council of Labor and Defense of August 12, 1921. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1921. No. 63. Art. 462. (In Russ.).
15. On the Revolutionary Tribunal of the Press: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 28, 1918. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1918. No. 28. Art. 362. (In Russ.).
16. On the release of certain categories of prisoners: Resolution VI Vseros. Congress of Soviets of 06.11.1918 No. 1033. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg* [Collection of legalizations and orders of the Workers and Peasants' Government for 1917–1918]. Moscow, 1942. Pp. 1445. (In Russ.).
17. Medvedev A.V. Repressions and amnesties of the Soviet state in the Nizhny Novgorod province during the Civil War (1918–1920). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2019, no. 4, pp. 38–51. (In Russ.).
18. On the enrollment of the entire staff of workers and employees of the river and sea fleet and workers and employees engaged in the repair of ships and the removal of fuel for the fleet in the category of military personnel: Resolution of the Council of Worker and Peasants' Defense No. 249 of March 15, 1919. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1919 g.* [Collection of legalizations and orders of the Workers and Peasants' Government for 1919]. Moscow, 1943. Pp. 342–343. (In Russ.).
19. On speculation: Decree of July 22, 1918. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 54. Art. 605. (In Russ.).

20. On bribery: decree of the SNK of May 8, 1918. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 35. Art. 467. (In Russ.).

21 On recognition as a counter-revolutionary action of all attempts to appropriate the functions of state power: Resolution of the Central Executive Committee of January 5, 1918. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 14. Art. 202. (In Russ.).

22. On the alarm bell: Resolution of the Council of People's Commissars of July 30, 1918. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 57. Art. 628. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИЛЬЯС АБДУЛХАЕВИЧ АБДУЛХАННЯ-НОВ – адъюнкт Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

IL'YAS A. ABDULKHANNYANOV – Associate of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Статья поступила 29.11.2022

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.010

Отдельные аспекты вовлечения бизнеса в развитие наказания в виде принудительных работ: публичные и частные интересы

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Экспертный центр по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия

pravo@deloros.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос внедрения в практику наказания в виде принудительных работ при активном участии бизнеса в контексте развития этого вида наказания. Обосновывается тезис о том, что применение наказания такого вида позволит решить вопрос ресоциализации осужденных, что обеспечит существенное улучшение криминогенной обстановки. Приводятся аргументы о необходимости применения труда лиц, отбывающих принудительные работы, в целях восстановления социальной справедливости и нарушенных прав потерпевшего, так как получение осужденным дохода ведет к регулярному возмещению ущерба, причиненного преступлением. Уделяется внимание анализу баланса частных и публичных интересов при применении принудительных работ. Делается вывод, что принудительные работы эффективно могут применяться не только при вынесении приговора, но и в качестве замены наказания в виде лишения свободы, замены части наказания в целях создания здоровых социальных связей с такими же работающими гражданами.

Ключевые слова: принудительные работы; вовлечение бизнеса; ресоциализация осужденных; улучшение криминогенной обстановки; труд осужденных; баланс частных и публичных интересов при применении принудительных работ.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Отдельные аспекты вовлечения бизнеса в развитие наказания в виде принудительных работ: публичные и частные интересы // *lus publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 99–109. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.010.

Original article

Certain Aspects of Business Involvement in the Development of Punishment in the Form of Forced Labor: Public and Private Interests

EKATERINA V. AVDEEVA

School of Law of the Institute of Public Administration and Civil Service
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia

Expert Center on Criminal Law Policy and Execution of Judicial Acts
of the All-Russian Public Organization "Business Russia", Moscow,
Russia

pravo@deloros.ru

Abstract. The article deals with the introduction of punishment in the form of forced labor into practice and active participation of business in it in the context of the development of this type of punishment. It is substantiated that the application of this type of punishment will contribute to resocialization of convicts, thus triggering a significant improvement in the criminogenic situation. Arguments are given about the need to use labor of persons serving forced labor in order to restore social justice and the violated rights of the victim, since the receipt of income by the convicted person leads to regular compensation for the damage caused by the crime. Attention is paid to the analysis of the balance of private and public interests in the application of forced labor. It is concluded that forced labor can be effectively applied not only in sentencing, but also as a substitute for punishment in the form of imprisonment and replacement of part of the punishment in order to create healthy social ties with the same working citizens.

Keywords: forced labor; involvement of business; resocialization of convicts; improvement of the criminogenic situation; labor of convicts; balance of private and public interests in the application of forced labor.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Certain aspects of business involvement in the development of punishment in the form of forced labor: public and private interests. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 99–109. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.010.

Вопрос участвовавшего назначения наказания в виде принудительных работ встает с каждым годом все более остро по той причине, что этот вид наказания имеет целый ряд достоинств. В ст. 43 УК РФ указано, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедев обратил внимание судей на принудительные работы, указав на то, что это гуманное наказание, которое не считается лишением свободы. Он также отметил, что «по состоянию на 1 апреля этого года в учреждениях уголовно-исполнитель-

ной системы Российской Федерации содержалось 466 тысяч 764 лица – на 10 тысяч 751 лицо меньше, чем годом ранее... Однако в отдельных субъектах Российской Федерации численность лиц, осужденных к лишению свободы, достигает 40 процентов, а такое наказание, как принудительные работы, не назначается с аргументацией об отсутствии исправительных центров в соответствующем субъекте Российской Федерации» [1].

На встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным министр юстиции К. Н. Чуйченко указал на то, что в России планируется к концу 2024 г. создать 100 тыс. мест для применения наказания в виде принудительных работ, что, в свою очередь, позволит снизить число лиц в местах лишения свободы. Министр юстиции также отметил, что наказание в виде лишения свободы в России отбывает примерно 350 тыс. человек, из них право обратиться с заявлением о переводе на принудительные работы имеется у 180 тыс., при этом из них 100 тыс. человек изменить наказание в виде лишения свободы на принудительные работы следовало бы уже сейчас [2].

Еще ранее, во время встречи 23 марта 2017 г. в Кремле Президента Российской Федерации с высшими офицерами силовых ведомств, шла речь о необходимости сформировать к 2019 г. систему исправительных центров, что позволило бы существенно снизить нагрузку на исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы, а также способствовать декриминализации российского общества.

Несмотря на введение рассматриваемого наказания еще в 2011 г., мы не можем говорить о широком его применении, что свидетельствует о наличии стоп-факторов, которые научное сообщество и эксперты-практики должны проанализировать и предложить решения для их устранения.

С одной стороны, это позволит решить вопрос ресоциализации осужденных, улучшения криминогенной обстановки, так как именно рецидивы совершения преступлений являются значимой проблемой для общественной безопасности. Повторная преступность, как правило, возникает в связи с тем, что лицу, отбывшему наказание в виде лишения свободы, крайне сложно устроиться на работу, у него сформированы устойчивые криминальные связи, что в совокупности предопределяет вектор поведения на совершение противоправных деяний вновь.

С другой стороны, применение труда лиц, отбывающих принудительные работы, способствует восстановлению социальной справедливости и нарушенных прав потерпевшего, так как получение осужденным дохода ведет к регулярному возмещению ущерба, причиненного преступлением. Для государственного бюджета, в свою очередь, происходит существенная экономия. Так, согласно данным ФСИН России на 2018 г., стоимость содержания одного осужденного составляет примерно 57,6 тыс. руб., и в расчете на 350 тыс. человек требует существенных затрат из федерального бюджета (примерно 20 млрд) [3]. В то же время ФСИН России, представляя цифры о содержании одного заключенного, рассматривает непосредственные фактические траты на лицо, стоимость же всей деятельности ФСИН России в 2022 г., согласно приложению 11 к федеральному закону «О федеральном

бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», составила 312 234 663,0 тыс. руб.

Наконец, предприниматели, которые примут на работу лиц, отбывающих принудительные работы, получают мотивированную рабочую силу, представляющую здоровую конкуренцию трудовым резервам из числа трудовых мигрантов по рабочим специальностям.

Обратимся к истории появления в отечественном законодательстве наказания в виде принудительных работ. Вопрос правовой природы самого понятия и целей уголовного наказания различно представлен учеными.

До принятия УК РФ 1996 г. отечественной доктриной наказание как такое имело следующие определения:

1. Процесс претерпевания негативных последствий (лишений или страданий), причиняемый на основе судебного приговора виновному в совершении преступления [4].

2. Юридическая оценка государством деяния индивида, формализованная в акте осуждения за совершение преступления [5, с. 92].

3. Мера уголовно-правового воздействия на лицо, признанное виновным в совершении преступления [6, с. 196–200].

4. Кара (воздаяние, возмездие) за содеянное [7, с. 358].

5. Форма и способ реализации уголовной ответственности [8, с. 26–30].

Теоретические обоснования применения наказания подвергались существенным изменениям на протяжении истории. М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» точно замечает в промежутке между XVIII и XIX в. отход от формы представления о наказании как о кровавом возмездии в сторону неотвратимого закрытого исправления [9, с. 12–15].

После ухода функции наказания в виде устрашения на первый план выходят цели наказания. В отечественной правовой системе они нашли отражение в ст. 43 УК РФ, которая выделяет восстановление социальной справедливости, исправление и превенцию. Часть 1 ст. 1 УИК РФ устанавливает, что уголовно-исполнительное законодательство в качестве цели выделяет исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Сложно в полной мере наложить заявленные цели разве что на смертную казнь, что касается остальных наказаний, то даже применительно к пожизненному лишению свободы Конституционный Суд Российской Федерации в 2017 г. прямо указал на наличие обязательности обеспечения достижения всех целей наказания, в том числе исправления осужденного. Постановление данного суда примечательно магистральной линией разграничения частных и публичных интересов – интересов применения наказания и интересов исправления осужденных, учет этих интересов – обязанность федерального законодателя [10].

Можно предположить, что изоляция от общества в местах лишения свободы не всегда выполняет эти функции в должной мере, также представляется дискуссионной возможность без постепенной социализации взаимодействия лиц, которые длительное время находились в местах лишения свободы, приобрели устойчивые связи с преступным миром, во многом прервали со-

циальные связи в рамках обычного уклада жизни. Когда мы говорим о том, что необходимо активнее развивать применение меры наказания в виде принудительных работ, то сталкиваемся с нежеланием многих членов социума, чтобы осужденные жили рядом с ними. При этом они не задумываются, что после отбытия наказания в виде лишения свободы осужденные зачастую без возможности трудоустроиться, иногда без профессии все равно будут жить рядом с ними. Статистика рецидивов преступлений свидетельствует о том, что проблема социализации осужденных, обеспечение их работой, позволяющей отказаться от противоправного поведения, является основополагающей для снижения уровня преступности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. 39 % осужденных имели неснятую или непогашенную судимость, в 2020 г. – 40 %, 2019 г. – 38 %, 2018 г. – 36 % [11–14].

Именно поэтому вопрос, касающийся применения наказания, не связанного с лишением свободы, обсуждается уже значительное время и находит свое отражение в изменениях законодательства.

Впервые вопрос о необходимости применения наказаний, не связанных с лишением свободы, на международном уровне был поставлен на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности (1985 г.). Отмечались не только негативные последствия применения лишения свободы на определенный срок, но и предлагались альтернативные наказания: штраф, принудительные работы, условное осуждение. На применение альтернативных мер наказания ориентируют принятые в 1990 г. «Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)», которые предусматривают, что «в целях обеспечения большей гибкости в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, от досудебных до послесудебных мер [15].

Вопросы применения наказаний, не связанных с лишением свободы (в том числе принудительных работ), обсуждались президиумом Госсовета Российской Федерации, отражались в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2009–2011 гг.

Еще при разработке Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в 2010 г. Правительство Российской Федерации рассматривало расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, как фактор повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания.

Как неоднократно отмечалось в отечественной пенитенциарной науке, принудительные работы как юридическая конструкция несут в себе потенциал по значительному изменению облика современной уголовно-исполнительной системы России, эффективному обеспечению достижения целей исправления осужденного и предупреждения совершения им новых престу-

плений, изменения расстановку сил на рынке труда, процессов миграции и кадрового голода [15].

Как уже отмечалось, публичный интерес использования труда заключенных определяется целым рядом достигаемых целей: сокращение бюджетных расходов, затрачиваемых на содержание осужденных, возможности для развития экономики, улучшение криминогенной обстановки.

Определенный опыт использования труда осужденных имелся в период СССР. Наиболее близким к принудительным работам является институт условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, введенный указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.06.1970. Специфика государственной политики СССР того периода также выражалась в попытке отойти от практики назначения наказания преимущественно в виде лишения свободы в сторону экономически обоснованного привлечения осужденных к работе на государственных стройках и крупнейших предприятиях [16]. Профессор А. И. Зубков приводит данные о том, что в 1977–1989 гг. на работы было направлено более 3 млн условно осужденных, параллельно с этим отмечалось снижение рецидивной преступности более чем в три раза [17, с. 290–291].

Изложенное выше предопределяет необходимость более широкого применения принудительных работ для целей предупреждения рецидивов преступлений. Важно применение принудительных работ не только при вынесении приговора, но и в качестве замены наказания в виде лишения свободы, как поэтапная социализация граждан, приучение их к труду, получение профессии, создание здоровых социальных связей с такими же работающими гражданами, формирование вектора добросовестного поведения. Необходимо отметить преимущество данного вида наказания в реализации задачи приучения к добросовестному труду лица, совершившего преступление. Оно, с одной стороны, происходит в условиях, которые не сильно отличаются от обычной жизни в связи с проживанием этих лиц не на территории колонии, как это происходит в случае привлечения к труду заключенных, получением ими заработной платы, с другой – очерчивает границы, не позволяющие злоупотреблять данным видом наказания, чтобы не оказаться в местах лишения свободы.

Применение принудительных работ в качестве альтернативы лишению свободы предполагает не только очевидные выгоды для общества и государства, но и удовлетворяет частные потребности самого осужденного, потерпевшего от преступления за счет регулярных отчислений из дохода осужденного в счет возмещения причиненного преступлением ущерба. Одновременно происходит удовлетворение интересов бизнеса, который получает гарантированное количество мотивированных сотрудников рабочих специальностей. Хотя необходимо отдельно отметить, что законодательство не предполагает ограничение по специальностям, к которым могут привлекаться лица, отбывающие принудительные работы.

Одновременно с пользой для частных и публичных интересов приходится констатировать отсутствие активного применения наказания в виде принуди-

тельных работ. Даже на стадии вступления Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятого по инициативе Президента Российской Федерации, были выявлены препятствия, связанные с отсутствием возможностей пенитенциарной системы их обеспечить. Так, дважды изменялся срок вступления в силу положений УК РФ и УИК РФ в части введения наказания в виде принудительных работ. В результате их введение было отложено до 1 января 2017 г.

Важно, что была отмечена необходимость выделения дополнительных бюджетных ассигнований для применения на практике рассматриваемого вида наказания. Средства были направлены в первую очередь на создание исправительных центров, которые и занимаются вопросами привлечения к труду осужденных, отбывающих принудительные работы. Затраты на строительство общежитий для проживания лиц, отбывающих принудительные работы, предполагается возложить на бизнес, заинтересованный в рабочей силе. Практика показывает динамику роста назначения такого вида наказания с момента вступления в силу изменений закона. Так, с 2017 г. мы видим следующую динамику: приговором суда в 2017 г. к принудительным работам были осуждены 523 чел. [18, с. 400], в 2021 г. уже 1197 чел. [11], всего к принудительным работам были осуждено 5103 чел., наибольшее число осуждений к принудительным работам пришлось на 2019 г. [13] В уголовно-исполнительной системе России на 1 сентября 2022 г. содержится 12 285 осужденных к принудительным работам [19].

В процессе внедрения в практику новой меры наказания стало очевидным, что необходимо активное вовлечение бизнеса в этот процесс, который будет обеспечивать рабочие места, инвестировать средства в общежития для проживания осужденных. Бизнес, несмотря на привлекательность привлечения труда лиц, осужденных к принудительным работам, не проявляет большой активности. Интервьюирование показало, что это обусловлено двумя факторами:

1) отсутствием информированности о всем процессе реализации взаимодействия с ФСИН России для привлечения к труду лиц, отбывающих принудительные работы;

2) негативным отношением бизнеса в связи со смешением понятий труда заключенных и лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ.

На данный момент отсутствуют законодательные меры, стимулирующие предпринимательское сообщество к активному участию в государственно-частном партнерстве в сфере привлечения к труду лиц, осужденных к принудительным работам. В научном сообществе выработана обоснованная позиция, согласно которой на продукцию, производимую с привлечением осужденных, следовало бы распространить льготы, предоставляемые учреждениям уголовно-исполнительной системы [20], в частности:

1) в соответствии с п. 1 ст. 381 НК РФ организации и учреждения уголовно-исполнительной системы освобождаются от налога на имущество в от-

ношении имущества, используемого для осуществления возложенных на них функций;

2) в соответствии с п. 1 ст. 395 НК РФ организации и учреждения уголовно-исполнительной системы освобождаются от земельного налога в отношении земельных участков, используемых для осуществления возложенных на них функций;

3) в соответствии со ст. 28 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в случае заключения по результатам применения конкурентных способов контракта с участником закупки, являющимся учреждением или предприятием уголовно-исполнительной системы, цена контракта, цена каждой единицы товара, работы, услуги (перечень которых установлен Правительством Российской Федерации) увеличивается на 15 % от цены контракта, предложенной таким участником закупки.

В письме от 24.06.2021 № 03-00-03/50104 Минфин России отмечает, что все наработки ФСИН России в сфере предоставления налоговых и иных льгот для субъектов предпринимательской деятельности, использующих труд осужденных, не встретили энтузиазма ни в регионах, ни в заинтересованных ведомствах, ни даже в Министерстве юстиции, в связи с чем Минфин России указывает, что сейчас такие льготы может предоставить конкретный субъект Федерации.

В то же время отсутствие стимулирования сферы социализации осужденных через создание вакантных мест в исправительных центрах и изолированных участках, функционирующих в качестве исправительных центров, негативно сказывается на криминогенной обстановке. Отсутствие возможности применения наказания в виде принудительных работ не способствует исправлению осужденных, которым возможность замены наказания в виде лишения свободы на принудительные работы была расширена в связи со вступлением в силу Федерального закон от 28.06.2022 № 200-ФЗ «О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым введена ч. 3.2 ст. 79 УК РФ, устранившая ситуацию, в которой лицо, заменившее наказание более мягким, лишалось возможности отсчета срока условно-досрочного освобождения с постановления приговора суда до 28 июня 2022 г. (отсчет срока для условно-досрочного освобождения шел с момента замены наказания более мягким).

Подводя итог, можно сделать однозначный вывод о том, что более широкое применение наказания в виде принудительных работ является крайне важным для удовлетворения потребностей общества, государства, бизнеса, перед которым стоят социальные и общественные задачи, а также частные интересы собственника в эффективном использовании всех ресурсов, включая трудовые, а также частные интересы осужденного, нуждающегося в действенным мерах поддержки на пути исправления, и потерпевшего, справедливо ожидающего возмещения ущерба, причиненного преступлением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куликов В. Председатель ВС РФ потребовал чаще назначать осужденным принудительные работы // Российская газета. 2022. № 8758 (110). URL: <https://rg.ru/2022/05/24/predsdatel-vs-rf-potreboval-chashche-naznachat-osuzhdennym-prinuditelnye-raboty.html> (дата обращения: 20.09.2022).
2. Путин поддержал идею заменить лишение свободы ряду осужденных на принудительные работы. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13573001> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Замглавы ФСИН: содержание одного осужденного обходится примерно в 60 тыс. рублей в год. URL: https://tass.ru/obschestvo/5517116?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.09.2022).
4. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. 296 с.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 2. 393 с.
6. Курс советского уголовного права / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1970. Т. 2. 672 с.
7. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. 560 с.
8. Курс советского уголовного права: наказание. Часть общая : в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чихвадзе. М., 1970. Т. 3. Наказание. 350 с.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. 478 с.
10. По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 24-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 50–60.
11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Официальный портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.05.2022).
12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // Официальный портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.05.2022).
13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год // Официальный портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.05.2022).
14. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год // Официальный портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.05.2022).
15. Зиновьев И. Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 243 с.
16. Садчикова Д. Н. Современные принудительные работы: аналог советских трудовых наказаний или альтернатива лишению свободы? // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1 (21). С. 55–63.
17. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 701 с.
18. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год // Официальный портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.05.2022).

19. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 25.09.2022).
20. Посмаков П. Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: предложения по повышению эффективности (часть 2) // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 4. С. 396–402.

REFERENCES

1. Kulikov V. Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation demanded that convicts be assigned forced labor more often. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2022, no. 8,758 (110). Available at: <https://rg.ru/2022/05/24/predsedatel-vs-rf-potreboval-chashche-naznachat-osuzhdennym-prinuditelnye-raboty.html> (In Russ.). (Accessed September 20, 2022).
2. *Putin podderzhal ideyu zamenit' lishenie svobody ryadu osuzhdennykh na prinuditel'nye raboty* [Putin supported the idea of replacing the imprisonment of a number of convicts with forced labor]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/13573001> (accessed September 20, 2022).
3. *Zamglavy FSIN: sodержanie odnogo osuzhdennogo obkhoditsya primerno v 60 tys. rublei v god* [Deputy Head of the Federal Penitentiary Service: the maintenance of one convict costs about 60 thousand rubles a year]. Available at: https://tass.ru/obschestvo/5517116?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed September 20, 2022).
4. Zubkova V.I. *Ugolovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': teoriya i praktika* [Criminal punishment and its social role: theory and practice]. Moscow, 2002. 296 p.
5. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya: v 2 t. T. 2* [Russian Criminal Law. Lectures. General part. In 2 volumes. Volume 2]. Moscow, 1994. 393 p.
6. *Kurs sovetskogo ugovnogo prava. T. 2* [Course of Soviet criminal law. Volume 2]. Ed. by N.A. Belyaev, M.D. Shargorodskii. Leningrad, 1970. 672 p.
7. Naumov A.V. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsii* [Criminal law. General part. Course of lectures]. Moscow, 1996. 560 p.
8. *Kurs sovetskogo ugovnogo prava: nakazanie. Chast' obshchaya: v 6 t. T. 3. Nakazanie* [Course of Soviet criminal law: punishment. General part: in 6 volumes. Volume 3. Punishment]. Ed. by Piontkovskii A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M. Moscow, 1970. 350 p.
9. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To supervise and punish. Prison establishment]. Moscow, 1999. 478 p.
10. In the case of checking the constitutionality of Paragraph “b” of Part 3 of Article 125 and Part 3 of Article 127 of the Penal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Vologda Regional Court and the complaint of citizens N.V. Koroleva and V.V. Koroleva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 24-P of November 15, 2016. In: *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 2017. No. 1. Pp. 50–60. (In Russ.).
11. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2021. *Ofitsial'nyi portal Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official portal of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed May 21, 2022).
12. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2020. *Ofitsial'nyi portal Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official portal of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed May 21, 2022).
13. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2019. *Ofitsial'nyi portal Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official

- portal of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed May 21, 2022).
14. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2018. *Ofitsial'nyi portal Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official portal of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed May 21, 2022).
15. Zinov'ev I.L. *Ugolovnoe nakazanie v vide prinuditel'nykh rabot: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal punishment in the form of forced labor: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2017. 243 p.
16. Sadchikova D.N. Modern community service: an analogue of soviet labor punishment or an alternative to imprisonment? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences*, 2022, no. 1 (21), pp. 55–63. (In Russ.).
17. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa 19 – nachala 21 veka: ucheb. dlya vuzov* [Penal law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late 19th – early 21st century: textbook for universities]. Ed. by Zubkov A.I. Moscow, 2006. 701 p.
18. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2017. *Ofitsial'nyi portal Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official portal of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed May 21, 2022).
19. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Brief description of the penal system]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed September 25, 2022).
20. Posmakov PN. Attracting convicts to work and developing production activities in the penal system: suggestions for improving efficiency (Part 2). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2020, no. 4, pp. 396–402. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Legal Support of Market Economy of the School of Law of the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Expert Center on Criminal Law Policy and Execution of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization «Business Russia», Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Статья поступила 20.02.2023

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.011

Понятие и значение уголовно-правовой конструкции

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
Чебоксары, Россия, alexeevandrmih@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется одно из наиболее распространенных средств юридической техники в уголовном праве – юридическая конструкция, определяются ее роль и значение в механизме уголовного-правового регулирования, осуществляется ретроспективное изучение эволюции взглядов на нее в дореволюционной и советской юриспруденции. Выявляются два диалектически взаимосвязанных концептуальных подхода к ее пониманию, сложившихся в современной доктрине права, изучаются взгляды на нее в науке уголовного права. Делается вывод о том, что уголовно-правовая конструкция лежит в основе формулирования важнейшей категории уголовного законодательства – состава преступления, а также используется для решения многих специально-охранительных задач.

Ключевые слова: уголовное право; юридическая техника; гносеология уголовного права; юридическая конструкция; уголовно-правовая конструкция.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Алексеев А. М. Понятие и значение уголовно-правовой конструкции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 110–117. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.011.

Original article

Concept and Meaning of the Criminal Law Structure

ANDREI M. ALEKSEEV

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary,
Russia, alexeevandrmih@gmail.com

Abstract. This article considers one of the most common means of legal technology in criminal law – the legal structure, determines its role and significance in the mechanism of criminal law regulation, conducts a retrospective study of the evolution of views on it in pre-revolutionary and Soviet jurisprudence, identifies two mutually dependent and dialectically interrelated conceptual approaches to its understanding that have developed in the modern doctrine of law, discloses criminal law researchers' views on it, and concludes that the criminal law structure underlies the formulation of the most important category of criminal legislation – the

composition of the crime, and is also used to solve many special security tasks.

Keywords: criminal law; legal technique; epistemology of criminal law; legal construction; criminal legal construction.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Alekseev A.M. Concept and meaning of the criminal law structure. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 110–117. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.011.

В современных условиях жизнедеятельность людей отличается многообразием форм, обусловлена социальной реальностью, естественным развитием общественного бытия. Предпосылкой этому служит то, что общество представляет собой сложный, обладающий внутренним единством, динамично развивающийся организм, систему взаимосвязанных, взаимозависимых явлений. Социальная организация общества, деятельность людей в нем могут быть эффективны и результативны только в том случае, если будут упорядочены и урегулированы.

К числу наиболее эффективных средств достижения этого относится право, исходящее от государства и санкционированное им. Государство, учитывая складывающиеся конкретно-исторические общественные отношения на данном этапе эволюции общества, создает правовую систему, позволяющую обеспечить общественный порядок и таким образом с помощью нормативно-правовых предписаний регламентировать различные сферы управления.

В этом важном процессе значительную роль играет юридическая техника, обладающая фундаментальным значением для любой правовой системы и представляющая сегодня ведущую сферу научно-практического поиска в современной российской юриспруденции [1, с. 80]. Она позволяет объединить теорию и практику, повысить эффективность и качество правотворческой и правоприменительной деятельности, исключить нарушения закона, предупредить совершение юридических ошибок. Решить указанные вопросы возможно только при рациональном использовании многочисленных гносеологических правил, приемов и средств, к числу которых относится юридическая конструкция.

Вопрос о юридических конструкциях в теории права, в том числе и уголовного, относится к числу дискуссионных, часто обсуждаемых в научном сообществе. Ученые-юристы высказывают различные точки зрения относительно самого понятия «юридическая конструкция», его признаков, сущностных характеристик, круга решаемых задач, места в правотворчестве и правоприменительной деятельности, праве в целом.

Как отмечается в научной литературе, юридические конструкции вошли в обиход профессиональной юридической деятельности еще в римском праве, получили свое широкое распространение в XII–XIII вв., поэтому их применение связано с особенностями континентального правовосприятия [2, с. 292].

Исследователи XIX столетия (Р. Иеринг, Н. М. Коркунов) концептуально понимали под юридической конструкцией один из способов доктринального

познания и развития права, что обусловило появление так называемого широкого подхода к определению ее сущности.

В первой половине XX в. юридической конструкции не уделялось должного внимания, ей не посвящались отдельные комплексные монографические труды, а имеющиеся знания дореволюционных исследователей были забыты и стали вновь актуальны лишь в 1970-е гг. В указанное время она стала осознаваться в качестве самостоятельной, глубокой темы для научного поиска. В 1972 г. А. Ф. Черданцевым была заложена методологическая основа понимания юридической конструкции как модели, используемой в качестве инструмента познания права и юридической техники, применяемого главным образом в процессе правотворческой деятельности, которая до сих пор является преобладающей [3, с. 12]. По мнению исследователя, в логическом плане конструкции предстают результатом абстрагирования – выделения какой-либо стороны в познаваемом объекте и перевода ее в форму понятия, фиксирующего сложное структурное строение познаваемого объекта. Они делают право стройным, способствуют последовательности и непротиворечивости изложения нормативных предписаний.

Юридическая конструкция являет собой своего рода схему, скелет, на который надевается нормативный материал [3, с. 16]. В своей более поздней работе ученый отмечал, что юридическая конструкция есть идеальная модель, отражающая сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов [4, с. 131]. Каждая конструкция, по его мнению, отражает действительность, создается в результате абстракции, состоит с отражаемым объектом в отношениях соответствия, выступает инструментом отвлечения и выражения внутренней структуры сложного явления, дает информацию об объекте [4, с. 124–125].

Весомый вклад в понимание категории юридической конструкции внес профессор С. С. Алексеев, относивший ее к одному из средств законодательной техники [5, с. 272]. Юридическая конструкция в его трудах описывается как инструмент построения правового материала, при котором он оформляется в виде готовых схем, образцов соответствующих конкретному типу сложившихся отношений, юридических фактов, служащий четкости и определенности правового регулирования [6, с. 145–146].

Таким образом, в советское время сформировалась дуалистическая концепция понимания категории «юридическая конструкция»: с одной стороны, это методолого-познавательный прием, с другой – юридико-технический инструмент, используемый в процессе правотворческой деятельности. Два аспекта рассматриваемого явления не противоречат друг другу, а, напротив, теснейшим образом взаимодействуют между собой.

Обобщив существующие теоретические взгляды на сущность и значение законодательных юридических конструкций, следует выделить их характерные признаки:

1. Они существуют в форме идеальных абстрактных моделей, включающих в себя систему познавательных образов, концентрирующих реально складывающуюся совокупность общественных отношений.

2. Они отражают внутреннюю структуру сложных, но типичных и устойчивых правовых явлений (например, преступления).

3. Элементы (составные части) конструкции состоят во взаимоотношениях, то есть отсутствие одного из элементов приводит к неполноте (возможно, даже разрушению) конструкции.

4. Они создаются в результате логического обобщения и абстрагирования, предстают плодом профессионального юридического мышления.

Представления об общетеоретической юридической конструкции позволяют увидеть ее конкретные проявления в различных отраслях права. Производным от нее является в том числе и понятие «уголовно-правовая конструкция», которой в науке уголовного права всегда уделялось особое внимание.

Так, например, описанию ее сущности посвятил часть своей классической работы П. И. Люблинский [7]. Он определял юридическую конструкцию в качестве приема формулирования нужного решения конкретного правового тезиса путем осуществления логических сопоставлений и обобщений до более общих правовых принципов с последовательным дедуцированием [7, с. 133].

В современной уголовно-правовой науке категории уголовно-правовых конструкций посвящали свои фундаментальные труды В. Н. Кудрявцев [8], Н. Ф. Кузнецова [9], Л. Л. Кругликов [10; 11], А. В. Иванчин [12; 13], К. К. Панько [14; 15], М. П. Пронина [16; 17] и др.

Технико-юридическая конструкция, по мнению академика В. Н. Кудрявцева, является типовым образцом, схемой, моделью, используемой законодателем для формулирования и систематизации правовых норм [8, с. 73]. Ученый пишет о том, что применительно к конструкции состава преступления видно, что она различается по группам признаков, характеризующих тот или иной элемент преступления [8, с. 73].

Л. Л. Кругликов полагает, что уголовно-правовая конструкция – это одно из средств юридической техники, абстракция, отражающая сложное строение соответствующих уголовно-правовых явлений, призванное придавать праву внутреннюю форму и строение; архитектурный элемент правотворчества, делающий право логически завершенным [10, с. 53]. Конструкции в уголовном праве используются для придания соответствующей формы как отдельным нормативным предписаниям, так и целым правовым институтам [18, с. 57].

По мнению А. В. Иванчина, уголовно-правовая конструкция представляет собой средство законодательной техники, оформляющее структурную модель группы однородных правовых явлений, выражающуюся в наполненных юридически значимой информацией комбинации элементов [19, с. 261].

М. П. Пронина считает, что юридическая конструкция – это особый регулятор общественных отношений, ориентированный на искоренение существующих пробелов в области уголовно-правового регулирования в целях предотвращения совершения новых преступлений, путем формулирования новых уголовно-правовых запретов, а также систематизации, унификации и модернизации уголовного законодательства [16, с. 118].

К. К. Панько под юридическими конструкциями понимает комплексы правовых средств, образующие типизированные модели, соответствующие разновидностям общественных отношений [20, с. 19–24].

А. И. Ситникова, рассуждая о юридической конструкции в узком смысле, указывает на ее инструментальный характер, используемый при моделировании нормативного текста [21, с. 183].

Сложность и ответственность в деле создания юридических конструкций кроется в необходимости поиска оптимальной формы отражения чрезвычайно сложной правовой действительности, поскольку ошибки в этом процессе могут повлечь самые неприятные последствия в общественной жизни [22, с. 278]. Недоброкачественные или неуместные конструкции препятствуют поиску наилучшего способа регулирования общественных отношений, влекут «тяжелые, опасные и трагичные последствия» [23, с. 283]. По этой причине исследованию дефектов различных юридических конструкций (в том числе уголовно-правовых), составляющих их элементов и признаков (общественно опасные последствия), должно уделяться сегодня особое внимание.

Применительно к уголовному праву следует сосредоточить свое внимание на отраслевых уголовно-правовых конструкциях. А. В. Иванчин в своем специальном исследовании указал на существование пяти их видов: 1) конструкции преступления; 2) конструкции деяния, совершенного при обстоятельствах, исключающих его преступность; 3) конструкции наказания; 4) конструкции освобождения от уголовной ответственности; 5) конструкции освобождения от наказания [24, с. 19].

Потребность в исследовании категории юридической конструкции в уголовном праве объясняется тем, что она используется при формировании фундаментальной единицы уголовного права, во многом определяющей все его содержание, – состава преступления. Повышение качества юридической деятельности невозможно без соответствующего научного обеспечения процесса конструирования составов преступлений [25, с. 166], представляющих собой классическую уголовно-правовую конструкцию, выражающую обобщенную структурно-системную модель различных преступлений.

Уголовно-правовая конструкция состава преступления позволяет увидеть глубину и внутреннее строение сложных связей между феноменом преступления, человеком и окружающей действительностью. Состав преступления отражает диалектическую природу общественно опасной противоправности и рационализирует деятельность по соотношению совершенного деяния и нормы уголовного закона.

Каждый из обозначенных элементов имеет свои признаки и внутреннюю структуру и обладает статусом самостоятельного предмета для изучения.

Подводя итог, следует сформулировать следующие выводы:

1. Юридическая конструкция представляет собой сложный теоретико-прикладной феномен, рожденный интеллектуальной деятельностью юридического научного сообщества и способствующий рациональному формулированию и применению правовых норм. За последние пятьдесят лет юридическая наука значительно продвинулась в понимании сущности, потен-

циала использования и способов оформления юридических конструкций. Несмотря на это остается неразрешенным значительное количество проблем, связанных с ними, на которые сегодня обращается особое внимание представителей общей теории права и отраслевых юридических наук, в том числе уголовного права.

2. Уголовно-правовые конструкции, являясь отраслевой разновидностью родового понятия юридической конструкции, обладают общими признаками последней, однако направлены на решение иных правовых (охранительных) задач.

3. Уголовно-правовым конструкциям в науке уголовного права стало уделяться внимание лишь в послевоенный период, значительное количество исследований, им посвященных, появилось в постсоциалистическое время, что объясняется в целом повышенным вниманием к проблемам юридической техники.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулханьянов И. А. Правила юридической техники в уголовном праве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 79–84.
2. Юридическая техника : учеб. / под ред. В. М. Баранова. М., 2021. 648 с.
3. Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.
4. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. 189 с.
5. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в двух томах. М., 1982. Т. II. 359 с.
6. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. 401 с.
7. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917. 268 с.
8. Кудрявцев В. Н. Общая квалификация преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 304 с.
9. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. М., 2007. 336 с.
10. Кругликов Л. Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 2. С. 53–60.
11. Кругликов Л. Л. Учение о составе преступления: генезис и современное состояние // Журнал прикладных исследований. 2020. № 4-1. С. 41–51.
12. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.
13. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. 201 с.
14. Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России: теория и законодательная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2006. 429 с.
15. Панько К. К. Юридические конструкции как средство законодательной техники российского уголовного права // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 2. С. 61–70.
16. Пронина М. П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 541 с.
17. Пронина М. П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : моногр. М., 2021. 352 с.

18. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. 336 с.
19. Иванчин А. В. Сущность юридических конструкций (на примере уголовного и иноотраслевого правотворчества) // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 2. С. 258–265.
20. Панько К. К. Юридические конструкции как категории внутренней формы (структуры) уголовного права // Право и политика. 2005. № 3. С. 19–24.
21. Ситникова А. И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве : моногр. М., 2010. 343 с.
22. Лукич Р. Методология права. М., 1981. 304 с.
23. Общая теория государства и права : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2001. Т. 3. 518 с.
24. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.
25. Абдулханьянов И. А. Понятие и признаки юридической фикции в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 2. С. 166–174.

REFERENCES

1. Abdulkhannyanov I. A. Rules of legal technique in criminal law. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russ*, 2021, no. 4, pp. 79–84. (In Russ.).
2. *Yuridicheskaya tekhnika: ucheb.* [Legal technique: textbook]. Ed. by Baranov V.M. Moscow, 2021. 648 p.
3. Cherdantsev A.F. Legal constructions, their role in science and practice. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1972, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.).
4. Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovye fenomeny v prave, yuridicheskoi nauke i praktike* [Logical-linguistic phenomena in law, legal science and practice]. Ekaterinburg, 1993. 189 p.
5. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. Kurs v dvukh tomakh. T. 2.* [General theory of law. The course in two volumes. Volume 2]. Moscow, 1982. 359 p.
6. Alekseev S.S. *Problemy teorii prava: kurs lektzii: v 2 t. T. 2.* [Problems of the theory of law: a course of lectures: in 2 volumes. Volume 2]. Sverdlovsk, 1973. 401 p.
7. Lyublinskii P.I. *Tekhnika, tolkovanie i kazuistika ugovnogo kodeksa* [Technique, interpretation and casuistry of the Criminal Code]. Petrograd, 1917. 268 p.
8. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya kvalifikatsiya prestuplenii* [General qualification of crimes]. Moscow, 2001. 304 p.
9. Kuznetsova N.F. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii: lektzii po spetskursu "Osnovy kvalifikatsii prestuplenii"* [Problems of crime qualification: lectures on the special course "Fundamentals of crime qualification"]. Ed. by Kudryavtsev V.N. Moscow, 2007. 336 p.
10. Kruglikov L.L. Types of legal constructions in criminal law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2013, no. 7, part 2, pp. 53–60. (In Russ.).
11. Kruglikov L.L. The doctrine of the composition of crime: genesis and current state. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, 2020, no. 4-1, pp. 41–51. (In Russ.).
12. Ivanchin A.V. *Kontseptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual foundations of the construction of the corpus delicti: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2015. 462 p.
13. Ivanchin A.V. *Ugolovno-pravovye konstruksii i ikh rol' v postroenii ugovnogo zakonodatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal-legal constructions and their role in the construction of criminal legislation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Yaroslavl, 2003. 201 p.

14. Pan'ko K.K. *Osnovy zakonodatel'noi tekhniki v ugovnom prave Rossii: teoriya i zakonodatel'naya praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Fundamentals of legislative technique in the criminal law of Russia: theory and legislative practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Voronezh, 2006. 429 p.
15. Pan'ko K.K. Legal constructions as a means of legislative technique of Russian criminal law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2013, no. 7, part 2, pp. 61–70. (In Russ.).
16. Pronina M.P. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovnom zakonodatel'stve: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal technique in criminal legislation: theoretical and applied research: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2022. 541 p.
17. Pronina M.P. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovnom zakonodatel'stve: teoretiko-prikladnoe issledovanie: monogr.* [Legal technique in criminal legislation: theoretical and applied research: monograph]. Moscow, 2021. 352 p.
18. Kruglikov L.L., Spiridonova O.E. *Yuridicheskie konstruksii i simvol'y v ugovnom prave* [Legal constructions and symbols in criminal law]. Saint Petersburg, 2005. 336 p.
19. Ivanchin A.V. The essence of legal constructions (on the example of criminal and foreign lawmaking). *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2013, no. 7, part 2, pp. 258–265. (In Russ.).
20. Pan'ko K.K. Legal constructions as categories of internal form (structure) of criminal law. *Pravo i politika = Law and Policy*, 2005, no. 3, pp. 19–24.
21. Sitnikova A.I. *Zakonodatel'naya tekstologiya i ee primenenie v ugovnom prave: monogr.* [Legislative textology and its application in criminal law: monograph]. Moscow, 2010. 343 p.
22. Lukich R. *Metodologiya prava* [Methodology of law]. Moscow, 1981. 304 p.
23. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: v 3 t. T. 3.* [General theory of state and law: in 3 vols.]. Ed. by Marchenko M.N. Moscow, 2001. 518 p.
24. Ivanchin A.V. *Ugovno-pravovye konstruksii i ikh rol' v postroenii ugovnogo zakonodatel'stva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal-legal constructions and their role in the construction of criminal legislation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2003. 24 p.
25. Abdulkhannyanov I.A. The concept and signs of legal fiction in criminal law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 166–174. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, alexeevandrmih@gmail.com	ANDREI M. ALEKSEEV – Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Russia, alexeevandrmih@gmail.com
---	--

Статья поступила 27.09.2022

Научная статья

УДК 343.211

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.012

Отсрочка исполнения приговора в условиях вооруженного конфликта как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания: исторический опыт и социальная целесообразность

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ БОДАЕВСКИЙ

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, bvp70@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2185-5791>

Аннотация. В статье исследуется советский опыт правовой регламентации отсрочки исполнения приговора как специально-воинского вида освобождения от уголовного наказания в условиях вооруженного конфликта. Проведен анализ внесенного в Государственную Думу законопроекта, разработанного парламентом Башкирии, в ходе которого рассмотрены и уточнены основания предоставления осужденным отсрочки исполнения приговора, а также условия освобождения от уголовного наказания. Констатируется, что работа над законодательным закреплением отсрочки исполнения приговора не только будет способствовать соблюдению конституционных прав и обязанностей осужденных, изъявивших желание защищать свое Отечество, но также устранению диссонанса между предписаниями военного законодательства и ст. 59 Конституции Российской Федерации, усовершенствованию как уголовного и военного законодательства России, так и уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного отраслевого законодательства.

Ключевые слова: законодательное закрепление; исторический опыт; отсрочка исполнения приговора; освобождение от уголовного наказания; вооруженный конфликт; осужденный; военный служащий; военные действия; боевые действия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бодаевский В. П. Отсрочка исполнения приговора в условиях вооруженного конфликта как специально-воинский вид освобождения от уголовного наказания: исторический опыт и социальная целесообразность // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 118–127. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.012.

Postponement of Execution of a Sentence in Conditions of Armed Conflict as a Special Military Type of Exemption from Criminal Punishment: Historical Experience and Social Expediency

VIKTOR P. BODAEVSKII

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol,
Russia, bvp70@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2185-5791>

Abstract. The article examines Soviet experience of legal regulation of the postponement of execution of a sentence as a special military type of exemption from criminal punishment in the conditions of armed conflict. It analyzes the draft law submitted to the State Duma, developed by the Bashkiria Parliament, considers the grounds for respite of a sentence, as well as the conditions for their release from criminal punishment were considered and clarified. It is stated that the work on the legislative consolidation of the postponement of the execution of the sentence will not only contribute to the observance of the constitutional rights and obligations of convicts who have expressed a desire to defend their Fatherland, the preservation of military personnel for troops staying in the conditions of hostilities or hostilities (in peacetime) and their replenishment, but also eliminate the existing dissonance between the requirements of military legislation and art. 59 of the Constitution of the Russian Federation, improvement of both the criminal and military legislation of Russia, as well as criminal procedure, criminal executive branch legislation.

Keywords: legislative consolidation; historical experience; postponement of execution of a sentence; exemption from criminal punishment; armed conflict; convicted person; serviceman; military actions; fighting.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Bodaevsky V. P. Postponement of execution of a sentence in conditions of armed conflict as a special military type of release from criminal punishment: historical experience and social expediency // *Ius publicum et privatum: Online scientific and Practical Journal of Private and Public Law*. 2023. No. 1 (21). pp. 118–127. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.012.

Согласно ст. 59 Конституции Российской Федерации долгом и почетной обязанностью каждого гражданина России является защита Отечества. Вместе с тем действующее военное законодательство находится в некотором диссонансе по отношению к указанному конституционному предписанию в части не только запрета призыва на военную службу, но и мобилизации в военное время лиц, осужденных за совершение преступлений. По нашему мнению, устранить данное противоречие позволил бы советский опыт законодательного закрепления такого вида освобождения от уголовного наказания, как отсрочка исполнения приговора с направлением виновных в специальные штрафные воинские части действующих войск.

Впервые штрафные воинские части как вид уголовного наказания были предусмотрены в Декрете ВЦИК «Положение о Революционных Военных трибуналах», подписанном 20.11.1919 председателем ВЦИК М. Калининым [1], а

в контексте освобождения от уголовного наказания – в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, с дублированием в УК РСФСР с 1928 г. [2–4]. Данный вид освобождения от наказания существовал до введения в действие УК РФ 1996 г. и относился, на что обращает внимание Я. Н. Ермолович, к специально-военным уголовно-правовым предписаниям института освобождения от наказания [5, с. 175].

Согласно примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР 1926 г. (в ред. 1928 г.) приговор в отношении военнослужащего в военное время, которому назначена мера социальной защиты в виде лишения свободы без поражения прав, мог быть по определению суда, вынесшего этот приговор, отсрочен исполнителем до окончания военных действий в связи с тем, что осужденный направлялся в действующую армию. В отношении военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками СССР, допускались по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор [6, с. 32]. Кроме того, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27.02.1942 действие примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР распространялось также на работников железнодорожного и водного транспорта призывного возраста, к которым суд считал возможным применить данное примечание. Эти лица, годные к несению военной службы, направлялись в действующую армию, а не годные – на предприятия с использованием по усмотрению руководителей предприятий. В силу специальных указаний постановления Пленума Верховного Суда СССР от 01.08.1942 примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР применялось и к лицам, уклоняющимся в военное время от военного учета.

Приказом НКО, НКЮ, НКВД и Прокурора СССР от 13.03.1942 устанавливался порядок призыва или мобилизации лиц, совершивших преступления, караемые лишением свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах [6, с. 33]. Как разъяснил ранее по этому поводу Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2/3у от 22.01.1942 г., осуждение лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации таких лиц в Красную армию или Военно-морской флот. В этих случаях применительно к ст. 19.2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик (примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик) исполнение приговора приостанавливается судом, вынесшим приговор, до возвращения осужденного из Красной армии и Военно-морского флота [7; 8].

Возникновение отсрочки исполнения приговора, как констатирует В. П. Щупленков, являлось реакцией на нецелесообразность применения к военнослужащим в военный период такого вида уголовного наказания, как лишение свободы, прекращавшего для военнослужащего связь с военной службой. В период Великой Отечественной войны отсрочка исполнения приговора с направлением в действующую армию, по подсчетам ученого, применялась в среднем в 50 % случаев [9, с. 29–39; 10, с. 324]. По утверждению

ученых, исследовавших этот аспект, практически все военнослужащие, проявившие себя стойкими защитниками СССР в период Великой Отечественной войны, освобождались от исполнения приговора. В судебной практике того времени отсутствуют случаи замены указанным военнослужащим наказания, назначенного отсроченным приговором, более мягким наказанием [5, с. 177]. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.12.1941 таким военнослужащим снималась судимость соответствующими постановлениями Военных советов фронтов (отдельных армий) и Военных советов военно-морских флотов по ходатайствам командиров (начальников) частей, кораблей, учреждений с последующим утверждением Президиумом Верховного Совета СССР [11]. Позже, с принятием 26.02.1943 нового подобного указа Президиума Верховного Совета СССР, такие военнослужащие признавались не имеющими судимости.

Вопросы социальной обусловленности существования в военное время отсрочки исполнения приговора, назначаемого военнослужащим и лицам, которые призываются на военную службу, комплексно изучались отечественными учеными (например, Н. В. Васильевым [2], А. В. Морозом [13] и В. М. Чхиквадзе [14, с. 250–251]) и достаточно детально разработаны в современной науке уголовного права. Кроме того, в российских СМИ с конца августа 2022 г. идет оживленное обсуждение подобного законопроекта касательно осужденных лиц, в том числе и гражданских. Так, председатель Государственного Собрания – Курултая Башкирии К. Толкачев по этому поводу отметил, что парламентом Башкирии разработан и внесен в Государственную Думу законопроект (на момент подготовки данной публикации его полный текст на сайтах указанных законодательных органов отсутствовал), согласно которому УК РФ предлагается дополнить ст. 82.2, которая должна предоставить осужденным по решению суда отсрочку от исполнения уголовных наказаний в связи с участием их в боевых действиях по защите Российской Федерации. Проект предполагает освобождать осужденных за участие в боевых действиях от неотбытой части наказания, если участие в боевых действиях продолжалось три месяца и более, а для пожизненно осужденных – один год и более. При этом предлагается засчитывать время участия в боевых действиях в срок лишения свободы из расчета десять дней лишения свободы за один день участия в боевых действиях. В случае причинения вреда здоровью, если это привело к невозможности дальнейшего участия в боевых действиях, вопрос об освобождении от отбывания наказания или о замене оставшейся его части на более мягкое наказание будет решаться судом. Такая отсрочка, по мнению разработчиков законопроекта, должна предоставляться осужденным, которым назначено уголовное наказание прежде всего в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы, хотя не исключается и пожизненное лишение свободы, при условии добровольного согласия указанных лиц. Однако ею не могут воспользоваться граждане практически по тем же основаниям, что указаны в действующей ч. 1 ст. 82 УК РФ, которым назначено наказание в виде ограничения свободы и лишения свободы за преступления против половой неприкосновенности

несовершеннолетних, не достигших 14 лет, лишения свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 205–205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 361 УК РФ, сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления и др. При совершении новых преступлений в период отсрочки к гражданину должна применяться ст. 70 УК РФ [15–17].

Мы поддерживаем предложение авторов данного законопроекта закрепить на законодательном уровне такой вид освобождения от уголовного наказания, как отсрочка исполнения приговора в отношении не только военнослужащих и военнообязанных, но и осужденных, которым назначены уголовные наказания в виде лишения свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы, а также на лиц с назначенными им другими уголовными наказаниями. Вместе с тем, на наш взгляд, данный законопроект имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, смысл его предписаний не позволяет понять, будут ли лица, которым назначены уголовные наказания, в том числе такие, как лишение свободы независимо от назначенного срока и пожизненное лишение свободы, направляться для участия в боевых действиях в отдельные (специальные) воинские подразделения или будут проходить военную службу совместно с другими военнослужащими. Как представляется, последний подход без соответствующих ограничений никаким образом не будет способствовать укреплению воинской дисциплины и, соответственно, боеготовности и боееспособности войск, поскольку существует реальная опасность внедрения криминальной среды в армейский быт, повышается риск попадания в личный состав боевых частей «случайных людей» с низким социальным сознанием, не мотивированных на защиту своего Отечества, что в конечном итоге может подорвать престиж армии, привести к ассоциации в общественном сознании тождественности претерпевания тягот и лишений, свойственных военной службе, с ограничениями и лишениями уголовного наказания. Кроме того, уголовным законодательством не будет выполняться его основная задача, указанная в ст. 2 УК РФ, – предупреждение преступлений. Обычное воинское подразделение не предназначено для осуществления контроля и надзора за осужденными. На наш взгляд, выходом из данной ситуации, как показывает опыт Великой Отечественной войны, могут стать специальные воинские подразделения – штрафные воинские части. Именно они позволили бы совместить контроль и надзор за осужденными в условиях военной службы и ведения боевых действий с предоставлением таким лицам возможности исполнить свой общегражданский долг по защите Отечества и тем самым искупить свою вину. Как представляется, исключением из данного положения, то есть направление осужденных не в штрафные воинские части, а в воинские части «общего прохождения» военной службы, могли бы стать следующие правовые основания: назначение указанным лицам уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы; совершение преступлений впервые, небольшой или средней тяжести; положительная характеристика личности преступника. Несомненно, для законодательного закрепления отсрочки исполнения

приговора необходимо проведение самостоятельного комплексного научного исследования и на его основе внесение соответствующих дополнений и изменений не только в уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, но и военное законодательство.

Во-вторых, сомнительным из тех же соображений представляется предложение авторов законопроекта установить сроки участия в боевых действиях как основания освобождения от уголовного наказания и поставить в один ряд (отождествить) дни лишения свободы с днями участия в боевых действиях. Применение отсрочки наказания за участие в боевых действиях не означает, что личность виновного утратила общественную опасность, которая не исключается сама по себе сроками такого участия. Следовательно, одного только участия в боевых действиях в течение какого-либо периода времени для искупления вины и освобождения от уголовного наказания недостаточно, от осужденного требуется соответствующая активная деятельность [14] – самоотверженная служба в действующих войсках, непосредственное участие в боевой работе (в бою), проявление инициативы, стойкость и отвага в защите Отечества. Как указал по этому поводу В. М. Чхиквадзе, опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что непосредственное участие в бою является определенной школой воспитания людей, в том числе и осужденных [14, с. 250–254]. Иными словами, такая деятельность должна доказывать исправление осужденного, свидетельствовать, что его личность перестала быть общественно опасной и вина заглажена. Мы считаем, что решающую роль в определении отмеченных обстоятельств необходимо отводить военному командованию. Осужденные, не загладившие свою вину, по окончании вооруженного конфликта должны отбывать назначенное им наказание полностью, или же оно может быть заменено более мягким, если вина искуплена частично. При этом замена наказания на более мягкое должна заключаться не в снижении срока лишения свободы или размера иного уголовного наказания, а в реальной замене другим его видом. В связи с изложенным считаем, что в анализируемом законопроекте необоснованно ограничиваются сроки предоставления отсрочки исполнения приговора сроками участия в боевых действиях как оснований освобождения от уголовного наказания. Данную отсрочку необходимо предоставлять на весь период вооруженного конфликта до окончания военных действий, а в мирное время – на весь период боевых действий, о чем прямо необходимо указать в тексте закона.

В-третьих, анализируемый законопроект не указывает каких-либо других данных, кроме изъявления личного желания виновного участвовать в боевых действиях, видов уголовных наказаний, применение которых откладывается, и перечня преступлений, являющихся препятствием к этому, подлежащих учету судом при решении вопроса о возможности применения отсрочки исполнения приговора. С нашей точки зрения, при разрешении указанного вопроса нужно учитывать прежде всего объективные данные, относящиеся к степени и характеру общественной опасности преступления, и данные субъективного характера, например: наличие или отсутствие искреннего раскаяния, желание загладить свою вину не просто участием в боевых действиях, а

активными действиями в бою и т. д. В контексте данного аспекта необходимо отметить, что отсрочку исполнения приговора следует применять не только к основному, но и к дополнительному наказанию (в том числе и к лишению воинского звания, поскольку последствиями его исполнения является увольнение военнослужащего с военной службы). В последнем случае целесообразно было бы включить в закон положение о том, что осужденные военнослужащие и приравненные к ним лица независимо от имеющегося у них воинского звания проходят военную службу в штрафных воинских частях в звании рядового. Кроме того, представляется также необходимым дополнить предусмотренный анализируемым законопроектом перечень преступлений, ограничивающих применение отсрочки приговора, указанием на так называемые изменнические (ст. 275 и 275.1 УК РФ) и экстремистские (ст. 277–279, 280–282.4 УК РФ) преступления.

В-четвертых, из смысла законопроекта следует, что отсрочка исполнения приговора должна распространяться только на отбывающих наказание осужденных. По нашему мнению, она должна применяться как до начала отбывания наказания, так и в его процессе.

В-пятых, законопроект ничего не говорит о возможности снятия судимости с лиц, освобожденных от отбывания уголовного наказания, показавших себя стойкими защитниками Отечества. Мы считаем, что в этом случае освобождение от уголовного наказания одновременно должно предполагать и снятие с лица судимости, что необходимо закрепить в уголовном законе.

Таким образом, подводя итоги данного исследования, мы можем констатировать, что работа над законодательным закреплением отсрочки исполнения приговора будет способствовать не только соблюдению конституционных прав и обязанностей осужденных, изъявивших желание защищать свое Отечество, но также устранению существующего диссонанса между предписаниями военного законодательства и ст. 59 Конституции Российской Федерации, усовершенствованию как уголовного и военного законодательства России, так и уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного отраслевого законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Положение о Революционных Военных трибуналах : декрет ВЦИК от 20.11.1919 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 783–791.
2. О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и положения о военных трибуналах и военной прокуратуре : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.05.1928 // СЗ СССР. 1928. № 34. Ст. 298. С. 98.
3. Об изменении главы девятой, дополнении ст. 28 и изменении примечания 2 к статье 58.6 УК РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 09.01.1928 // СУ РСФСР. 1928. № 12. Ст. 108. С. 101.
4. Об изменении примечаний к статьям 28 и 30 УК РСФСР и об отмене примечания к ст. 59.5 того же кодекса : постановление ВЦИК и СНК // СУ РСФСР. 1928. № 127. Ст. 816. С. 76.

5. Ермолович Я. Н. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих : моногр. М., 2014. 288 с.
6. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР: комментарий / под ред. и с предисл. пред. Верхов. суда СССР И. Т. Голякова. 2-е изд. М., 1944. 340 с.
7. О применении ст. 19.2 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик к осужденным, подлежащим призыву или мобилизации : постановление Пленума Верхов. суда Союза ССР от 26.07.1943 № 14/м/8/у // Сборник действующих постановлений и директивных писем Верховного Суда СССР. М., 1946. С. 106.
8. О применении ст. 19.2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик к военнообязанным, подлежащим призыву или мобилизации : постановление Пленума Верхов. суда СССР от 22.01.1942 № 2/3/у. URL: <https://istmat.org/node/24369> (дата обращения: 25.10.2022).
9. Щупленков В. П. О практике применения мер наказания в военное время // Бюллетень УВС и ВК ВС СССР. 1985. № 1 (121). С. 29–39.
10. Щупленков В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. 359 с.
11. О порядке снятия судимости Военными советами фронтов (отдельных армий) и флотов с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками, и о порядке представления постановлений Военных советов на утверждение Президиума Верховного Совета СССР : постановление Президиума ВС СССР от 15.01.1942 // Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР (1938 – 1/IV 1944 г.). М., 1944. С. 67–68.
12. Васильев Н. В. Применение к военнослужащим отсрочки исполнения приговора в военное время : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1945. 147 с.
13. Мороз А. В. Штрафные части Красной Армии в 1942–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2019. 24 с.
14. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. 452 с.
15. Башкирия возвращает штрафбаты // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5592895> (дата обращения: 25.10.2022).
16. Законопроект об участии осужденных военных и гражданских лиц в боевых действиях. Освобождение от отбывания наказания. URL: <https://snn-mn.ru/2022/10/13/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-%D0%BE%D0%B1-%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B2/> (дата обращения: 25.10.2022).
17. Парламент Башкирии внес в Государственную Думу законопроект о привлечении осужденных к участию в СВО // Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан : офиц. информ. портал. URL: https://gsrb.ru/ru/press-center/news/113853/?sphrase_id=72483 (дата обращения: 25.10.2022).

REFERENCES

1. Regulations on Revolutionary Military Tribunals: Decree of the Central Executive Committee of November 20, 1919. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of legalizations and government orders for 1919. Administration of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow, 1943. Pp. 783–791.
2. On the addition and amendment of the Basic Principles of the criminal Legislation of the USSR and the Union Republics and regulations on military tribunals and military Prosecutor's Office: resolution of the CEC USSR, SNK of the USSR of May 23, 1928. In: *SZ SSSR* [Collection of laws of the USSR]. 1928. No. 34. Art. 298. Pp. 98. (In Russ.).

3. On the amendment of Chapter nine, the addition of Article 28 and the amendment of Note 2 to Article 58.6 of the Criminal Code of the RSFSR: Resolution of the Central Executive Committee, SNK of the RSFSR of January 9, 1928. In: *SU RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1928. No. 12. Art. 108. P. 101. (In Russ.).
4. On the amendment of the notes to Articles 28 and 30 of the Criminal Code of the RSFSR and on the cancellation of the note to Article 59.5 of the same Code: resolution of the Central Executive Committee and the SNK. In: *SU RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1928. No. 127. Art. 816. P. 76. (In Russ.).
5. Ermolovich Ya.N. *Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti voennosluzhashchikh: monogr.* [Differentiation of criminal liability of military personnel: monograph]. Moscow, 2014. 288 p.
6. Trainin A., Men'shagin V., Vyshinskaya Z. *Ugolovnyi kodeks RSFSR: kommentarii* [The Criminal Code of the RSFSR: commentary]. Ed. by Golyakov I.T. Moscow, 1944. 340 p.
7. On the application of Article 19.2 of the Basic Principles of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics to convicts subject to conscription or mobilization: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 14/m/8/u of July 26, 1943. In: *Sbornik deistvuyushchikh postanovlenii i direktivnykh pisem Verkhovnogo Suda SSSR* [Collection of current resolutions and directive letters of the Supreme Court of the USSR]. Moscow, 1946. P. 106. (In Russ.).
8. *O primeneniist. 19.2 Osnovnykh nachal ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i soyuznykh respublik k voennoobyazannym, podlezhashchim prizyvu ili mobilizatsii: postanovlenie Plenuma Verkhov. suda SSSR ot 22.01.1942 № 2/3/u* [On the application of Article 19.2 of the Basic Principles of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics to convicts subject to conscription or mobilization: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 2/3/u of January 22, 1942]. Available at: <https://istmat.org/node/24369> (accessed October 25, 2022).
9. Shchuplenkov V.P. On the practice of applying penalties in wartime. *Byulleten' UVS i VK VS SSSR = Bulletin of the UVS and VK of the USSR Armed Forces*, 1985, no. 1 (121), pp. 29–39. (In Russ.).
10. Shchuplenkov V.P. *Problemy ugolovno-pravovoi bor'by s prestupleniyami protiv oborony SSSR: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of criminal law legal fight against crimes against the defense of the USSR: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1986. 359 p.
11. On the procedure for the removal of criminal records by Military Councils of fronts (individual armies) and fleets from servicemen who distinguished themselves in battles with the German invaders, and on the procedure for submitting resolutions of Military Councils for approval by the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR: resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 15, 1942. In: *Zakony, prinyatyie VS SSSR, i ukazy Prezidiuma VS SSSR (1938 – 1/IV 1944 g.)* [Laws adopted by the Supreme Soviet of the USSR, and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938 – 1/IV 1944)]. Moscow, 1944. Pp. 67–68. (In Russ.).
12. Vasil'ev N.V. *Primenenie k voennosluzhashchim otsrochki ispolneniya prigovora v voennoe vremya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Application to military personnel of deferred execution of sentence in wartime: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1945. 147 p.
13. Moroz A.V. *Shtrafnye chasty Krasnoi Armii v 1942–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Penal units of the Red Army in 1942–1945: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Mytishchi, 2019. 24 p.
14. Chkhikvadze V.M. *Sovetskoe voenno-ugolovnoe pravo* [Soviet military criminal law]. Moscow, 1948. 452 p.
15. Bashkiria returns fines. *Kommersant: sait* [Kommersant: website]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5592895> (In Russ.). (Accessed October 25, 2022).
16. *Zakonoproekt ob uchastii osuzhdennykh voennykh i grazhdanskikh lits v boevykh*

deistviyakh. Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya [Draft law on the participation of convicted military and civilians in hostilities. Release from serving a sentence]. Available at: <https://snn-mn.ru/2022/10/13/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-%D0%BE%D0%B1-%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B2/> (accessed October 25, 2022).

17. The Parliament of Bashkiria has submitted to the State Duma a bill on attracting convicts to participate in ITS. *Gosudarstvennoe Sobranie – Kurultai Respubliki Bashkortostan: ofits. inform. portal* [State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan: official information portal]. Available at: https://gsrb.ru/ru/press-center/news/113853/?sphrase_id=72483 (accessed October 25, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ БОДАЕВСКИЙ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, bvp70@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2185-5791>

VIKTOR P. BODAEVSKII – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, bvp70@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2185-5791>

Статья поступила 31.10.2022

Научная статья

УДК 343.14

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.013

Эффективность отдельных методов осуществления уголовного преследования в отношении контрабанды

ЛАДМИЛА ВАЛЕРЬЕВНА БОРМОТОВА

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия,
ogulada@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6003-2675>

Аннотация. В статье исследованы практические результаты деятельности правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование, выявление и пресечение контрабанды, в 2022 г. Данные сопоставлены с имеющейся проблематикой в теории и правовой неопределенностью в законодательстве. Резюмировано, что мерам уголовного преследования, фактически применяемым на практике и имеющим правовые предпосылки в виде фрагментарного регулирования, должно быть придано достаточное законодательное регулирование как эффективным инструментам выявления и пресечения преступлений в таможенной сфере. В связи с этим предложено расширить сферу применения и более подробного нормативного регулирования гласной части контролируемой поставки как основного эффективного инструмента борьбы в 2022 г. с контрабандой наркотических средств и веществ, их аналогов и прекурсоров. Также предлагается внести соответствующие изменения в ряд статей об оперативных мерах в оперативно-розыскное законодательство, дополнив их такими, как оперативное задержание, засада, блокирование, прочесывание местности.

Ключевые слова: уголовное преследование; досудебное производство; оперативно-розыскные мероприятия; контролируемая поставка; контрабанда наркотических средств; выявление и пресечение преступной деятельности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бормотова Л. В. Эффективность отдельных методов осуществления уголовного преследования в отношении контрабанды // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 128–136. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.013.

Original article

Effectiveness of Certain Methods of Criminal Prosecution in relation to Smuggling

LADMILA V. BORMOTOVA

Orenburg State University, Orenburg, Russia, ogulada@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6003-2675>

Abstract. The article examines practical results of the activities of law enforcement agencies engaged in criminal prosecution, detection and suppression of smuggling in 2022. The data are compared with the existing problems in theory and legal uncertainty in legislation. It is summarized that criminal prosecution measures actually applied in practice and having legal prerequisites in the form of fragmentary regulation should be given sufficient legislative regulation as effective tools for detecting and suppressing crimes in the customs sphere. In this regard, it is proposed to expand the scope of application and more detailed normative regulation of the public part of controlled delivery as the main effective tool for combating smuggling of narcotic drugs and substances, their analogues and precursors in 2022. It is also proposed to make appropriate amendments to a number of articles on law enforcement intelligence in the operational search legislation, supplementing them operational detention, ambush, blocking, combing the area.

Keywords: criminal prosecution; pre-trial proceedings; law enforcement intelligence; controlled delivery; drug smuggling; detection and suppression of criminal activity.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Bormotova L.V. Effectiveness of certain methods of criminal prosecution in relation to smuggling. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 128–136. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.013.

По данным правоохранительных органов, по линии деятельности службы противодействия контрабанде наркотиков за 9 месяцев в 2022 г. в ходе таможенного контроля пресечено незаконное проникновение на территорию Российской Федерации около 20 тонн наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ. В связи с этим возбуждено 270 уголовных дел [1]. Успешное уголовное преследование стало возможным благодаря качественно организованному взаимодействию органов предварительного расследования и оперативных подразделений Федеральной таможенной службы России, в том числе на международном уровне. Однако из 155 организованных контролируемых поставок лишь 124 были завершены результативно, то есть показатель не стопроцентный, хотя эффективность данного метода доказана и проверена временем и имеет закрепление в международных правовых актах. Изначально правовой основой данного мероприятия является Венская Конвенция ООН от 19.12.1988 «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». Данный метод изначально применялся только в отношении наркотических средств, впоследствии его сфера расширялась. Так, в 2000 г. его можно было применять в отношении контрабанды алкогольной продукции и табачных изделий, так как в п. 1 ст. 2 расширился термин «контролируемая поставка», которая обозначает метод, при котором допускается импорт, провоз или экспорт на территорию государств незаконных или вызывающих подозрения партий грузов под надзором компетентных органов в целях дальнейшего расследования преступлений и выявления лиц, участвующих в совершении преступлений.

На сегодняшний день учащаются случаи организации преступной контрабанды сложной маршрутной логистики: из государств Северной Африки

производится преступный ввоз наркотических средств в страны Евросоюза, откуда запрещенные вещества ввозятся уже на территорию стран СНГ, в том числе в Россию. Данная тенденция показывает, что европейские страны используются в качестве транзитной территории для дальнейших поставок наркотиков в Россию. Например, в октябре 2022 г. оперативно-розыскным подразделением таможенной службы совместно с ФСБ России и МВД России была изъята крупная партия наркотических средств в виде гашиша. Указанные наркотики были провезены с территории Латвии в Российскую Федерацию на грузовом автомобиле с использованием фальшпола в качестве сокрытия массой более 740 кг [2].

По-прежнему актуален рост контрабанды наркотических средств из стран Латинской Америки. Порты северо-западного направления остаются основными для ввоза наркотиков на территорию России. Так, в июне 2022 г. таможенными органами было задержано морское судно, приплывшее из Республики Эквадор. На судне было обнаружено 400 кг наркотиков. Этот случай является рекордным для России, так как данная партия оценивается на рекордную сумму в 4 млрд руб.

Еще одним опасным направлением является ввоз синтетических наркотических средств, психотропных веществ из стран Средней Азии [3, с. 180]. Так, в апреле Самарской таможней было выявлено транспортное средство, которое двигалось по маршруту из Киргизской Республики в Казахстан и далее в Российскую Федерацию. В ходе проверки было обнаружено 246 кг психотропных средств [2].

Наиболее активно контролируемая поставка проводится в целях выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с перемещением определенной группы товаров (алкоголь и табачная продукция) [4, с. 139]. Контролируемая поставка в отношении указанных товаров может производиться при наличии следующих условий: решение о поставке импортных и экспортируемых товаров принято руководителем федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в таможенном деле или заместителем руководителя; отсутствуют какие-либо законодательные ограничения для деятельности правоохранительных органов; разработаны и согласованы соответствующие планы взаимодействия с зарубежными правоохранительными органами.

При подготовке данных мероприятий необходимо предусмотреть все меры по нейтрализации контрнаблюдения со стороны преступных лиц, так как контрабандисты, в свою очередь, ведут контроль за прохождением груза. Процедура таможенного оформления должна быть типичной, то есть не быть ни более строгой, ни более мягкой. Необходимо принять все меры по недопущению случайного обнаружения алкогольной или табачной продукции сотрудниками полиции. Так, например, при перевозке контрабандного груза на автомобиле очень высока вероятность того, что автомобиль будет досмотрен сотрудниками ГИБДД, что в данном случае приведет к провалу мероприятия [3, с. 179]. Ведь целью международной и контролируемой поставки является как задержание партии алкоголя и табачной продукции в конечные

точки маршрута преступных лиц, так и полноценный сбор доказательств в отношении всех лиц, причастных к контрабанде. Во время направления груза в конечный пункт необходимо документировать всю деятельность поставщика с помощью видео-, фотофиксации, а также изымать документы, которые свидетельствовали о прохождении населенных пунктов. К данным документам относятся таможенные, гостиничные квитанции, билеты, данные о междугородних телефонных переговорах. Параллельно необходимо осуществлять комплекс оперативных мероприятий в отношении грузоотправителей и грузополучателей. В первом полугодии 2022 г. были произведены 73 контролируемые поставки, в результате которых изъято 3 т наркотиков, 67 единиц оружия, 7325 патронов, 70 кг взрывчатых веществ, а также были задержаны и привлечены к уголовной ответственности члены преступных группировок и иные причастные лица. По всем выявленным фактам было возбуждено 107 уголовных дел и 90 дел об административной ответственности [5].

Таким образом, полагаем, что в гл. 67 «Контролируемая поставка» федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» необходимо внести статьи, которые будут регламентировать все этапы контролируемой поставки с их подробным описанием. Также следует добавить нормативное указание на необходимость согласования плана следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия как эффективную модель планирования уголовного преследования в отношении контрабанды.

Отдельно затронем проблем уголовного преследования других видов контрабанды. Так, в целях выявления и пресечения незаконного ввоза и вывоза алкогольной и табачной продукции была проведена спецоперация «Акциз» в Северо-Западном, Южном, Центральном регионах России. В результате данной операции было возбуждено 15 уголовных дел и 186 дел об административном правонарушении, выявлено 14 фактов контрабандных поставок в страны Западной Европы, а также был перекрыт канал поставок алкогольных изделий в страны Европейского Союза. Данная операция была реализована совместно с таможенными органами Чехии и Германии [2].

Для Российской Федерации всегда была актуальна проблема незаконного экспорта леса [6, с. 133], так как Россия – ведущий регион в данном направлении экономических взаимосвязей. Однако эта же область является наиболее криминогенной для Дальневосточного и Сибирского регионов страны. При этом отметим, что в России до сих пор не существует методики для учета таможенными органами точного объема вывозимого леса [7, с. 62]. При этом органами уголовного преследования активно принимаются меры по противодействию незаконному вывозу леса как важнейшего стратегического ресурса страны. В 2022 г. по фактам экспорта леса на основании оперативных материалов было возбуждено 157 уголовных дел по ст. 226.1 и 194 УК РФ. Данный вид контрабанды характеризуется не только большим объемом незаконно вывозимого леса, но и устойчивостью противоправных мер и слаженностью преступных групп. Так, при взаимодействии оперативно-розыскных подразделений таможенных органов и органов ФСБ России в Дальневосточном ре-

гионе была пресечена деятельность преступной группировки в виде вывоза леса в крупном размере. Предположительный ущерб, который был нанесен противоправной деятельностью, составляет более 1 млрд руб. [5].

Также лидирующую позицию в сфере таможенного дела занимает незаконное перемещение через границу культурных ценностей [8, с. 77]. Основными направлениями такой контрабанды являются Европейский Союз, Китай, США. Рост уровня жизни у жителей азиатской части континента сформировал новый маршрут контрабанды [9, с. 88]. За 2022 г. было возбуждено 21 уголовное дело по ст. 226.1 УК РФ. Наиболее предрасположены к данным преступлениям оказались западные и южные границы Российской Федерации, также таможенные посты аэропортов Внуково, Домодедово, Шереметьево. В большинстве случаев выявлению данного вида контрабанды способствует информация, которая была предоставлена органами внутренних дел, осуществляющими совместное уголовное преследование и взаимодействие. Как правило, после получения информации о совершении данных преступлений таможенные органы приступают к разработке перечня организационных мероприятий, направленных на борьбу с контрабандой культурных ценностей.

Отметим исследования ученых, в которых раскрываются меры по эффективному противодействию вышеназванных форм контрабанды. В трудах А. Ю. Козловского на теоретическом уровне они подразделены на статичные и динамические. Статичные методы предполагают ожидание сотрудниками подозреваемого в контрабанде лица, динамичные – совершение неких действий, направленных на поиск подозреваемого лица [10, с. 49]. Автор отмечает недостаточность действующих мер на уровне как оперативно-розыскного, так и уголовно-процессуального законодательства и предлагает рассматривать возможность расширения мер уголовного преследования за счет отраслевого законодательства, регламентирующего общественную безопасность и правопорядок в целом. К этому нет никаких ограничений и запретов в действующем законодательстве антикриминального цикла, потому согласимся с мнением автора и в продолжение его мысли полагаем возможным рассмотреть вариант законодательного расширения перечня оперативно-розыскных мер с учетом специфики деятельности таможенных органов по осуществлению уголовного преследования. Так, ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо, на наш взгляд, дополнить такими оперативными мерами, как засада, блокирование, прочесывание местности, оперативное задержание. Данные мероприятия должны быть направлены на локализацию и предотвращение преступлений и физический захват подозреваемых лиц. Фактически эти меры производятся и в настоящий момент организации уголовного преследования при взаимодействии нескольких подразделений правоохранительных органов. Полагаем, что прямое включение названных мероприятий в состав оперативно-розыскных мер существенно повысит качество и скорость принятия решений при выявлении и пресечении как контрабанды, так и других преступлений.

К примеру, такое пресекающее действие, как физический захват лица в момент подготовки, покушения или по факту совершения преступного де-

яния, не предусмотрено федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» или УПК РФ. Содержащийся в ст. 91, 92 УПК РФ порядок задержания лица регламентирует процессуальную, а не фактическую сторону. О необходимости разграничения процессуального и внепроцессуального аспектов в задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, ведутся споры теоретиков и практиков достаточно давно. Показательным является количество защит кандидатских и докторских диссертаций на данную или сходную тему: свыше двух тысяч с 2001 по 2022 г. (Данные получены посредством выборки на сайте поиска диссертаций «DisserCat.com».) Но вопрос природы, оснований, условий и порядка задержания как меры государственного принуждения не является объектом исследования данной статьи. Этим отступлением нами преследуется цель демонстрации отсутствия прямого законодательного регулирования важного с точки зрения защиты конституционного права человека и гражданина на законность и обоснованность действий сотрудников правоохранительных органов в момент фактического задержания. В равной степени защиты требует право сотрудника органа, осуществляющего уголовное преследование, располагающего конкретными условиями для задержания, но в отсутствие юридического права, закрепленного в указанных законе и кодексе. В 2022 г. обоснованность и законность применения меры процессуального принуждения в виде задержания становились предметом обсуждения в Верховном Суде Российской Федерации 193 раза (по данным на основе проведенной автором выборки с сайта «sudakt.ru», что свидетельствует о наличии правовой неопределенности в означенном вопросе. Поэтому включение оперативного задержания в качестве оперативно-розыскной меры видится вполне своевременным и необходимым законотворческим действием.

Также следует отметить наличие внепроцессуальных действий, допускаемых законодателем для сотрудников органов, осуществляющих уголовное преследование, как подготовительного этапа следственных действий в преддверии возбуждения уголовного дела и никоим образом не обретших поименования в качестве оперативно-розыскных мероприятий, но активно используемых в практической сфере. Речь в данном случае идет об изъятии предметов, материалов и сообщений, а также прерывании предоставления услуг связи в случае возникновения непредвиденной угрозы жизни и здоровья лица, а также угрозы государственной, военной, экономической или экологической безопасности государства (ч. 1 ст. 15 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Данные действия не указаны в качестве оперативно-розыскных мероприятий как легальные инструменты деятельности оперативных подразделений, в том числе таможенных органов.

Первое мероприятие состоит в ограничении у подозреваемого лица реальной возможности использования предметов, материалов и сообщений. Изъятие проводится также с целью создания благоприятных условий для проведения дальнейших оперативных мероприятий (например, изъятие наркотических средств проводится для дальнейшего сравнительного исследования образцов). Также после изъятия появляется возможность использовать

материалы в уголовном процессе, обеспечив им сохранность. На законодательном уровне данное мероприятие не связано с определенными оперативно-розыскными мероприятиями, а значит, оно может использоваться по каждому из них (например, в сборе образцов для сравнительного исследования, контролируемой поставке, оперативном внедрении, обследовании помещений и зданий). То же относится к другому действию в виде возможности правоохранительных органов прерывания предоставления услуг связи. Это, конечно же, расширяет возможности правоохранительных органов, но вносит неясность для обывателя, что создает почву для обжалования и затягивания производства по уголовным делам. Потому считаем, что вышеназванные действия необходимо продублировать в качестве оперативных мероприятий в ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, полагаем, что мерам уголовного преследования, фактически применяемым на практике и имеющим правовые предпосылки в виде фрагментарного регулирования, должно быть придано достаточное законодательное регулирование как эффективным инструментам выявления и пресечения преступлений в таможенной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 9 месяцев 2022 года // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost/-informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/361590> (дата обращения: 24.12.2022).
2. Информация о ходе выполнения мероприятий, предусмотренных планом Федеральной таможенной службы по противодействию коррупции в таможенных органах Российской Федерации, представительствах таможенной службы Российской Федерации в иностранных государствах и учреждениях, находящихся в ведении ФТС России, на 2022–2024 годы и реализации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korruptzii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/o-xode-realizaczii-mer-po-protivodejstviyu-korruptzii> (дата обращения: 24.12.2022).
3. Русанова Д. Ю. Роль таможенных органов в борьбе с контрабандой // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 41. С. 178–180.
4. Огородова Е. Ю. Контролируемая поставка как инструмент выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с контрабандой алкогольной продукции и (или) табачных изделий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 56. С. 138–140.
5. Обзор судебной практики Федеральной таможенной службы за 2022 год // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/folder/651/doc/> (дата обращения: 24.12.2022).
6. Вавилов С. П. Контрабанда и ее виды в соответствии с законодательством РФ // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 5. С. 133–137.
7. Розанов В. Ю. Проблемы борьбы с контрабандой леса и лесоматериалов на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 52. С. 61–63.
8. Незнамова З. А. Ответственность за контрабанду в современных экономических условиях // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 77–81.

9. Талан М. В. Виды контрабанды // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157, кн. «Гуманитарные науки». С. 83–91.
10. Козловский А. Ю. Возможные направления по осуществлению оперативно-розыскной деятельности по обеспечению экономической безопасности России в сфере таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 1. С. 46–53.

REFERENCES

1. Results of law enforcement activities of the Federal Customs Service units for 9 months of 2022. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba: ofits. sait* [Federal Customs Service: official website]. Available at: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitelnaya-deyatelnost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/361590> (In Russ.). (Accessed December 24, 2022).
2. Information on the implementation of the measures provided for by the plan of the Federal Customs Service to combat corruption in the customs authorities of the Russian Federation, representative offices of the Customs Service of the Russian Federation in foreign countries and institutions under the jurisdiction of the Federal Customs Service of Russia for 2022–2024 and the implementation of the legislation of the Russian Federation on combating corruption. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba: ofits. sait* [Federal Customs Service: official website]. Available at: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korruptzii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/o-xode-realizaczii-mer-po-protivodejstviyu-korruptzii> (In Russ.). (Accessed December 24, 2022).
3. Rusanova D.Yu. The role of customs authorities in the fight against smuggling. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 41, pp. 178–180. (In Russ.).
4. Ogorodova E.Yu. Controlled supply as a tool for detecting, suppressing and disclosing crimes related to the smuggling of alcoholic beverages and (or) tobacco products. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 56, pp. 138–140. (In Russ.).
5. Review of judicial practice of the Federal Customs Service for 2022. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba: ofits. sait* [Federal Customs Service: official website]. Available at: <https://customs.gov.ru/folder/651/doc/> (In Russ.). (Accessed December 24, 2022).
6. Vavilov S.P. Contraband and its types in accordance with the legislation of the Russian Federation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*, 2015, no. 5, pp. 133–137. (In Russ.).
7. Rozanov V.Yu. Problems of combating smuggling of timber and timber products in the Far East. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke = Customs Policy of Russia in the Far East*, 2010, no. 52, pp. 61–63. (In Russ.).
8. Neznamova Z.A. Responsibility for smuggling in modern economic conditions. *Biznes, menedzhment i pravo = Business, Management and Law*, 2015, no. 1, pp. 77–81. (In Russ.).
9. Talan M.V. Types of contraband. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. T. 157, kn. "Gumanitarnye nauki"* [Scientific Notes of Kazan University. Vol. 157, book "Humanities"]. 2015. Pp. 83–91. (In Russ.).
10. Kozlovskii A.Yu. Possible directions for the implementation of operational investigative activities to ensure the economic security of Russia in the field of customs. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*, 2012, no. 1, pp. 46–53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАДМИЛА ВАЛЕРЬЕВНА БОРМОТОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия, ogulada@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4062-2045>

LADMILA V. BORMOTOVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Orenburg State University, Orenburg, Russia, ogulada@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4062-2045>

Статья поступила 23.01.2023

Научная статья

УДК 343.84

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.014

**«Тихая» революция в правовом регулировании замены
неотбытой части наказания более мягким видом
в свете положений постановления
Пленума Верховного Суда Российской Федерации
от 29.10.2021 № 32**

АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНЧИН

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, ivanchin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8859-256X>

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия
art35404@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА ЛОБАЧЕВА

Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия,
lobachevatat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2583-2885>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом в порядке ст. 80 УК РФ в свете положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2021 № 32. В частности, авторы анализируют введенное данным постановлением правило, согласно которому суды должны применять коэффициенты, установленные ч. 1 ст. 71 УК РФ, при переводе неотбытого срока наказания к вновь избранному более мягкому виду наказания. Данное правило полностью изменило порядок применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом, а по факту сделало его для некоторых категорий осужденных просто бессмысленным.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; наказание; неотбытая часть наказания; более мягкое наказание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Иванчин А. В., Валеев А. Т., Лобачева Т. В. «Тихая» революция в правовом регулировании замены неотбытой части наказания более мягким видом в свете положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2021 № 32 // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 137–146. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.014.

Original article

«Quiet» Revolution in the Legal Regulation of the Replacement of the Unserved Part of Punishment with a Milder Form in the Light of Provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 of October 29, 2021

ARTEM V. IVANCHIN

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, ivanchin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8859-256X>

ARTEM T. VALEEV

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia

Vologda Bar Association "Standard", Vologda, Russia

art35404@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

TAT'YANA V. LOBACHEVA

Vologda Bar Association "Standard", Vologda, Russia, lobachevatat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2583-2885>

Abstract. The article deals with problems of applying the institute of replacing the unserved part of the punishment with a milder form in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation in the light of the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 of October 28, 2021. So, the authors analyze the rule introduced by this resolution, according to which courts shall apply the coefficients established by Part 1 of Article 71 of the Criminal Code of the Russian Federation when commuting the unserved sentence to a milder form of penalty. This rule completely changed the procedure for applying the institution of replacing the unserved part of the punishment with a milder form, and in fact made it simply meaningless for some categories of convicts.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; punishment; unserved part of punishment; milder punishment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ivanchin A.V., Valeev A.T., Lobacheva T.V. "Quiet" revolution in the legal regulation of the replacement of the unserved part of punishment with a milder form in the light of provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 of October 29, 2021. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 137–146. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.014.

28 октября 2021 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято постановление № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». В том числе данным постановлением были внесены существенные

изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (в редакции постановлений Пленума от 23.12.2010 № 31, 09.02.2012 № 3, 17.11.2015 № 51).

Полагаем, что данные изменения можно смело назвать революционными, полностью меняющими порядок применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом, а по факту делающими его для некоторых категорий осужденных просто бессмысленным.

В частности, данным постановлением устанавливается, что при определении срока вновь избранного, более мягкого наказания на основании ч. 2 ст. 72 УК РФ должны использоваться положения ч. 1 ст. 71 УК РФ. В качестве примера приводится случай замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы сроком шесть месяцев на более мягкий вид наказания – исправительные работы, срок которых не должен превышать одного года шести месяцев.

В результате внесенных изменений суды при рассмотрении ходатайств о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания должны применять правила пересчета сроков наказаний, установленных ч. 1 ст. 71 УК РФ (должны применять коэффициенты, установленные ч. 1 ст. 71 УК РФ).

При этом в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК РФ суд может избрать любой более мягкий вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанными в ст. 44 УК РФ, в пределах, предусмотренных кодексом для каждого вида наказания, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии с ч. 2.

Последние изменения, внесенные в постановление Пленума от 21.04.2009 № 8, приводят к тому, что максимальный срок лишения свободы или принудительных работ, который может быть заменен в порядке ст. 80 УК РФ более мягким видом, составляет:

- 2 месяца при замене на обязательные работы (с учетом коэффициента, установленного ч. 1 ст. 71 УК РФ, и максимального размера в 480 часов, установленного ч. 2 ст. 49 УК РФ);
- 8 месяцев при замене на исправительные работы (с учетом коэффициента 3, установленного ч. 1 ст. 71 УК РФ, и максимального срока в 2 года, установленного ч. 2 ст. 50 УК РФ);
- 2 года при замене на ограничение свободы (с учетом коэффициента 2, установленного ч. 1 ст. 71 УК РФ, и максимального срока в 4 года, установленного ч. 2 ст. 53 УК РФ).

Принятые Верховным Судом Российской Федерации изменения были направлены на избежание ситуации, возникающей при замене смягченного в порядке ст. 80 УК РФ наказания более строгим видом в порядке ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ.

В подобных ситуациях суд был вправе заменить более мягкий вид наказания, избранный в порядке ст. 80 УК РФ, принудительными работами или лишением свободы, при этом обязан был применить понижающие коэффици-

енты, установленные для пересчета каждого вида наказания по отношению к принудительным работам или лишению свободы, что в свою очередь вело к снижению срока наказания, назначенного по приговору суда.

Поясним свою мысль на примере. Так, если лицу в порядке ст. 80 УК РФ лишение свободы было заменено исправительными работами на срок один год шесть месяцев (из расчета один день исправительных работ к одному дню лишения свободы, как суды и поступали ранее), то в случае, когда осужденный не приступил к его отбытию, суд, применяя положения ч. 4 ст. 50 УК РФ, заменял неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ, то есть на срок, не превышающий шести месяцев. Таким образом, злостное уклонение от обязательных работ приводило к сокращению срока лишения свободы на один год.

Попытка разрешить данную проблему была предпринята еще в 2013 г., когда Конституционным Судом Российской Федерации был рассмотрен запрос Курганского областного суда о проверке конституционности положений ст. 50, 80 УК РФ и ст. 396, 397 УПК РФ в связи с делом В. А. Суворова.

В соответствии с обстоятельствами дела В. А. Суворов был приговорен к 15 годам лишения свободы, в последующем не отбытая им часть наказания в виде лишения свободы была заменена более мягким видом наказания – исправительными работами сроком на два года. В связи со злостным уклонением В. А. Суворова от отбывания исправительных работ в отношении него было направлено представление о замене не отбытого осужденным наказания в виде исправительных работ лишением свободы в соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ, то есть из расчета один день лишения свободы за три дня исправительных работ.

Курганский областной суд посчитал данную ситуацию не соответствующей конституционному принципу равенства перед законом и судом, так как предположил возможность несоразмерного сокращения неотбытой части наказания в виде лишения свободы, назначенного по приговору суда, в связи с чем обратился с соответствующим запросом в Конституционный Суд Российской Федерации, который в определении от 17.01.2013 № 2-О указал, что федеральным законодателем в ст. 80 УК РФ установлено, что лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, после отбытия части наказания, указанной в законе, судом, с учетом поведения указанного лица в период отбывания наказания, неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом.

Такое правовое регулирование, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, обеспечивает реализацию принципа гуманизма, позволяя каждому осужденному за совершение преступления просить о смягчении наказания, назначенного ему приговором суда (ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также служит принципу экономии уголовной репрессии.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что при рассмотрении соответствующего вопроса судам надлежит оценивать пози-

тивные изменения в поведении осужденного, которые свидетельствуют «о возможности смягчения уголовной репрессии до необходимого и достаточного минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания» [1].

Конституционный Суд Российской Федерации также обращает внимание, что положения ст. 80 УК РФ не обуславливают ее применение требованиями к дальнейшему поведению лица, которому смягчено наказание. И, в отличие от условно-досрочного освобождения, нарушение режима отбывания вновь избранного, более мягкого вида наказания не позволяет возобновить исполнение оставшейся неотбытой части наказания, назначенного приговором суда.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, федеральный законодатель ввел регулирование, при котором применение положений ст. 80 УК РФ к положительно характеризующимся осужденным аннулирует неотбытую часть более строгого вида наказания, поэтому впоследствии, даже при нарушениях предусмотренных законом требований к отбыванию нового наказания, допускаемых осужденным, невозможно вернуться к исполнению прежнего вида наказания.

Любое иное понимание положений ст. 80 УК РФ будет противоречить правовой природе института замены наказания более мягким видом и фактически будет означать, что судебное решение, вступившее в законную силу, может быть отменено вопреки его безусловному характеру и при отсутствии предназначенной для его отмены уголовно-процессуальной процедуры.

Данные положения суд подтвердил в определении от 19.12.2019 № 3357-О [2].

Безусловно, что ситуации, на которые в свое время обратил внимание Курганский областной суд, недопустимы.

Многие авторы, посвятившие свои исследования проблемам замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, вносили предложения о внесении изменений в ст. 80 УК РФ и ст. 175 УИК РФ.

Так, например, А. А. Урусов предлагал решить данную ситуацию путем внесения изменений в ст. 80 УК РФ, предусматривающих ответственность за злостное уклонение от отбывания примененного в порядке замены более мягкого наказания, по примеру ч. 7 ст. 79 УК РФ, придав тем самым условный характер ст. 80 УК РФ [3, с. 130].

Аналогичные предложения вносили Т. Г. Черненко, И. В. Масалитина, указывая на целесообразность внесения в ст. 80 УК РФ положения, согласно которому при злостном уклонении от отбывания вновь назначенного наказания необходимо применять правила его замены более строгим видом, предусмотренные ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ [4, с. 129].

К. А. Волков, анализируя возможность увеличения срока наказания, назначенного по приговору суда, при его замене в порядке ст. 80 УК РФ более мягким видом, отмечал, что при применении ст. 80 положения ст. 71 и 72 УК РФ не могут применяться для целей определения срока вновь избираемого наказания, так как «по своим основаниям, содержанию, целям, а также условиям замены имеют не только отличную правовую природу, но и форму

воздействия», в связи с чем предлагал дополнить ч. 3 ст. 80 УК РФ, закрепив на законодательном уровне запрет превышения неотбытой части срока наказания, назначенного по приговору суда, сроком более мягкого вида наказания [5, с. 22].

Ранее Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях отмечал, что по смыслу закона срок более мягкого вида наказания, назначенный в порядке замены, не должен превышать неотбытую часть срока лишения свободы.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в определении суда надзорной инстанции от 16.08.2007 по делу № 49-Дп07-145к изменила решения нижестоящих судов на том основании, что нижестоящие суды, заменяя наказание более мягким видом, фактически увеличили срок, назначенный приговором суда, чем ухудшили положение осужденного, который доказал свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду. При этом судебная коллегия особо отметила, что назначение наказания более неотбытого срока, назначенного по приговору суда, влечет последствия в виде ухудшения правового положения осужденного, что недопустимо [6].

Особого интереса заслуживает позиция Конституционного Суда Российской Федерации по возможности увеличения срока наказания, назначенного по приговору суда, при его замене в порядке ст. 80 УК РФ более мягким видом.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 29.05.2014 № 1186-О по жалобе Э. Р. Дибеева, которому неотбытая часть наказания в виде 7 месяцев 15 дней лишения свободы была заменена на 1 год 10 месяцев 5 дней исправительных работ, указал, что ст. 80 УК РФ устанавливается право суда избрать любой более мягкий вид наказания, указанный в ст. 44 УК РФ, в пределах, предусмотренных уголовным законом для каждого вида. При этом ч. 3 ст. 80 УК РФ не регламентирует вопросы, связанные с порядком определения сроков наказаний, предусмотренных ст. 71 УК РФ, которой установлено, что одному дню лишения свободы соответствуют три дня исправительных работ (п. «в» ч. 1) [7].

Из данного определения можно сделать вывод, что при применении положений ст. 80 УК РФ не могут исполняться положения ст. 71 УК РФ как регламентирующей совершенно иные вопросы, связанные с порядком определения сроков наказаний.

Полагаем, что ситуация, при которой злостное уклонение от отбывания наказания, избранного в порядке ст. 80 УК РФ, могло повлечь снижение срока наказания, назначенного по приговору суда, должна была быть решена путем внесения соответствующих изменений в ст. 49, 50, 53 УК РФ, которые не давали бы применять уменьшающие коэффициенты к лицам, которым более мягкий вид наказания ранее был избран при применении положений ст. 80 УК РФ в порядке замены неотбытой части наказания более мягким видом.

До принятия изменений в постановление Пленума от 21.04.2009 № 8 максимально возможный срок лишения свободы или принудительных работ, ко-

торый мог быть заменен в порядке ст. 80 УК РФ, составлял четыре года при замене на ограничение свободы.

При этом сроки, после фактического отбытия которых осужденные могут обратиться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, практически совпадают со сроками, установленными ст. 79 УК РФ. Исключение составляют только сроки, установленные для лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1–205.5 и 361 УК РФ.

Ранее на практике сложилась ситуация, при которой в суды с ходатайствами о замене неотбытой части наказания более мягкими видами обращались в основном лица, осужденные за статьи, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Лицам, осужденным по другим статьям, «выгоднее» обращаться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении, а не заменой наказания более мягким видом.

При таких обстоятельствах полагаем, что новая редакция постановления Пленума от 21.04.2009 № 8 не просто ухудшает положение осужденных, а практически ставит крест на самом институте замены наказания более мягким видом наказания для осужденных к длительным срокам лишения свободы.

Также обращает на себя внимание тот факт, что коэффициенты, установленные ч. 1 ст. 71 УК РФ, позволяют реализовать принцип справедливости, установленный ст. 6 УК РФ. Вместе с тем полагаем, что при применении положений ст. 80 УК РФ превалирующим должен являться принцип гуманизма, закрепленный в ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации. При применении новой редакции постановления принцип гуманизма не реализуется в полном объеме, так как в судебном заседании при рассмотрении соответствующего ходатайства неотбытая часть наказания фактически заменяется на равноценное наказание.

При таких обстоятельствах институт замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы для осужденных к длительным срокам становится просто бессмысленным.

Также необходимо учесть, что ранее положения ст. 71 распространялись только на случаи частичного или полного сложения наказаний по совокупности преступлений и совокупности приговоров, а также применялись при замене наказания или сложении наказаний, предусмотренных ч. 1 ст. 72 УК РФ, а также при зачете времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу.

При таких обстоятельствах изменения, внесенные в указанное постановление, фактически представляют собой внесение изменений в ч. 1 ст. 71 и ст. 72 УК РФ.

В связи с этим встает вопрос легитимности тех положений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые регламентируют применение

повышающих коэффициентов при применении положений ст. 80 УК РФ. На наш взгляд, Верховный Суд Российской Федерации не вправе подменять собой законодательную власть, фактически внося в уголовный закон изменения, не получившие одобрения со стороны демократически избранного законодательного и представительного органа государственной власти.

Полагаем, что в рассматриваемой ситуации Пленум высшей судебной инстанции страны вышел за рамки предоставленных ему Конституцией Российской Федерации и законами полномочий, совершив тем самым «тихую» революцию. Сложившаяся ситуация опасна не только тем, что институт замены неотбытой части наказания более мягким видом претерпел значительные изменения, которые были бы возможны только путем внесения соответствующих изменений в УК РФ. Гораздо большую опасность таит в себе сам факт превышения полномочий Верховного Суда Российской Федерации в данной ситуации.

Если на внесенные изменения не последует реакции со стороны законодателя, это будет означать возможность и дальнейшего перекраивания уголовного закона вне процедуры, предусмотренной Конституцией Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013 № 2-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-2-o-po/> (дата обращения: 01.02.2023).
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткачева Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 79, частями первой и второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2019 № 3357-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19122019-n-3357-o/> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Урусов А. А. Проблемы уголовно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 122–133.
4. Черненко Т. Г., Масалитина И. В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 122–132.
5. Волков К. А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2016. № 1. С. 14–22.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2007 года по делу № 49-Дп07-145к. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=177834 (дата обращения: 01.02.2023).
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дибеева Эдуарда Равильевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголов-

ного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 1186-О. URL: <https://base.garant.ru/70688320/> (дата обращения: 01.02.2023).

REFERENCES

1. *Po zaprosu Kurganskogo oblastnogo suda o provere konstitutsionnosti polozhenii statei 50, 80 Ugolovno kodeksa Rossiiskoi Federatsii i statei 396, 397 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17.01.2013 No. 2-O* [At the request of the Kurgan Oblast Court to verify the constitutionality of the provisions of articles 50, 80 of the Criminal Code of the Russian Federation and articles 396, 397 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-O of January 17, 2013]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-2-o-po/> (accessed February 1, 2023).
2. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Tkacheva Dmitriya Sergeevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chastyami pervoi i tret'ei stat'i 79, chastyami pervoi i vtoroi stat'i 80 Ugolovno kodeksa Rossiiskoi Federatsii, a takzhe punktom 2 postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii "O sudebnoi praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoi chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya" : opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19.12.2019 No. 3357-O* [On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitrii S. Tkachev on violation of his constitutional rights by parts 1 and 3 of Article 79, parts 1 and 2 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment": Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3357-O of December 19, 2019]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19122019-n-3357-o/> (accessed February 1, 2023).
3. Urusov A.A. Problems of criminal law regulation of replacement of the unserved part of the sentence with a milder type of punishment. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 2 (43), pp. 122–133. (In Russ.).
4. Chernenko T.G., Masalitina I.V. Some problematic issues of replacing criminal penalty by a milder type of punishment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 32, pp. 122–132. (In Russ.).
5. Volkov K.A. Problems of judicial practice when replacing the unserved part of punishment with a milder type of punishment. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 1, pp. 14–22. (In Russ.).
6. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 16 avgusta 2007 goda po delu № 49-Dp07-145k* [Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 16, 2007 in case No. 49-Dp07-145k]. Available at: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=177834 (accessed February 1, 2023).
7. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Dibaeva Eduarda Ravil'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu tret'ei stat'i 80 Ugolovno kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29.05.2014 № 1186-O* [On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Eduard R. Dibaev on violation of his constitutional rights by the part 3 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1186-O of May 29, 2014]. Available at: <https://base.garant.ru/70688320/> (accessed February 1, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНЧИН – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, декан юридического факультета Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, ivanchin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8859-256X>

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, председатель Вологодской коллегии адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия, art35404@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА ЛОБАЧЕВА – адвокат Вологодской коллегии адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия, lobachevatat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2583-2885>

ARTEM V. IVANCHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dean of the Law Faculty of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, ivanchin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8859-256X>

ARTEM T. VALEEV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, Chairman of the Vologda Bar Association “Standard”, Vologda, Russia, art35404@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

TAT'YANA V. LOBACHEVA – Lawyer at the Vologda Bar Association “Standard”, Vologda, Russia, lobachevatat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2583-2885>

Статья поступила 07.12.2022

Научная статья

УДК 343.01

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015

Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2

НАИЛЬ ТАЛГАТОВИЧ ИДРИСОВ

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Аннотация. Статья является продолжением рассуждений автора о механизме уголовно-правового запрета, его уровнях. Обосновывается наличие двух уровней механизма уголовно-правового запрета: индивидуального и публичного. Тезис о реализации уголовно-правового запрета на двух взаимосвязанных уровнях подтверждается рассуждениями о продуктах уголовного права. Представлена структура алгоритма социального доверия и принуждения через призму уголовно-правового запрета.

Ключевые слова: принципы уголовного права; продукты уголовного права; социальное доверие; принуждение; уголовно-правовой запрет; правопорядок; девиация; гражданство; правосудие; веление.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Идрисов Н. Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2 // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 147–153. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015.

Original article

Levels of the Criminal Prohibition Mechanism. Part 2

NAIL' T. IDRISOV

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Abstract. The author develops his ideas about the criminal prohibition mechanism and its levels in the article. The existence of two levels of the criminal prohibition mechanism, such as individual and public, is proved. The thesis about the implementation of criminal prohibition at two interrelated levels is substantiated by the arguments about criminal law products. The structure of the algorithm of social trust and coercion through the prism of criminal law prohibition is presented.

Key words : principles of criminal law; products of criminal law; social trust; coercion; criminal prohibition; law and order; deviation; citizenship; justice; command.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation : Idrisov N.T. Levels of the criminal prohibition mechanism. Part 2. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 147–153. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015.

Такое сложное и многогранное явление, как уголовно-правовой запрет, занимает центральное место в уголовно-правой реальности. На наш взгляд, действие уголовно-правового запрета осуществляется при помощи механизма запрета, то есть специального инструментария, который обладает необходимым эффектом на индивидуальном уровне, обеспеченном психическими процессами и явлениями, индивидуальными свойствами и установками личности.

Однако там, где внутренние психические процессы и явления, состояния и воля лица (И. Я. Казаченко называет эту сторону «внутренней энергией» [1, с. 60]) не способны обеспечить соблюдение важнейших постулатов, обеспечивающих безопасность существования индивида, общества и государства, такое положение становится основанием воздействия на человека со стороны общества. Соответственно, возникает необходимость реализации механизма уголовно-правового запрета на публичном уровне.

На данном уровне механизм уголовно-правового запрета уже не различает внутренние переживания, психические состояния и волю лица на соблюдение или несоблюдение требований (за исключением тех, которые образуют содержание вины, аффекта и вменяемости или невменяемости).

Уголовный закон, в нормах которого легализуются государственно-властные предписания, образующие уголовно-правовые запреты, предполагает публичный уровень механизма их реализации, универсальность которого обеспечивается, прежде всего, принципом равенства в уголовном праве.

Согласно ст. 4 УК РФ лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Законодатель установил равенство субъектов вне зависимости не только от статичных свойств личности (пол, раса, национальность и др.), но и иных, в том числе динамичных свойств индивида (психоэмоциональные состояния, психические процессы и иные субъективные свойства лица).

При этом следует согласиться с Т. В. Кленовой, которая утверждает, что «процесс назначения наказания не находится под воздействием принципа равенства граждан, он подчинен специфическому принципу уголовного права – индивидуализации уголовной ответственности» [2, с. 67].

Иными словами, принцип равенства означает равное уголовно-правовое воздействие на любого гражданина, что и формирует публичный уровень механизма уголовно-правовых запретов.

В случае если субъективное, сигнальное отражение действительности, образующее психику человека, неспособно обеспечить соблюдение уголовно-правового запрета (индивидуальный уровень механизма уголовно-правового запрета), то этот запрет обеспечивается инструментариями публичного уровня, которые закреплены законодательно и соответствуют всей системе принципов уголовного права.

Публичный уровень механизма уголовно-правового запрета состоит в легализации в уголовном законе государственно-властных велений, обеспеченных принудительной государственной силой. При этом предполагается определенное партнерство государства и гражданского общества.

В доктрине уголовного права представлена идея о продуктах уголовного права, качественное соотношение которых определяют модель действия уголовного права. А. Э. Жалинский выделял три основных продукта уголовного права: социальный контроль, социальное доверие и принуждение [3, с. 624]. «Устанавливая систему запретов, уголовное право укрепляет или – в некоторых ситуациях – не укрепляет правопорядок, предписывая выбор типов, видов, форм поведения и существования институтов, альтернативных принятым образцам», – отмечает исследователь [3, с. 626].

На наш взгляд, система уголовно-правовых запретов как важнейшее содержание уголовно-правовой реальности на публичном уровне воспроизводит данные продукты. Действуя от имени и во благо общества, государство устанавливает систему уголовно-правовых запретов, которая на публичном уровне формирует контролируемую упорядоченность социальных связей и индивидуальных типов поведения. Государство должно стремиться к достижению социального консенсуса в перечне запрещаемых актов поведения, устанавливая правила игры в обществе. При этом в случае социального одобрения системы уголовно-правовых запретов общество осуществляет контроль за поведением субъектов и их групп.

С другой стороны, система уголовно-правовых запретов обеспечивает нормальное социальное общежитие. При адекватной реализации государством задач по социальному контролю и управлению в обществе создается и функционирует здоровая система социальных связей, при которой каждый субъект чувствует защищенность своих законных прав и интересов.

Такое состояние межсубъектных связей повышает качество социального взаимодействия, формируя социальное доверие.

А. Б. Купрейченко и И. В. Мерсиянова определяют социальное доверие как психологическое отношение, которое включает «интерес и уважение к объекту или партнеру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним; эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки партнера; расслабленность и безусловную готовность проявлять по отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию» [4, с. 45].

Система уголовно-правовых запретов, безусловно, призвана продуцировать в обществе доверие, обеспечивая, с одной стороны, защищенность прав

и интересов, с другой – создавая предпосылки для полноценного и эффективного социального взаимодействия.

Разумеется, высказанное выше является идеальной картиной социального мира, сюжет которой демонстрирует не просто гражданское общество, а высокоразвитое, духовное, высококультурное объединение идеальных людей.

Общеизвестна имманентность свойства девиации любому социальному конгломерату. Именно поэтому на публичном уровне механизм уголовно-правовых запретов должен содержать государственное принуждение. Следует отметить, что механизм уголовно-правового запрета содержит принуждение и на индивидуальном уровне, однако имеет иной побудительный оператор, основанный на механизмах психики, воли и сознания – самоограничение (самопринуждение).

Е. А. Куманьева отмечает: «принуждение предполагает существование двух субъектов, один из которых выполняет активную роль (принуждает), а другой пассивную (подвергается принуждению), что отражает как объективные, так и субъективные связи, существующие между ними: с объективной стороны принуждение представляет собой внешнее воздействие на принуждаемого, а с субъективной – оно всегда направлено на достижение определенной, заранее известной цели» [5, с. 86].

Механизм уголовно-правовых запретов на публичном уровне предполагает наличие связи между адресатом запрета и государством, которое вправе применить принуждение при условии, что индивидуальный уровень уголовно-правовых запретов не привел к должному результату и подрывается социальное межсубъектное доверие.

Данная связь обосновывается, в первую очередь, категорией гражданства, то есть социально-правовой связью государства и человека. Именно поэтому считаем уместным использование при регламентации принципа равенства в ст. 4 УК РФ термина «гражданин», поскольку данная связь существует только между государством и его подданным.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства такая связь отсутствует, российская государственность не может предъявлять к данным категориям граждан тот же объем требований и обязанностей, как к российским. При этом, на наш взгляд, обязанность иностранных граждан и лиц без гражданства понести неблагоприятные последствия в связи с совершенным уголовно-правовым деянием является составляющей суверенитета государства, его правом на самостоятельную реализацию своих прав и обязанностей, государственной правосубъектностью вне пределов и внутри страны.

Таким образом, принуждение в отношении российских граждан как составляющая действия механизма уголовно-правовых запретов основано на идее гражданства как незримого отношения государства и его подданных, содержанием которого являются корреспондирующие права и обязанности сторон.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (лиц с иными культурно-историческими, религиозными, политическими и иными корнями),

механизм уголовно-правового запрета использует инструментарий суверенитета государства и реализуется на публичном уровне, поскольку формирование индивидуального уровня механизма уголовно-правового запрета подчинялось совершенно иным условиям (психосоциальным, историческим, культурным, религиозным).

Например, в Саудовской Аравии является уголовно наказуемым вождение автомобиля женщиной, в Дубае внебрачная связь наказывается годом тюремного заключения, в Таиланде законом запрещено наступать на деньги, в Гонконге жене по закону разрешено убить мужа, если она обнаружит, что он ей изменяет. Безусловно, индивидуальный уровень механизма уголовно-правовых запретов российского гражданина и иностранца различается.

При этом индивидуальный и публичный уровни механизма уголовно-правового запрета являются взаимодополняющими, взаимозависимыми и работают как механические шестеренки в коробке переключения передач скоростей в автомобиле. Сначала мы используем первую скорость механизма уголовно-правового запрета, в последующем, при необходимости, включаем второй уровень (публичный).

«Первая скорость» механизма уголовно-правовых запретов иностранных граждан и лиц без гражданства имеет иные показатели и свойства, поэтому не способна к гармоничному взаимодействию со «второй скоростью», государство не может гарантировать наличие первого (индивидуального) уровня у таких лиц, поэтому механизм уголовно-правового запрета в отношении данной категории лиц имеет только публичный уровень.

В данном случае государство не должно и не может обеспечивать их равенство при формировании и реализации механизма уголовно-правовых запретов, поскольку политико-правовая связь и необходимый инструментарий отсутствуют. Более того, например, институт экстрадиции предусмотрен только для иностранных граждан и не применим в отношении российских.

А. А. Гусейнова правильно отмечает: «Правосудие, наказывая преступника, исходит из того, что последний в качестве гражданина является соучредителем законов и тем самым дал согласие быть наказанным в случае их нарушения. Принуждение, в том числе физическое, воспринимается в этих случаях как легитимное, справедливое» [6, с. 18–19].

Гражданин (не иностранный гражданин и не лицо без гражданства) с точки зрения политико-правовой связи участвует в формировании законодательной власти, поэтому является косвенным соавтором уголовно-правовых запретов с учетом своего правосознания и иных личностных критериев.

Таким образом, механизм уголовно-правового запрета имеет два уровня. На первом уровне (индивидуальном) он предполагает функционирование личностных установок субъекта, которые являются результатом культурных, исторических, психоэмоциональных свойств личности, формируют его правосознание и не позволяют совершать деяния, запрещенные в обществе. Структура механизма уголовно-правового запрета на данном уровне состоит в следующем алгоритме: личное правосознание – самоограничение (самопринуждение) – законопослушное поведение.

На публичном уровне механизм уголовно-правового запрета, формируясь на принципах уголовного права, обеспечивает достижение задач уголовного права и производит продукт уголовного права – формирует социальный контроль, обеспечивает социальное доверие и при необходимости позволяет государству осуществить легитимное и справедливое принуждение.

Структура механизма уголовно-правового запрета на публичном уровне предусматривает алгоритм: государственное веление – государственное принуждение – законопослушное поведение.

В случае если законопослушное поведение не достигается механизмом индивидуального уровня, то уголовно-правовой запрет функционирует на публичном уровне, предполагая государственное легитимное насилие.

Оба уровня механизма уголовно-правового запрета являются гармоничными, дополняющими и не взаимоисключающими друг друга.

Представляется, что соотнесение индивидуального и публичного уровней механизма уголовно-правовых запретов есть путь к наиболее качественному социальному общежитию, в котором заинтересованы и отдельные индивиды, и общество, и государство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казаченко И. Я. Уголовно-правовая антропология человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 58–69.
2. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2001. 387 с.
3. Жалинский А. Э. Модели уголовного права: социальный контроль, доверие, принуждение // Право и политика. 2012. № 4 (148). С. 624–629.
4. Доверие и недоверие в условиях гражданского общества : моногр. / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М., 2013. 261 с.
5. Куманяева Е. А. Принуждение в уголовном праве // LexRussica (научные труды МГЮА). 2012. № 1. С. 86–91.
6. Гусейнов А. А. Возможно ли моральное обоснование насилия // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19–27.

REFERENCES

1. Kazachenko I.Ya. Criminal-legal anthropology of man. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* = *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2008, no. 2 (5), pp. 58–69. (In Russ.).
2. Klenova T.V. *Osnovy teorii kodifikatsii ugovovno-pravovykh norm: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Samara, 2001. 387 p.
3. Zhalinskii A.E. Models of criminal law: social control, trust, coercion. *Pravo i politika* = *Law and Politics*, 2012, no. 4 (148), pp. 624–629. (In Russ.).
4. *Doverie i nedoverie v usloviyakh grazhdanskogo obshchestva: monogr.* [Trust and distrust in the conditions of civil society: monograph]. Ed. by Kupreichenko A.B., Mersiyanova I.V. Moscow, 2013. 261 p.
5. Kumanyaeva E.A. Coercion in criminal law. *LexRussica* = *Russian Law*, 2012, no. 1, pp. 86–91. (In Russ.).
6. Guseinov A.A. Is moral justification of violence possible? *Voprosy filosofii* = *Philosophical Issues*, 2004, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАИЛЬ ТАЛГАТОВИЧ ИДРИСОВ – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

NAIL' T. IDRISOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Статья поступила 11.08.2022

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.016

Предложения по организации дистанционного надзора в целях пресечения противоправных действий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ИЛЮХИН

Самарский институт ФСИН России, Самара, Россия, i.s.e.1984@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-8729>

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ ДЕНИСЕНКО

Самарский институт ФСИН России, Самара, Россия, suisamara@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0984-4819>

Аннотация. В статье рассматривается дистанционный надзор как средство стимулирования правопослушного поведения лиц, находящихся в местах принудительного содержания, а также пресечения противоправных действий. Анализируются финансовые затраты, связанные с установкой необходимого оборудования. Приведены технические характеристики оборудования, обеспечивающего работу системы видеонаблюдения в учреждениях, исполняющих наказания.

Ключевые слова: дистанционный надзор; оборудование; технические характеристики; безопасный город; противоправные действия; ФСИН России.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Илюхин С. Е., Денисенко О. И. Предложения по организации дистанционного надзора в целях пресечения противоправных действий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 154–160. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.016.

Original article

Proposals on the Organization of Remote Supervision to Prevent Illegal Actions in Correctional Facilities and Pre-Trial Detention Centers

SERGEI E. ILYUKHIN

Samara Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, i.s.e.1984@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-8729>

OLEG I. DENISENKO

Samara Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, suisamara@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0984-4819>

Abstract. The article considers remote supervision as a means of stimulating law-abiding behavior of persons in places of forced detention, as well as suppression of illegal actions. Financial costs associated with necessary equipment installation are analyzed. Technical characteristics of the equipment that ensures operation of the video surveillance system in institutions executing sentences are given.

Keywords: remote supervision; equipment; technical characteristics; safe city; illegal actions; Federal Penitentiary Service of Russia.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ilyukhin S.E., Denisenko O.I. Proposals on the organization of remote supervision to prevent illegal actions in correctional facilities and pre-trial detention centers. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 154–160. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.016.

Инженерно-технические средства охраны и надзора (ИТСОН) нацелены на создание условий для предупреждения и пресечения побегов, других преступлений и нарушений установленного режима содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания, повышения эффективности надзора за ними и получения необходимой информации об их поведении, а также для обеспечения выполнения других служебных задач, возложенных на отделы безопасности, охраны, конвоирования и розыска учреждений и территориальных органов ФСИН России. Одним из средств ИТСОН является дистанционный надзор, который обширно начал внедряться в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 2019 г., о чем в своих работах писали А. П. Скиба и Н. С. Малолеткина [1, с. 70].

В. В. Горовой отмечает, что в ряде территориальных органов ФСИН России уже используются средства дистанционного надзора, выделяет их положительное воздействие на обеспечение, а также стимулирование правоопослушного поведения со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных [2, с. 106].

Р. В. Андриянов, Р. А. Филиппев справедливо отмечают, что технические средства надзора и контроля – это средства, обеспечивающие надежность охраны объектов уголовно-исполнительной системы, изоляцию осужденных и лиц, заключенных под стражу, постоянный надзор за ними, а также выполнение других задач, возложенных на оперативно-служебную деятельность учреждений ФСИН России [3, с. 7].

Анализируя деятельность соответствующих подразделений, можно констатировать, что в настоящее время наметился определенный переход инженерно-технического обеспечения служебной деятельности на качественно новый уровень, соответствующий современным требованиям, закономерностям и тенденциям развития систем обеспечения безопасности, техники и технологий. При этом более активно должны осуществляться поиск, разра-

ботка и апробация новых и перспективных подходов к организационно-тактическому обеспечению надзора, охраны и безопасности, направленные на тактически эффективное и экономически целесообразное построение комплексов ИТСОН и внедрение прогрессивных и экономически выгодных способов охраны.

В качестве одного из таких способов в настоящее время применяется и эффективно функционирует в ряде территориальных органов дистанционный надзор.

На данный момент в науке не сложилась единая точка зрения на предмет того, что понимается под дистанционным надзором в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Так, В. В. Горовой под дистанционным надзором подразумевает комплекс различных мер – организационных, практических, технических, повышающих эффективность контроля и надзора за лицами, содержащимися в местах принудительного содержания, за счет использования технических средств охраны и надзора [2, с. 105]. Согласимся с данной позицией, так как благодаря внедрению дистанционного надзора не только оптимизируется численность сотрудников младшего начальствующего состава учреждений, исполняющих наказания, но и повышается уровень безопасности как всего учреждения, так и конкретных лиц за счет введения непрерывного наблюдения, а также оказывается благоприятное влияние на оперативную обстановку в учреждении посредством предупреждения и пресечения нарушений со стороны подконтрольных лиц.

В этой связи в качестве предложений по организации дистанционного надзора в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в целях пресечения противоправных действий предлагается следующее:

1. При содействии правительства субъекта Российской Федерации необходимо взаимодействие с АПК «Безопасный город», сущность которого заключается в реализации объективного контроля окружающей обстановки. Мониторинг окружающей обстановки посредством изучения реальной обстановки (стабильной и неожиданной), позволяющий анализировать и прогнозировать случаи наступления угроз параллельно со своевременным предупреждением общества о возможных угрозах, является основной задачей данного комплекса.

Например, между руководством УФСИН России по г. Москве и московским правительством достигнута договоренность об оказании содействия в получении средств надзора по программе «Безопасный город». Так, в 2019 г. по данной программе УФСИН России по г. Москве выделено для закупки требуемого оборудования 124 856 376 руб. В настоящее время производится передача закупленного правительством г. Москвы оборудования через территориальное управление Росимущества г. Москвы.

Кроме того, достигнута договоренность о выделении денежных средств в 2020 г., в том числе и на оборудование учреждений дуплексной связью и видеонаблюдением в сумме 247 878 083 руб.

2. Внедрение дистанционного надзора без особых капитальных затрат на примере передового опыта ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Тамбовской области.

В целях повышения надежности надзора объектов, совершенствования охранных систем, оптимизации постов дежурных смен в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Тамбовской области были объединены посты надзора за лицами, содержащимися в местах принудительного содержания, которые были расположены на одном этаже режимного корпуса учреждения. Проведена работа по оборудованию камерных помещений коридора режимного корпуса учреждения, в которых находятся лица, содержащиеся под стражей, антивандальными камерами видеонаблюдения с передачей видеосигнала (изображения) с помощью вайфай-роутера от стационарного регистратора, осуществляющего обработку видеоизображения, на планшетный компьютер. Подразумевается, что сам планшет должен находиться под контролем младшего инспектора дежурной службы, которым будет осуществляться одновременное наблюдение за камерами двух постов. Как правило, на один такой пост приходится не более ста человек. Он располагается на одном этаже режимного корпуса с учетом того, что территория поста должна находиться под постоянным наблюдением младшего инспектора.

Отметим, что по состоянию на 01.01.2021 в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в надзоре за обвиняемыми и осужденными использовались 155 924 стационарных видеокамеры (АППГ – 151 314) [4].

Для внедрения дистанционного надзора на примере ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Тамбовской области необходимо следующее оборудование:

- антивандальная видеокамера с разрешением 960 пикселей (в соответствии с Обзором об обеспечении подразделений безопасности (режима и надзора) техническими средствами надзора в 2020 г. от 17.03.2021 исх. № 03-17060). Данное разрешение гарантирует достаточно точную детализацию кадра, однако важным моментом является именно то, что специфика работы такой камеры заключается в передаче отображения без задержек и потерь, но не более чем до 500 метров. Антивандальной видеокамере свойственен режим «день/ночь». Его суть заключается в передаче цветного изображения днем, а монохромного – ночью. В целях повышения уровня достаточной освещенности, а также в случае ее отсутствия используется инфракрасная подсветка, действие которой распространяется до 20 метров [4, с. 16];

- стационарный регистратор для подключения видеокамер. Место расположения – серверное помещение. Осуществляет обработку видеосигнала (изображения) от камер видеонаблюдения на планшетный компьютер;

- резервированный источник питания. Место расположения – серверное помещение. Основная задача – питание видеокамер, а также иных устройств с напряжением 12В–5А;

- вайфай-роутер. Место расположения – коридор в защитном коробе. Предназначен для объединения регистратора и планшета в одну локальную сеть, то есть передачи видеосигналов изображений от подключенных камер видеонаблюдения к регистратору, на планшетный компьютер;

- видеопланшет. Находится у младшего инспектора дежурной службы, предназначен для дистанционного надзора за лицами, содержащимися под стражей в камерах режимного корпуса. С помощью установленной програм-

мы vMEyeV2, настроенной на основной видеопоток, осуществляется просмотр изображения от камер видеонаблюдения, подключенных к регистратору;

– информационное табло. Место расположения – пост. Служит для оповещения о чрезвычайных ситуациях и вызова младшего инспектора, сотрудника, дежурящего на посту;

– дуплексная связь. Место расположения – камерное помещение, пост. Дуплексное переговорное устройство предназначено для громкоговорящей связи оператора, часового с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Вышеуказанное оборудование в настоящее время применяется в ряде учреждений, и поскольку оно является общедоступным, его необходимо мобильно внедрять в деятельность учреждений, исполняющих наказания, так как положительной стороной является его оптимальная цена. Благодаря использованию данного системного оборудования есть возможность совершать операции с полученными с видеокамер данными в интеллектуальных системах, функционирование которых происходит посредством принятия оптимальных решений по обеспечению безопасности объектов.

Внедрение данного передового опыта экономически выгодно (табл.).

Таблица оборудования для видеонаблюдения

Наименование оборудования	Цена за 1 единицу по состоянию на 2021 г.
Видеокамера Айтек Про AHD-DvpF	2600 руб.
Регистратор J2000-NVR08 V.3	3600 руб.
Блок питания 12В – 1 шт., 5 А	2500 руб.
Вайфай-роутер Xiaomi Mi Router 4 Pro	2300 руб.
Планшет IRBIS TZ718, 1GB, 16GB	4000 руб.
Дуплексная связь COMMAX CM-810M	5000 руб.
Информационное табло	1500 руб.
Структурированные кабельные сети	15 руб. за 1 м.
Всего ~ 21 500 руб.	

Особо подчеркнем необходимость соблюдения правил пожарной безопасности. При переводе объекта на метод дистанционного надзора объект должен быть оборудован автоматической пожарной сигнализацией. Следует помнить о печальном опыте использования ИТСОН. Так, 26.01.1987 в ПКТ и ШИЗО ИТК-5 усиленного режима УВД Куйбышевского облисполкома произошел пожар. Вывод государственной комиссии звучал так: «одной из основных причин, приведших к гибели 32 человек, стала несовершенная конструкция электрозамков, с помощью которых дежурные ШИЗО и ПКТ дистанционно открывали и закрывали камеры. В момент пожара электропроводка системы “Примула” быстро сгорела, а резервного питания она не имела» [5, с. 492].

Таким образом, для эффективного функционирования в местах принудительного содержания технологий дистанционного надзора как способа и средства пресечения противоправных действий на территории режимных учреждений считаем необходимым предусмотреть и организовать более тесное и оперативное взаимодействие специалистов-практиков с научно-педагогиче-

ческими кадрами научно-исследовательских, образовательных учреждений и фирмами-производителями соответствующей аппаратуры.

Помимо этого, необходимо своевременно внедрять в деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы передовой опыт использования ИТСОН посредством взаимодействия разных структурных подразделений по направлениям деятельности. Так, например, стоит уделить внимание реализации опытно-конструкторских, научно-исследовательских работ, лабораторных и полигонных испытаний. При этом процесс подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы должен включать учебно-методические программы, составленные с учетом современных технологий, организации охраны и надзора в местах принудительного содержания. Также необходимо предусмотреть изучение характеристик нового оборудования на практических занятиях.

Применение как используемого на сегодняшний день, так и новейшего оборудования в целях обеспечения безопасности режимных объектов предполагает наличие высококвалифицированных специалистов в отделах информационно-технического обеспечения, непосредственно осуществляющих внедрение и эксплуатационное обслуживание технических средств. В реализации данного направления основные функции должны быть возложены на ведомственные учебные заведения и их профессорско-преподавательский состав.

При этом помимо подготовки дипломированных специалистов с высшим профессиональным образованием ведомственные учебные заведения должны выполнять и более широкие функции многоуровневых учебно-научных центров, одновременно реализуя различные образовательные программы очного, заочного, довузовского и послевузовского образования. Особое внимание в учебных заведениях должно уделяться организации на качественно новом уровне профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов инженерно-технического обеспечения, служб охраны и надзора. Необходимо также отметить, что при организации образовательного процесса в ведомственных вузах, помимо совершенствования и поиска новых форм и методов, преобладающими должны быть практические компоненты учебного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы: предмет и виды субъектов // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38). С. 69–73.
2. Горовой В. В., Горовой В. В. Дистанционный надзор в уголовно-исполнительной системе // Закон и право. 2018. № 9. С. 105–111.
3. Андриянов Р. В., Филиппев Р. А.. Правовое регулирование и практика применения технических средств надзора и контроля в обеспечении режима : учеб. пособие / отв. ред. Р. В. Андриянов. Новокузнецк, 2015. 52 с.
4. Использование систем видеонаблюдения при осуществлении надзора за осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях : учеб.-метод. пособие / отв. ред. А. В. Пискунова. М., 2006. С. 15–35.

5. Ремесло окаянное: очерки по истории уголовно-исполнительной системы Самарской области / лит. ред. В. В. Ерофеев. Самара, 2004. 492 с.

REFERENCES

1. Skiba A.P., Maloletkina N.S. Skiba A. P., Maloletkina N. S. Public control over the activities of the penal system: subject and types of subjects. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 2 (38), pp. 69–73. (In Russ.).
2. Gorovoi V.V., Gorovoi V.V. Remote supervision of the penal system. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2018, no. 9, pp. 105–111. (In Russ.).
3. Andriyanov R.V., Filip'ev R.A. *Pravovoe regulirovanie i praktika primeneniya tekhnicheskikh sredstv nadzora i kontrolya v obespechenii rezhima: ucheb. posobie* [Legal regulation and practice of using technical means of supervision and control in ensuring the regime: teaching guide]. Ed. by Andriyanov R.V. Novokuznetsk, 2015. 52 p.
4. *Ispol'zovanie sistem videonablyudeniya pri osushchestvlenii nadzora za osuzhdennymi, soderzhashchimisya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: ucheb. -metod. posobie* [The use of video surveillance systems in the supervision of convicts held in correctional facilities: teaching guide]. Ed. by Piskunov A.V. Moscow, 2006. Pp. 15–35.
5. *Remeslo okayannoe: ocherki po istorii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Samarskoi oblasti* [Unpopular craft: essays on the history of the penal system of the Samara Oblast]. Ed. by Erofeev V.V. Samara, 2004. 492 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ИЛЮХИН – старший преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, Самара, Россия, i.s.e.1984@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-8729>

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ ДЕНИСЕНКО – старший преподаватель кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Самарского юридического института ФСИН России, Самара, Россия, suisamara@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0984-4819>

SERGEI E. ILYUKHIN – Senior Lecturer at the Department of Management and Security in the Penal System of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, i.s.e.1984@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-8729>

OLEG I. DENISENKO – Senior Lecturer at the Department of Management and Information Technology Support for the Penal System Activities of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, suisamara@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0984-4819>

Статья поступила 07.09.2022

Научная статья

УДК 343.195

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.017

К вопросу об особенностях рассмотрения уголовных дел коллегией присяжных в отношении несовершеннолетних

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ КАПЛУНОВ

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов,
Россия, kap9680@mail.ru

Аннотация. При рассмотрении в суде уголовных дел в отношении несовершеннолетних требуется исследование как предмета доказывания, так и обстоятельств, подлежащих установлению. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон при рассмотрении такой категории дел в суде присяжных не отнес выяснение обстоятельств, указанных в п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, к компетенции коллегии присяжных. Данный вопрос является дискуссионным и в рамках науки уголовного процесса. Особенности и специфика судопроизводства в отношении несовершеннолетних должны обеспечивать таким подсудимым дополнительные гарантии правовой защиты, а равно максимально индивидуальный подход к исследованию совершенного деяния. В рамках статьи на основе положений науки уголовного процесса и правоприменительной практики обсуждается проблема компетенции коллегии присяжных при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: суд присяжных; судебное следствие; государственное обвинение.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Каплунов А. С. К вопросу об особенностях рассмотрения уголовных дел коллегией присяжных в отношении несовершеннолетних // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 161–167. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.017.

Original article

On the Specifics of Jury Trial for Criminal Cases Involving Minors

ALEKSEI S. KAPLUNOV

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, kap9680@mail.ru

Abstract. When considering criminal cases involving minors in court, both the subject of proof and the circumstances to be established should be considered. At the same time, the criminal procedure law, when considering such a category

of cases in a jury trial, does not refer clarification of the circumstances specified in paragraphs 1–3 of Part 1 of Article 421 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation to the competence of the jury. This issue is also debatable within the framework of the science of criminal procedure. The specifics of legal proceedings against minors should provide such defendants with additional guarantees of legal protection, as well as an individual approach to the investigation of the committed act. Within the framework of this article, on the basis of provisions of criminal procedure science and law enforcement practice, the problem of the competence of the jury in consideration of criminal cases involving minors is discussed.

Keywords: jury trial; judicial investigation; state prosecution.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kaplunov A.S. On the specifics of jury trial for criminal cases involving minors. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 161–167. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.017.

Право подсудимого заявить ходатайство о рассмотрении его дела коллегией присяжных выступает в качестве одной из его процессуальных гарантий, предоставляемой на основе дискреционных полномочий федерального законодателя в соответствии со ст. 64 Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова» признал недопустимость рассмотрения судом присяжных дел в отношении несовершеннолетних подсудимых. Однако в постановлении от 22.05.2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» признал возможность рассмотрения судом присяжных уголовных дел в отношении несовершеннолетних подсудимых, совершивших преступления в соучастии с совершеннолетними. Кроме этого, в данном постановлении суд установил, что сведения о личности такого несовершеннолетнего обвиняемого подлежат исследованию с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для доказывания отдельных признаков состава преступления. Дальнейшего законодательного воплощения нормы-идеи Конституционного Суда Российской Федерации не получили.

Непоследовательная позиция суда породила интерес научного сообщества к процессуальным особенностям рассмотрения судами присяжных уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В частности, в доктрине уголовного процесса остается неразрешенной проблема исследования в судебном следствии в суде присяжных обстоятельств, подлежащих установлению при производстве по делам в отношении несовершеннолетних.

В уголовно-процессуальном законодательстве до настоящего времени отсутствуют нормы, относящие установление п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ к компетенции присяжных.

Вопрос об изучении в рамках следствия с участием присяжных обстоятельств, подлежащих установлению при производстве в отношении несовершеннолетних (то есть возраста несовершеннолетнего, числа, месяца и года рождения; условий жизни и воспитания, уровня психического развития и иных особенностей его личности; влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц) высшими судебными инстанциями, в доктрине уголовно-процессуального права урегулирован не был, но находил свое отражение в работах исследователей-правоведов.

Е. В. Носкова и Д. В. Кочетков отмечают, что в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве должно сохраниться право несовершеннолетних подсудимых на суд присяжных. Вместе с тем отсутствие дифференциации применения суда присяжных для несовершеннолетних создает базу для реформирования действующего законодательства, а следовательно, для проведения научных изысканий [1].

Иной позиции придерживаются В. В. Николюк и Т. А. Владыкина, которые полагают, что специфика доказывания виновности несовершеннолетнего требует детального исследования всех данных о личности такого подсудимого, чем и создается невозможность соблюдения по таким делам положений ч. 8 ст. 335 УПК РФ, что в свою очередь повлечет отмену приговора. Поэтому разрешение уголовного дела в отношении несовершеннолетних подсудимых судом с участием присяжных заседателей носит дискриминационный характер по отношению к совершеннолетним соучастникам [2].

Таким образом, проблема исследования в судебном следствии в суде присяжных обстоятельств, подлежащих установлению, выходит за рамки спора о процессуальном моменте осуществления такового. От результатов научного разрешения данной проблемы зависит доказанность конституционно-правовой гарантии для несовершеннолетних обвиняемых в виде доступа к суду присяжных.

По-прежнему, согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ, запрещено в ходе судебного следствия исследовать обстоятельства, способные вызвать у присяжных предубеждение относительно подсудимого. Но вместе с тем, согласно ст. 421 УПК РФ, при производстве судебного разбирательства в отношении несовершеннолетнего подсудимого устанавливаются обстоятельства, указанные в п. 1–3 ч. 1 данной статьи.

Для того чтобы разрешить вопрос об относимости перечисленных п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ обстоятельств к компетенции присяжных, а следовательно, к необходимости их изучения в рамках судебного следствия, необходимо разрешить вопрос об относимости обстоятельств, подлежащих установлению, к фактической стороне совершенного деяния.

С одной стороны, в силу прямого законодательного установления (ст. 335, 421 УПК РФ) п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ относятся не к данным о личности подсудимого, а к обстоятельствам, подлежащим установлению, то есть, как отмечает Е. В. Брянская, составляют специальный предмет доказывания [3]. Иной концепции придерживается Т. Н. Михайлова, которая отмечает, что законодательная детализация не создает нового предмета доказывания [4].

Примечательна позиция Г. Н. Ветровой, согласно которой возраст, условия жизни и воспитания, влияние старших по возрасту являются лишь конкретизацией обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого [5].

Согласно позиции Л. И. Самитовой, всесторонность и полнота расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетних предполагают неделимость предмета доказывания от обстоятельств, подлежащих установлению [6], и, соответственно, образуют один предмет доказывания.

Отсутствие в доктрине уголовного процесса единства точек зрения по проблеме предмета доказывания по делам в отношении несовершеннолетних транслируется на дифференцированные формы рассмотрения уголовных дел.

Вместе с тем в рамках настоящего исследования представляется обоснованной точка зрения, согласно которой обстоятельства, указанные в п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, не формируют второй предмет доказывания, а конкретизируют ст. 73 УПК РФ, образуя органическое единство. Наличие второго, дополнительного, специального предмета доказывания чрезмерно расширяет круг обстоятельств, устанавливаемых и анализируемых при производстве по уголовному делу.

Таким образом, п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ являются неотъемлемой частью обстоятельств, характеризующих личность подсудимого (п. 3 ч. 1 ст. 73), которые подлежат установлению коллегией присяжных как фактическая составляющая совершенного преступления.

Потребность несовершеннолетних в особой правовой защите государства требует установления дополнительных данных, которые позволят выявить обстоятельства совершенного преступления.

Как указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», особенности и специфика судопроизводства в отношении несовершеннолетних должны обеспечивать таким подсудимым дополнительные гарантии правовой защиты, а равно максимально индивидуальный подход к исследованию совершенного деяния. Изучение указанных обстоятельств способствует вынесению правосудного решения лицом, рассматривающим уголовное дело.

Изложенное выше свидетельствует о том, что обстоятельства, указанные в п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, должны быть изучены с участием присяжных, поскольку не могут быть рассмотрены наукой и практикой в качестве обстоятельств, дискредитирующих подсудимого, а направлены в том числе на установление признаков преступления.

Их изучение позволит сторонам в последующем при составлении вопроса листа ставить частные вопросы, разрешение которых может влиять на степень и характер виновности подсудимого. Также изучение обстоятельств, подлежащих установлению, требуется для понимания фактических обстоятельств совершения преступления.

К примеру, при совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (несовершеннолетний и совершеннолетний) (ч. 4 ст. 111 УК РФ), в рамках судебного следствия потребуются установление обязательных признаков состава преступления (возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; вменяемость, то есть уровень его психического развития и иные особенности его личности).

Установление же в рамках судебного следствия влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц присяжными заседателями в анализируемом примере требуется для установления факта совершения преступления в соучастии (то есть для установления факультативного признака состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ).

Следует учитывать, что обстоятельства, подлежащие установлению, направлены на создание дополнительных гарантий для подсудимых, в том числе могут быть учтены при признании последних заслуживающими снисхождения. Наука уголовного процесса традиционно рассматривает обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, как дополнительные гарантии всесторонности проведенного расследования.

Так, Е. И. Третьякова отмечает, что положения ст. 421 УПК РФ направлены на обеспечение правовой защиты несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства [7]. И. В. Овсянников указывает, что данные обстоятельства не только важны, но и создают дополнительные гарантии обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) [8].

Подводя итог, отметим, что изучение коллегией присяжных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не противоречит нормам и духу уголовного процессуального законодательства, так как они образуют фактическую (а не юридическую) сторону преступного деяния, являющуюся компетенцией коллегии присяжных.

Исследование в судебном следствии в суде присяжных обстоятельств, перечисленных в п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, не может рассматриваться в качестве дискриминации совершеннолетних подсудимых, так как оно по своей природе является элементом предмета доказывания и дополнительной гарантией невынесения в отношении детей незаконного приговора, а не направлено на ущемление прав иных участников процесса.

В том случае если лицо к моменту начала судебного следствия уже достигло возраста 18 лет, полагаем, что обстоятельства, указанные в ст. 421 УПК РФ, также должны изучаться присяжными, поскольку они могут влиять на разрешение вопроса о снисхождении.

Действующим уголовно-процессуальным законом вопросы компетенции по установлению п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ в отношении несовершеннолетних подсудимых при производстве в суде присяжных не установлены. Поэтому

для процессуального закрепления данного механизма ч. 8 ст. 335 УПК РФ необходимо дополнить абз. 2 следующего содержания:

«Обстоятельства, подлежащие установлению в соответствии со п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, исследуются с участием присяжных заседателей».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Носкова Е. В., Кочетков Д. В. О праве несовершеннолетних на рассмотрение дел судом с участием присяжных заседателей // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 72–75.
2. Владыкина Т. А., Николюк В. В. Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ // Право и общество. 2019. № 1 (67). С. 53–60.
3. Брянская Е. В. Вопросы предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3. С. 117–127.
4. Михайлова Т. Н. Особые обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов всерос. конф. Орел, 2015. С. 246–249.
5. Ветрова Г. Н. Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних // Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / [Ветрова Г. Н. и др.] ; под ред. В. М. Савицкого М., 1990. С. 297–304.
6. Самитова Л. И. Процессуальная форма производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 2. С. 221–228.
7. Третьякова Е. И. О предмете доказывания по делам несовершеннолетних // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (4). С. 61–69.
8. Овсянников И. В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 123–127.

REFERENCES

1. Noskova E.V., Kochetkov D.V. On the right of minors to consider cases by a court with the participation of jurors. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 10, pp. 72–75. (In Russ.).
2. Vladykina T.A., Nikolyuk V.V. Prohibition of jury trials of criminal cases on crimes committed by persons under the age of eighteen years: a system-legal analysis. *Pravo i obshchestvo = Law and Society*, 2019, no. 1 (67), pp. 53–60. (In Russ.).
3. Bryanskaya E.V. Questions of the subject of proof in criminal cases involving minors. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3, pp. 117–127. (In Russ.).
4. Mikhailova T.N. Special circumstances included in the subject of evidence in criminal cases against minors. In: *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya: sb. materialov vseros. konf.* [Modern criminal procedure law of Russia – lessons of history and problems of further reform: proceedings of the All-Russian conference]. Orel, 2015. Pp. 246–249. (In Russ.).
5. Vetrova G.N. Proceedings on juvenile crimes. In: Savitskii V.M. (Ed.) *Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo Soyuza SSR i RSFR. Teoreticheskaya model'* [Criminal

procedural legislation of the USSR and the RSFSR. Theoretical model]. Moscow, 1990. Pp. 297–304. (In Russ.).

6. Samitova L.I. Procedural form of criminal proceedings against minors. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*, 2009, no. 2, pp. 221–228. (In Russ.).

7. Tret'yakova E.I. On the subject of evidence in juvenile cases. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2017, no. 4 (4), pp. 61–69. (In Russ.).

8. Ovsyannikov I.V. Problems of criminal proceedings against minors. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3, pp. 123–127. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ КАПЛУНОВ – аспирант кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия, kap9680@mail.ru

ALEKSEI S. KAPLUNOV – Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, kap9680@mail.ru

Статья поступила 18.09.2022

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.018

К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции

РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ КОМБАРОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России. Отмечается, что на сегодняшний день законодательной регламентации организации воспитательной работы в отношении осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, нет. Уголовно-исполнительные инспекции в своей работе вынужденно ориентируются на аналогии в праве, касающиеся организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. В связи с чем необходимо внесение соответствующих дополнений в полномочия и обязанности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в рамках организации воспитательной работы. Следует закрепить на законодательном уровне понятие воспитательной работы с осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, а также ее цели и задачи, перечень форм, методов и направлений. Рассматриваются и другие проблемы воспитательной работы с указанной категорией осужденных, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: осужденный; уголовно-исполнительная инспекция; воспитательная работа; уголовное наказание; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; ограничение свободы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Комбаров Р. В. К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 168–177. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.018.

Original article

On the Issue of Conducting Educational Work with Convicts Registered with Criminal Executive Inspections

ROMAN V. KOMBAROV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

© Комбаров Р. В., 2023

Abstract. The article deals with topical issues of educational work with convicts registered criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia. It is noted that to date, there is no legislative regulation of the organization of educational work in relation to those sentenced to punishments alternative to imprisonment. Criminal executive inspections in their work are forced to focus on analogies in law concerning the organization of educational work with those sentenced to imprisonment. In this connection, it is necessary to make appropriate additions to the powers and duties of employees of criminal executive inspections within the framework of the organization of educational work. It is necessary to consolidate at the legislative level the concept of educational work with those sentenced to criminal penalties not related to deprivation of liberty, as well as its goals and objectives, a list of forms, methods and directions. Other problems of educational work with the specified category of convicts are also considered, ways of their solution are proposed.

Key words: convict; criminal executive inspection; educational work; criminal punishment; deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities; correctional labor; restriction of freedom.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kombarov R.V. On the issue of conducting educational work with convicts registered with criminal executive inspections. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 168–177. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.018.

В настоящее время уровень реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в России отвечает международным тенденциям в этой области. Основная из них – сокращение уголовной репрессии посредством снижения объема назначения наказания в виде лишения свободы за счет расширения сферы применения альтернативных наказаний.

На сегодняшний день более 72 % судебных решений по уголовным делам связаны с назначением альтернативных уголовных наказаний. Большую часть из них исполняют уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России. Отмечается также значительный рост назначения некоторых видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества [1, с. 6–7]. В связи с этим воспитательная работа с лицами, осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, ее организация, планирование и проведение приобретают все большую актуальность в современных условиях деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Согласно ст. 9 УИК РФ, воспитательная работа служит одним из основных средств исправления осужденных. В целом она представляет собой систему мер воспитания осужденных, которые основаны на общих педагогических принципах и имеют четкое научно-педагогическое обоснование. Комплекс этих мер призван обеспечивать исправление осужденных как конечную цель исполнения уголовного наказания и способствовать формированию их законопослушного поведения [2].

В отличие от воспитательной работы, осуществляемой в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, особенностям воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в УИК РФ посвя-

щена гл. 15. Нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие воспитание осужденных, распространяются только на осужденных к лишению свободы. Эти лица содержатся в закрытых исправительных учреждениях, в которых предусмотрены воспитательные службы. На сегодня законодательной регламентации организации воспитательной работы в отношении лиц, осужденных к альтернативным лишению свободы наказаниям, нет.

Согласно уголовно-исполнительного законодательству воспитательная работа должна проводиться в отношении осужденных к таким уголовным наказаниям, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 33 УИК РФ), исправительные работы (ч. 3 ст. 39 УИК РФ) и ограничение свободы (ч. 6 ст. 47.1 УИК РФ, ч. 1 ст. 54 УИК РФ). В Положении об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативе их штатной численности, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729, дублируется обязанность по организации и проведению воспитательной работы в отношении осужденных к данным видам уголовных наказаний. Законодатель, указывая на обязательность проведения воспитательной работы, не конкретизирует, каким образом она должна осуществляться, в каких формах и с применением каких методов.

Пункт 33 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2009 № 142, только воспроизводит обязанность воспитательной работы в отношении осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. То есть при исполнении данного вида наказания беседа является одной из основных форм воспитательной работы (п. 22).

При этом единственной мерой воздействия является невключение периода занятия запрещенной деятельностью в срок наказания. Но, как показывает практика, данная мера не оказывает должного профилактического воздействия, что обуславливает рост нарушений условий и порядка отбывания наказания, а также совершения повторных преступлений.

Обязанность проводить с осужденными воспитательную работу при исполнении уголовного наказания в виде исправительных работ дублируется в п. 81 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Федеральным законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами также не предусмотрено подробной регламентации проведения воспитательной работы в отношении осужденных данной категории. Единственный возможный способ воздействия уголовно-исполнительной инспекции на осужденного в случае нарушения им порядка и условий отбывания наказания – предупреждение его в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также возложение обязанности являться в уголовно-исполнительную инспекцию до двух раз в месяц для регистрации (ч. 2 ст. 46 УИК РФ).

При этом законодатель не определяет максимальный срок установления обязанности являться для регистрации в инспекцию. Фактически получает-

ся, что осужденный может являться на регистрацию до окончания срока отбывания всего наказания. Полагаем, что по причине отсутствия мер воспитательного воздействия в виде поощрения и взыскания для стимулирования правопослушного поведения осужденного следует предусмотреть возможность отмены явки для такой регистрации по прошествии двух месяцев со дня возложения такой обязанности, если им не допущено повторных нарушений порядка и условий отбывания уголовного наказания.

Еще одним субъектом, осуществляющим воспитательную работу при исполнении исправительных работ, выступает администрация предприятия, в которой трудоустроен осужденный (ч. 1 ст. 43 УИК РФ). На нее возлагается обязанность по содействию уголовно-исполнительной инспекции в проведении воспитательной работы. В то же время практика показывает, что руководство этих организаций не заинтересовано в воспитательной работе с осужденными, не проводит с ними каких-либо дополнительных мероприятий, способствующих исправлению, ограничиваясь лишь контролем за выполнением осужденными прямых трудовых обязанностей. Более того, сами осужденные, а нередко и руководство, стараются скрывать от остального трудового коллектива факт осуждения работника. Такому положению дел способствуют две причины: незаинтересованность самих организаций в таком взаимодействии, а также низкий уровень налаживания контакта самим инспектором с организацией [3, с. 10].

Следующим видом уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества, при исполнении которого уголовно-исполнительной инспекцией проводится воспитательная работа, является ограничение свободы. В Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, а также в Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258, кроме указания на тот факт, что сотрудники инспекции проводят с осужденными воспитательную работу, нет никакой конкретизации порядка ее проведения.

Уголовно-исполнительная инспекция проводит с осужденным к ограничению свободы первоначальную беседу. Однако, в отличие от других рассмотренных нами уголовных наказаний, в отношении данных осужденных уголовно-исполнительное законодательство предусматривает возможность применения мер поощрения и взыскания, которые являются эффективным психолого-педагогическим методом воспитания, стимулирующим правопослушное поведение. Согласно ст. 57 УИК РФ за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду и (или) учебе уголовно-исполнительная инспекция может применять следующие меры поощрения: благодарность, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, разрешение на проведение за пределами территории соответствующего муниципального образования выходных и праздничных дней, разрешение на проведение отпуска с выездом за пределы территории соответствующего муниципального образования.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Л. В. Карханина, УИК РФ устанавливает общие меры поощрения как для несовершеннолетних, так и для

взрослых осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы. При этом не ко всем категориям несовершеннолетних могут быть применены существующие меры поощрения. Так, разрешение на проведение отпуска с выездом за пределы территории соответствующего муниципального образования применяется только к работающим категориям осужденных [4, с. 11–12, 80]. То есть система мер поощрения осужденных к ограничению свободы не учитывает особенности несовершеннолетнего возраста. Таким образом, в целях стимулирования правопослушного поведения следует предусмотреть возможность проведения каникул несовершеннолетними осужденными за пределами территории соответствующего муниципального образования. При этом применение данной меры поощрения целесообразно рассматривать при обращении в инспекцию как несовершеннолетнего осужденного, так и его родителей или иных законных представителей.

В соответствии со ст. 58 УИК РФ за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, в частности в случае неявки в уголовно-исполнительную инспекцию, а также несоблюдения установленных ограничений, предусмотрены такие меры взыскания, как предупреждение и официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Предупреждение также выносится и в случае привлечения осужденного к административной ответственности. Помимо этого, инспекция может внести в суд представление об отмене ранее установленных для осужденных ограничений либо их дополнении [5].

Следует отметить, что лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, не изолируются от привычного образа жизни и, как правило, продолжают общение с теми людьми, которые ведут маргинальный образ жизни. При этом в ряде случаев осужденные считают, что не имеют каких-либо ограничений и не обязаны отчитываться перед кем-то за свое поведение [6, с. 94], поэтому с ними необходимо проведение своевременной и качественной воспитательной работы.

Как отмечает С. И. Бякина, осужденные, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции, как правило, относятся к воспитательным мероприятиям нейтрально. При этом большинство осужденных отмечает свою готовность участвовать в воспитательной работе при условии, что это отразится на ходе отбывания наказания [3, с. 9]. Существенно повлиять на порядок и условия отбывания наказания, на наш взгляд, возможно только при исполнении наказания в виде ограничения свободы, поскольку при исполнении других указанных выше уголовных наказаний какие-либо меры поощрения и взыскания применить невозможно ввиду отсутствия их законодательного закрепления. Следовательно, индивидуальный подход в процессе исправительного воздействия при исполнении данных видов наказаний существенно ограничен. Вместе с тем проведенный нами в июне–августе 2021 г. опрос показал, что большая часть сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (62 %) считает существующие меры поощрения и взыскания к осужденным в виде ограничения свободы недостаточными для коррекции негативного поведения осужденных.

Следует отметить, что беседа остается основным индивидуальным методом воздействия на осужденного в воспитательной работе, осуществляемой сотрудниками инспекции, так как именно она закреплена в законодательстве в качестве обязательной. Беседу в качестве основного метода указали 87 % респондентов, при этом 57 % опрошенных отметили, что в среднем проводят беседы с каждым осужденным 1–2 раза в месяц, 37 % – 3–4 раза, 6 % – более 4 раз. Вместе с тем 43 % респондентов считают недостаточным для исправления осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, использование только беседы.

Если обратиться к нормам УИК РФ, регламентирующим организацию воспитательной работы с осужденными, то увидим, что она должна проводиться не только в индивидуальной, но и групповой и массовой формах по направлениям нравственного, правового, трудового, физического воспитания. Также в процессе этой работы должны применяться психолого-педагогические методы, направленные как на изучение личности, так и на воздействие на нее в целях исправления. При этом если групповая форма работы в уголовно-исполнительной инспекции еще может быть реализована, то проведение воспитательной работы в массовых формах затруднительно [7, с. 20–21].

Групповые воспитательные мероприятия проводятся с учетом пола, возраста, вида совершенного преступления, вида уголовного наказания, наличия медицинского заболевания осужденных и т. д. Возможны в виде лекций, экскурсий, бесед на различные темы и т. п. При этом проживание осужденных на свободе способствует широкому привлечению к воспитательной деятельности общественности (ч. 6 ст. 47.1 УИК РФ). Так, многие мероприятия проводят не сами сотрудники уголовно-исполнительной инспекции, а представители иных заинтересованных служб под их руководством: сотрудники полиции, представители службы занятости, органов местного самоуправления, медицинские работники, представители духовенства и т. д.

Например, в целях снижения уровня агрессивности осужденных представителями Вологодской епархии проводятся занятия «Православной школы», способствующие духовно-нравственному воспитанию. В рамках патриотического воспитания осужденные в сопровождении сотрудников инспекции выезжают в парк Победы для проведения экскурсии и знакомства с подвигами солдат. Организуются встречи с членами Общественного совета при УМВД России по Вологодской области. Реализуется взаимодействие с Вологодским областным наркологическим диспансером № 1 в целях коррекции девиантного поведения, снижения уровня агрессии, отказа от употребления алкоголя и наркотиков. В Приморском крае при взаимодействии с общественной организацией «Боевое братство» с подростками, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, организовано патриотическое мероприятие, посвященное событиям на острове Даманском, с посещением заставы [8, с. 8]. В Оренбургской области сотрудниками Бузулукского филиала уголовно-исполнительной инспекции с участием представителей Бузулукского наркологического диспансера проведен круглый стол для несовершеннолетних осужденных и их родителей на тему «Профилактика употребления пси-

хоактивных веществ» [8]. Подобные мероприятия, как правило, помогают повысить юридическую грамотность и сознательность осужденного, обратить внимание на его образ жизни и здоровье.

С 2018 г. Ассоциация волонтерских центров и ФСИН России являются партнерами и реализуют совместные проекты, направленные на профилактику правонарушений и деструктивного поведения среди трудных подростков. Согласно заключенному соглашению на базе учреждений и органов уголовно-исполнительной системы созданы отряды добровольцев, которые привлекаются к участию в различных социальных акциях [9].

Проведенный опрос сотрудников уголовно-исполнительных инспекций показал, что 68 % респондентов проводят групповую воспитательную работу с осужденными. При этом 33 % организуют встречи осужденных с представителями органов прокуратуры, 27 % – с сотрудниками полиции, 27 % – с медицинскими работниками, 14 % – с представителями военно-исторических обществ, 39 % – с представителями религиозных объединений, 22 % – с представителями органов занятости и социальной защиты, 7 % – с представителями других служб, ведомств и организаций.

В то же время 92 % сотрудников отдают предпочтение индивидуальной форме работы, поскольку именно она позволяет глубже узнать осужденного, раскрыть черты его характера, интересы, а также наладить доверительные отношения и вовремя проследить изменения в поведении.

Еще одной причиной, ограничивающей выбор форм воспитательной работы, является отсутствие помещений, которые могли бы вместить группу осужденных. При этом проведение групповой воспитательной работы эффективно в форме интерактивных занятий.

На сегодняшний день уголовно-исполнительные инспекции в своей работе вынужденно ориентируются на аналогию права, касающуюся организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. В связи с чем требуется внести соответствующие дополнения в полномочия и обязанности сотрудников инспекций в рамках организации воспитательной работы [10]. На необходимость подробной регламентации в уголовно-исполнительном законодательстве порядка проведения воспитательной работы с лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, также указывают 77 % опрошенных.

Следует признать, что воспитательная работа в уголовно-исполнительных инспекциях не получила законодательного закрепления из-за отсутствия специальных воспитательных аппаратов, которые могли бы проводить эту работу на необходимом уровне. Данное направление деятельности не имеет финансовой и методической поддержки, как в исправительных учреждениях. Поэтому в ряде случаев наблюдается формализм со стороны инспекторов уголовно-исполнительных инспекций, которые просто не успевают осуществить индивидуальный подход к каждому осужденному и, как правило, ограничиваются повторным разъяснением обязанностей осужденного [4, с. 79].

Безусловно, в штате инспекции имеются психологи, активно участвующие в процессе исправления осужденных без изоляции от общества. Но, учитывая

достаточно большой объем работы, воспитательную работу с осужденными также проводят рядовые инспекторы, не имеющие специальной профессиональной подготовки и материальной, методической поддержки, которая есть у сотрудников воспитательных подразделений исправительных учреждений. Большая часть сотрудников уголовно-исполнительной инспекции вообще с точки зрения их профессиональной подготовки не готова к исполнению подобных служебных обязанностей [11]. Для надлежащей воспитательной работы нужно иметь определенные психолого-педагогические знания, которые даются в специальных учебных заведениях [12, с. 103]. Так, 52 % респондентов отметили, что в своей деятельности им следует иметь профессиональные компетенции по проведению воспитательной работы либо психолого-педагогические знания в данной области.

Таким образом, в целях качественного и грамотного подхода к организации воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, на наш взгляд, необходимо следующее:

1. Предусмотреть возможность отмены явки для регистрации в инспекцию для осужденного к исправительным работам по прошествии двух месяцев со дня возложения такой обязанности, если им не допущено повторных нарушений порядка и условий отбывания уголовного наказания.

2. Установить в мерах поощрения к уголовному наказанию в виде ограничения свободы возможность проведения каникул за пределами территории соответствующего муниципального образования для несовершеннолетних осужденных, являющихся учащимися.

3. Закрепить на законодательном уровне понятие воспитательной работы с осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, а также перечень форм, методов и направлений воспитательной работы с данной категорией лиц, а также сформулировать ее цели и задачи.

4. Оптимизировать материально-техническую оснащенность уголовно-исполнительных инспекций для успешной реализации воспитательной работы с осужденными.

5. Предусмотреть включение в учебные программы переподготовки и повышения квалификации сотрудников психолого-педагогических вопросов, отражающих специфику воспитательной работы с осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы.

6. Разработать инструкции о порядке проведения и организации воспитательной работы с лицами, осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, где будут отражены ключевые аспекты такой работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О работе учреждений, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е. А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 5. С. 14.
2. Зауторова Э. В., Ковтуненко Л. В. Эффективные формы и методы реализации индивидуального подхода в воспитательной работе с осужденными в местах лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 3 (47). С. 427–433.

3. Бякина С. И. Проблемы организации и проведения воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2021. № 9. С. 6 – 10.
4. Карханина Л. В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 208 с.
5. Голодов П. В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования // Пенитенциарная наука. 2020. № 14 (3). С. 373–381.
6. Справочник сотрудника уголовно-исполнительной инспекции : учеб. нагляд. пособие / К. А. Насреддинов и др. Самара, 2015. 143 с.
7. Куркина И. Н., Гортанова М. С. Особенности воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказания без изоляции от общества // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 1 (23). С. 18–24.
8. Статистика без рецидива // Преступление и наказание. 2021. № 5. С. 20–21.
9. Федеральная служба исполнения наказаний и Ассоциация волонтерских центров подписали соглашение о сотрудничестве. URL: <https://dobro.ru/news/2098-fsin-avc-soglashenie> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Бабаян С. Л. К вопросу о профилактической работе с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 2 (38). С. 4–9.
11. Уваров О. Н. Проблемы организации воспитательной работы с осужденными в уголовно-исполнительных инспекциях // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 110–112.
12. Данелян Р. С. Исправительные работы как вид уголовного наказания в теории и практике : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 169 с.

REFERENCES

1. About the work of institutions executing punishments not related to the isolation of convicts from society (interview with the head of the Department of organization of execution of punishments not related to isolation of convicts from society of the Federal Penitentiary Service of Russia E.A. Korobkova). *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Penal System News*, 2021, no. 5, p. 14. (In Russ.).
2. Zautorova E.V., Kovtunenkov L.V. Effective forms and methods of implementing an individual approach in educational work with convicts in prison. *Penitentsiarnaya nauka* = *Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 3 (47), pp. 427–433. (In Russ.).
3. Byakina S.I. Problems of organizing and conducting educational work with convicts registered with criminal executive inspections. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Penal System News*, 2021, no. 9, pp. 6 – 10. (In Russ.).
4. Karkhanina L.V. *Teoriya i praktika ispolneniya ugolovnykh nakazanii bez izolyatsii ot obshchestva v otnoshenii nesovershennoletnikh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theory and practice of execution of criminal punishments without isolation from society in relation to minors: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2021. 208 p.
5. Golodov P.V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research. *Penitentsiarnaya nauka* = *Penitentiary Science*, 2020, no. 14 (3), pp. 373–381. (In Russ.).
6. Nasreddinov K.A. et al. *Spravochnik sotrudnika ugolovno-ispolnitel'noi inspeksii: ucheb. naglyad. posobie* [Handbook of a criminal executive inspection employee: training aid]. Samara, 2015. 143 p.
7. Kurkina I.N., Gortanova M.S. Features of educational work with convicts serving sentences without isolation from society. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya*

i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice, 2020, no. 1 (23), pp. 18–24. (In Russ.).

8. Statistics without recidivism. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 5, pp. 20–21. (In Russ.).

9. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii i Assotsiatsiya volonterskikh tsentrov podpisali soglasenie o sotrudnichestve* [The Federal Penitentiary Service of Russia and the Association of Volunteer Centers signed a cooperation agreement]. Available at: <https://dobro.ru/news/2098-fsin-avc-soglasenie> (accessed October 20, 2021).

10. Babayan S.L. On the question of preventive work with convicts who are registered in the penal inspections. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 2 (38), pp. 4–9. (In Russ.).

11. Uvarov O.N. Problems of organizing educational work with convicts in criminal executive inspections. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 10, pp. 110–112. (In Russ.).

12. Danelyan R.S. *Ispravitel'nye raboty kak vid ugolovnogo nakazaniya v teorii i praktike: dis. ... kand. yurid.nauk* [Correctional labor as a type of criminal punishment in theory and practice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2002. 169 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ КОМБАРОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

ROMAN V. KOMBAROV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

Статья поступила 05.10.2022

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.019

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект криминологической безопасности системы образования

ЕКАТЕРИНА ЗАКАРИЕВНА СИДОРОВА

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
ketrik6@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

Аннотация. Отечественная система образования, развиваясь и совершенствуясь, вместе с тем зачастую остается не защищенной от различного рода угроз и опасностей криминального характера. Особую тревогу вызывает преступность обучающихся, которые, как показывает практика, нередко совершают противоправные деяния, направленные против иных участников образовательных отношений. Представляется, что важным профилактическим потенциалом в данном аспекте обладает такой субъект криминологической безопасности образования, как комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Анализ деятельности данных комиссий в различных муниципальных образованиях страны позволил заключить, что требуется принятие федерального закона, который позволит регламентировать деятельность данных комиссий, укрепить их роль как ведущего органа системы профилактики правонарушений подростков. При этом подобная мера сможет повлиять не только на защиту прав несовершеннолетних, но и позволит создать условия для обеспечения криминологической безопасности системы образования. Затронут ряд проблем, которые препятствуют раскрытию профилактического потенциала, заложенного законодателем в деятельность комиссий: неполное отражение информации о деятельности комиссий на официальных сайтах муниципальных образований, психологическое или эмоциональное выгорание отдельных сотрудников и др. Решение указанных проблем позволит повысить качество превентивной деятельности комиссий.

Ключевые слова: криминологическая безопасность образования; комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав; профилактика преступности; образовательная среда; преступность в образовании.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Сидорова Е. З. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект криминологической безопасности системы образования // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 178–185. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.019.

Original article

Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as a Subject of Criminological Security of Education System

EKATERINA Z. SIDOROVA

East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Irkutsk, Russia, ketrik6@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

Abstract. The domestic education system, while developing and improving, at the same time often remains unprotected from various kinds of threats and dangers of a criminal nature. Criminality of students is of particular concern, since, as practice shows, they often commit illegal acts directed against other participants in educational relations. The Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as a subject of criminological security of education seems to have important preventive capacities. The analysis of the practice of these commissions in various municipalities of the country shows the necessity of adopting a federal law, which will regulate their activities and strengthen their role as the leading body of the system for preventing juvenile delinquency. At the same time, such a measure will not only enhance protection of the rights of minors, but also create conditions for ensuring criminological security of the education system. The article reveals a number of obstacles to unleashing preventive potential of commissions' activities laid down by the legislator, such as incomplete reflection of information about commissions' activities on official websites of municipalities, psychological or emotional burnout of individual employees, etc. The solution of these problems will improve the quality of preventive activities of commissions.

Keywords: criminological safety of education; commission on minors' affairs and protection of their rights; crime prevention; educational environment; crime in education.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sidorova E.Z. Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as a subject of criminological security of education system. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 178–185. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.019.

В настоящее время сфера образования как никогда нуждается в защите и обеспечении безопасности от различных негативных явлений, нередко носящих криминальный характер. Подтверждением тому выступает недавний трагический случай сулшутинга, произошедший в мае 2021 г. в Казани, когда школьник произвел массовое убийство учащихся и педагогов.

Проблема сулшутинга неоднократно освещалась учеными и специалистами в области уголовного права и криминологии [1]. Однако данное явление выступает не единственным криминальным вызовом современности, угрожающим криминологической безопасности системы образования. Преступность в школах, доведение подростков до самоубийства, влияние криминальных субкультур на школьников и студентов, экстремизм и терроризм среди подрастающего поколения, незаконное распространение оружия и наркотиков – далеко не все криминальные явления современной действительности,

окружающие сферу образовательных отношений. Одна из основных задач, которая стоит перед государством и органами местного самоуправления, – найти способ снижения количества преступлений и иных правонарушений, совершаемых различными категориями несовершеннолетних, и повысить эффективность профилактики [2].

В большинстве случаев несовершеннолетние относятся к категории обучающихся: это школьники, студенты, слушатели и т. д. В данном случае справедливо говорить, что дети и подростки являются важнейшими участниками образовательных отношений и образовательной системы в целом.

Криминологическая безопасность системы образования подразумевает наличие различных субъектов, выполняющих те или иные функции по превенции противоправного поведения участников образовательных отношений. Одним из органов, осуществляющих профилактику противоправных действий несовершеннолетних и молодежи, а значит подростков-школьников и подростков-студентов, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) [3].

Комиссия взаимодействует со многими органами, каждый из которых реализует свои задачи: подразделение по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, служба занятости, органы социальной защиты населения, муниципальные органы управления образования, здравоохранения, органы опеки и попечительства, комитеты и комиссии по делам молодежи, образовательные организации, управления Федеральной службы исполнения наказаний и др. [4, с. 24].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность рассматриваемых органов, является Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В частности, ч. 1 ст. 11 закона гласит о том, что «комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав создаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям».

Еще одним нормативно-правовым актом, на который опираются комиссии в своей деятельности, является Примерное положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, утвержденное постановлением Правительства России от 06.11.2013 № 995. Несомненно, данный документ явля-

ется базовым, однако носит примерный характер и ориентирует региональную власть к большей самостоятельности и инициативности.

Согласно действующему законодательству порядок создания комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и осуществления ими деятельности определяется законодательством субъекта Российской Федерации. Если говорить о характеристике данных комиссий, то следует обратить внимание на открытость их деятельности. Каждый гражданин может ознакомиться с направлением их работы. Для примера обратимся к опыту муниципального образования г. Братска Иркутской области. Официальный сайт администрации города [5] позволяет ознакомиться с информацией о том, какие органы осуществляют профилактику и предупреждение детской преступности, посмотреть подробный отчет о состоянии детской, подростковой и молодежной преступности и административной делинквентности, а также какими нормативно-правовыми актами органа местного самоуправления регламентируется деятельность Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Братска. Разделы сайта дают возможность задать вопрос председателю данной комиссии, получить разъяснения. Заинтересованные лица, в первую очередь несовершеннолетние, могут обратиться за помощью в данную комиссию.

К сожалению, официальные сайты не всех муниципальных образований содержат информацию о созданной и действующей на их территории комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, например официальный сайт администрации г. Байкальска Иркутской области [6]. Соответственно, отсутствует необходимая контактная информация, позволяющая связаться с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Байкальска. Считаем, что подобная практика является недопустимой, поскольку несовершеннолетний, считающий, что его права нарушаются, или интересующийся каким-либо правовым вопросом, не сможет позвонить или написать на электронную почту представителю комиссии своего города.

Положительно характеризуется такая форма деятельности комиссий, как выездная работа. Так, в некоторых муниципальных образованиях, например в Вихоревском городском поселении Иркутской области, отсутствует комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, в связи с чем представители соответствующей комиссией г. Братска регулярно выезжают в указанный район и проводят там работу [7].

Говоря о составе комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на примере г. Братска, можно отметить, что ее членами являются работники администрации города, врачи, полицейские и представители других органов и организаций, что повышает эффективность их деятельности. Например, если несовершеннолетний гражданин был задержан за употребление спиртных напитков, то он вызывается на заседание комиссии. С большей вероятностью он послушает врача о негативном влиянии алкоголя на организм человека или полицейского о том, сколько преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения и к чему это может привести. Кроме этого, профессионалы смогут ответить на любой вопрос, который будет задан не-

совершеннолетним. Важно, чтобы члены данных комиссий со временем не стали формально относиться к своим обязанностям. В данном аспекте кроется еще одна проблема – психологическое или эмоциональное выгорание. К сожалению, члены комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав не всегда заинтересованы в эффективном воздействии на несовершеннолетнего, совершившего противоправное действие. В этой связи считаем, что необходимо регулярно менять состав комиссий, чтобы избежать психологического выгорания их членов. По нашему мнению, порядок, периодичность замены членов комиссий и многие другие практические вопросы должны быть урегулированы соответствующими правовыми актами. Считаем, что законодатель должен уделить должное внимание вопросам, возникающим в деятельности рассматриваемых комиссий.

Еще одна проблема заключается в том, что членство в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав не является должностью государственной или муниципальной службы. С порядком вхождения в данный орган ознакомиться проблематично, что неправильно. По нашему мнению, на официальных сайтах муниципальных образований, помимо сведений о полномочиях рассматриваемых комиссий, необходимо размещать информацию об условиях членства в них.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет компетенцию комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Опираясь на указанный нормативно-правовой акт, можно говорить о том, что в рамках обеспечения криминологической безопасности системы образования комиссии обладают рядом полномочий, в том числе:

- 1) обеспечивают меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних;
- 2) подготавливают совместно с соответствующими органами или учреждениями материалы, представляемые в суд, по вопросам, связанным с содержанием несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа;
- 3) рассматривают вопросы, связанные с отчислением несовершеннолетних обучающихся из организаций, осуществляющих образовательную деятельность;
- 4) рассматривают иные вопросы, связанные с обучением несовершеннолетних;
- 5) оказывают помощь в бытовом устройстве несовершеннолетних, вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений.

Таким образом, можно говорить о значимой роли комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в разрешении сложных жизненных ситуаций несовершеннолетних [8, с. 67]. Кроме того, исходя из анализа компетенций, можно говорить об их участии в деятельности по обеспечению криминологической безопасности системы образования. В частности, занимаясь рассмотрением вопросов, связанных с отчислением несовершен-

нолетних обучающихся из образовательных организаций, члены комиссии предпринимают действия по недопущению беспризорности подростка, поскольку любая безнадзорность в конечном итоге приводит к криминальным последствиям (либо подросток сам совершит правонарушение, либо станет жертвой преступления).

Еще одной значимой для обеспечения криминологической безопасности образовательной среды функцией, реализуемой региональной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, является принятие решения о допуске или недопуске к педагогической деятельности лиц, имевших судимость за совершение тех или иных преступлений, в том числе против семьи и несовершеннолетних. При принятии соответствующего решения члены комиссии должны учесть факторы, позволяющие определить, представляет ли конкретное лицо опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

Для криминологической безопасности системы образования особую роль играет взаимодействие с органами власти в сфере образования, а также представителями образовательных организаций, поскольку только совместная слаженная работа разных субъектов профилактики подростковой преступности может, по нашему мнению, существенно повлиять на криминальную ситуацию в образовательной среде. В этой связи необходимо обозначить такое полномочие членов комиссий, как возможность посещения образовательных организаций в целях проверки поступивших сообщений о нарушении прав и законных интересов несовершеннолетних.

Важно отметить, что каждая комиссия формирует свой банк данных о несовершеннолетних правонарушителях, что способствует установлению причин преступности среди школьников и студентов. Полагаем, что необходимо регулярно анализировать криминальные детерминанты, что позволит обобщать сведения о произошедших деликтах и делинквентах. На наш взгляд, на официальных сайтах комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав необходимо размещать актуальные примеры правонарушений, осуществлять их анализ и давать возможность обычным гражданам высказаться о том, какие, по их мнению, профилактические мероприятия можно реализовать, чтобы снизить вероятность совершения подростками подобных правонарушений в дальнейшем.

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав чаще всего привлекает к административной ответственности не несовершеннолетних правонарушителей, а их родителей на основании ст. 5.35 КоАП РФ за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка [9, с. 754]. Это связано с тем, что в дальнейшем подобное поведение родителей может послужить поводом для лишения их родительских прав. Считаем такой подход правильным, поскольку, если не будет оперативного реагирования со стороны комиссии, это может привести к самым печальным последствиям.

К сожалению, современная система перевоспитания несовершеннолетних недостаточно эффективно воздействует на них. На практике очень часто подросткам назначается наказание в виде административного штрафа, ко-

торый, к сожалению, не оказывает профилактического воздействия на них, поскольку в большинстве случаев оплачивается родителями. Возможно, большим профилактическим потенциалом будет обладать такая мера, как проведение экскурсий в воспитательные колонии для несовершеннолетних преступников, чтобы показывать, какое будущее может их ждать в случае продолжения совершения противоправных деяний.

Как мы уже говорили, в настоящее время деятельность анализируемых комиссий регламентируется различными нормативно-правовыми актами, в том числе имеющими характер примерных. Инициатива в регулировании вопроса о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав передана региональным властям. Однако считаем, что сегодня назрела острая необходимость принятия детально проработанного федерального закона, который позволит регламентировать деятельность комиссий, укрепить ее роль как ведущего органа системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, как органа, координирующего и контролирующего деятельность всех остальных органов и учреждений этой системы, а также расширить ее полномочия, закрепить определение и статус члена комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, изменить систему воздействия на поведение несовершеннолетних с целью снижения преступности. Подобные меры смогут, на наш взгляд, повлиять не только на защиту прав несовершеннолетних, но и позволят создать условия для обеспечения криминологической безопасности системы образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1 (80). С. 20–25.
2. Калинина М. Ю. Беспорядочность и правонарушения несовершеннолетних: обзор научных исследований // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2. С. 3–6.
3. Арсланбекова Р. А., Абдулмуталимова З. М., Марианов А. А. Комиссия по делам несовершеннолетних как субъект профилактики правонарушений несовершеннолетних // Казанская наука. 2014. № 11. С. 162.
4. Закопырин В. Н. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 233 с.
5. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципального образования города Братска. URL: <https://www.bratsk-city.ru/people/komdn/gorodskaya-komissiya/obshchie-svedeniya.php> (дата обращения: 01.09.2021).
6. Официальный сайт Байкальского муниципального образования. URL: <http://gorod-baikalsk.ru/> (дата обращения: 05.07.2021).
7. Официальный сайт администрации Вихоревского городского поселения. URL: <http://www.admvih.ru/> (дата обращения: 05.07.2021).
8. Малышев В. А. Административно-правовое регулирование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в России // Административное и муниципальное право. 2008. № 5. С. 67–75.
9. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А. Г. Авдейко, С. Н. Антонов, И. Л. Бачило [и др.] ; под ред. Н. Г. Салищевой. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 1296 с.

REFERENCES

1. Mikhailova E.V. Criminological characteristics of armed attacks in educational institutions of the Russian Federation (schoolshooting). *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2021, no. 1 (80), pp. 20–25. (In Russ.).
2. Kalinina M.Yu. Homelessness and juvenile delinquency: a review of scientific research. *Voprosy yuvenal'noi yustitsii = Issues of Juvenile Justice*, 2011, no. 2, pp. 3–6. (In Russ.).
3. Arslanbekova R.A., Abdulmutalimova Z.M., Marianov A.A. Commission on Juvenile affairs as a subject of prevention of juvenile delinquency. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2014, no. 11, pp. 162. (In Russ.).
4. Zakopyrin V.N. *Administrativno-pravovoi status komissii po delam nesovershennoletnikh izashchite ikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk* [Administrative and legal status of commissions on juvenile affairs and protection of their rights: Candidate of Sciences (Law)]. Moscow, 2006. 233 p. (In Russ.).
5. *Komissiya po delam nesovershennoletnikh i zashchite ikh prav munitsipal'nogo obrazovaniya goroda Bratska* [Commission on Juvenile Affairs and Protection of their Rights of the municipality of Bratsk]. Available at: <https://www.bratsk-city.ru/people/komdn/gorodskaya-komissiya/obshchie-svedeniya.php> (accessed September 1, 2021).
6. *Ofitsial'nyi sait Baikal'skogo munitsipal'nogo obrazovaniya* [Official website of the Baikal municipality]. Available at: <http://gorod-baikalsk.ru/> (accessed July 5, 2021).
7. *Ofitsial'nyi sait administratsii Vikhorevskogo gorodskogo poseleniya* [Official website of the administration of the Vikhorevsk urban settlement]. Available at: <http://www.admvih.ru/> (accessed July 5, 2021).
8. Malyshev V.A. Administrative and legal regulation of the activities of commissions on juvenile affairs in Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2008, no. 5, pp. 67–75. (In Russ.).
9. Avdeiko A.G., Antonov S.N., Bachilo I.L. *Kommentarii k Kodeksu Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (postateinyi)* [Commentary to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Salishcheva N.G. Moscow, 2011. 1,296 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ЗАКАРИЕВНА СИДОРОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, ketrik6@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

EKATERINA Z. SIDOROVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Irkutsk, Russia, ketrik6@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

Статья поступила 02.09.2021

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.020

Правоприменительные фикции в уголовном праве

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА СИТНИКОВА

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия,
orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье проведена дифференциация уголовно-правовых фикций на законодательные, правоприменительные и доктринальные. В зависимости от степени соответствия содержания умысла наступившим реальным последствиям правоприменительные фикции разделены на простые (однозначные) и сложные (двойные). Установлено, что простые фикции используются правоприменителем при минимальном отступлении уголовно-правовой оценки содеянного от фактических обстоятельств дела. Использование простых фикций имеет место при квалификации посягательств, связанных с фактическими ошибками в предмете преступления и размерах причиненного ущерба. Сложные фикции включают в себя создание несуществующих последствий, то есть не соответствующих реальным фактам совершенного посягательства. Сложные фикции как правоприменительный прием закреплены в постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации, которые позволяют квалифицировать действия виновных лиц при значительном отклонении реально наступивших последствий от содержания и направленности умысла. Представлен правоприменительный подход использования фикций при квалификации преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 2 ст. 105, 229 УК РФ.

Ключевые слова: правоприменительные фикции; дифференциация фикций; простые (однозначные) фикции и сложные (двойные) фикции; квалификация преступных действий.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ситникова А. И. Правоприменительные фикции в уголовном праве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 186–192. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.020.

Original article

Law Enforcement Fictions in Criminal Law

ALEKSANDRA I. SITNIKOVA

Southwest State University, Kursk, Russia, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. The article differentiates criminal law fictions into legislative, law enforcement and doctrinal ones. Depending on the degree to which the content of

the intent corresponds to actual consequences that have occurred, law enforcement fictions are divided into simple (unambiguous) and complex (double). It is established that simple fictions are used by the law enforcement officer with a minimum deviation of the criminal legal assessment of the act from actual circumstances of the case. Simple fictions are used for qualification of encroachments related to factual errors in the subject of the crime and the amount of damage caused. Complex fictions include creation of non-existent consequences, that is, not corresponding to real facts of the committed encroachment. Complex fictions as a law enforcement technique are fixed in resolutions of the plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, which allow to qualify guilty persons' actions with a significant deviation of actual consequences from the content and direction of intent. The law enforcement approach of using fictions in the qualification of crimes provided for in paragraphs "a", "g" of Part 2 of articles 105, 229 of the Criminal Code of the Russian Federation is presented.

Keywords: law enforcement fictions; differentiation of fictions; simple (unambiguous) fictions and complex (double) fictions; qualification of criminal actions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sitnikova A.I. Law enforcement fictions in criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 186–192. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.020.

Предметом пристального внимания в среде отечественных правоведов, представляющих разные отрасли права, являются правовые фикции. Большинство теоретиков права фикциями признают заведомо неистинные положения, которые устраняют неопределенность в праве и выступают в роли юридических фактов [1, с. 54]. По мнению представителей международной отрасли права, фикция является универсальным технико-юридическим приемом создания норм права, который позволяет обеспечить непрерывность функционирования правового процесса [2, с. 6]. С позиции гражданского права фикция есть юридический прием, устраняющий пробелы в законодательстве и праве [3, с. 125]. Специалисты по законодательной технике сформулировали положения о фикциях как о несуществующих событиях, которые в силу определенных обстоятельств признаются реально существующими и становятся в связи с этим обязательными [4, с. 188]. Исследователи уголовно-правовых фикций справедливо определяют данный феномен как прием законодательной техники, состоящий в признании существующим несуществующего в нормативном предписании, и также используют фикции в правоприменительной практике [5, с. 28].

Вместе с тем необходимо отметить, что ученые-юристы уделяют недостаточное внимание теоретической разработке фикций, их классификации, использованию при конструировании уголовно-правовых предписаний и влиянию на квалификацию действий виновных лиц. В этой связи ранее нами была проведена классификация фикций по сфере их использования на доктринальные, законодательные и правоприменительные [6, с. 55–62]. Доктринальная фикция – это теоретическое построение, которое не соответствует действительности и способствует либо препятствует развитию научного познания и достижению научно значимых результатов. Под законодательной

фикцией следует понимать технико-юридический прием, применение которого ведет к созданию нормативного текста, содержащего заведомо условные, не соответствующие действительности законодательные предписания. Правоприменительная фикция – это юридический вывод, основанный на принципе субъективного вменения, но не соответствующий фактическим обстоятельствам дела.

По степени соответствия юридической оценки содеянного реальным последствиям совершенного деяния правоприменительные фикции можно разделить на простые (однозначные) и сложные (двойные).

Простой (однозначной) фикцией является правоприменительный вывод, в котором имеет место минимальное отступление уголовно-правовой оценки содеянного от фактических признаков совершенного преступления. Простая фикция применяется при квалификации действий виновного, совершившего посягательство на хищение обычных лекарственных средств, ошибочно принятых за наркотические средства. При этом оконченный состав хищения обычных лекарственных препаратов признается покушением на хищение наркотических средств, и действия подлежат квалификации по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 229 УК РФ.

Сложная (двойная) фикция – это юридический вывод, основанный на создании искусственных правовых последствий, не соответствующих действительности по нескольким параметрам. Сложная фикция имеет место при уголовно-правовой оценке действий виновного, совершившего посягательство на жизнь женщины при наличии фактической ошибки в ее биологических свойствах. В этом случае имеются два вида ошибок: убийство беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, и причинение смерти небеременной женщине, реально находящейся в состоянии беременности.

Следственная и судебная практика при квалификации действий виновного, совершившего убийство женщины, ошибочно принятой за беременную, при ошибке в ее физиологических свойствах основана на доктринальной фикции, признающей оконченное убийство женщины, не являющейся беременной, как покушение на жизнь беременной женщины по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Применение данной фикции позволяет правоприменителю соединить умышленное причинение смерти женщине, не находящейся в состоянии беременности, с принципом субъективного вменения о заведомом знании виновным о наличии беременности у женщины и признать содеянное покушением на жизнь беременной женщины. Однако в законодательной формуле покушения (ч. 3 ст. 30 УК РФ) закреплены иные признаки неоконченного преступления, такие как прерванность преступных действий и наличие внешних, не зависящих от виновного обстоятельств, которые не дают довести преступление до конца. Кроме того, субъект, совершающий покушение, осознает возможность доведения посягательства до конца. При реальном покушении сохраняются признаки жизни, даже если потерпевшей причинен тяжкий вред здоровью. К тому же близкие потерпевшей крайне отрицательно воспринимают признание потерпевшей беременной, которая фактически не являлась таковой. Выработанная судебной практикой квалификация в слу-

чае посягательства на мнимо беременную женщину основана на признании субъективного признака – заведомого знания о физиологических свойствах потерпевшей – обстоятельством недоведения преступления до конца, что противоречит легальной формуле покушения. Это означает, что квалификация содеянного в качестве покушения на убийство беременной женщины не учитывает реально наступившие последствия в виде смерти потерпевшей, которая не находилась в состоянии беременности. Признание подобной квалификации правильной может привести к абсурду: в случае реального покушения на жизнь мнимо беременной женщины придется квалифицировать действия виновного как покушение на жизнь женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. О сомнительности применения подобной квалификации свидетельствует совпадение максимальных сроков наказания в виде лишения свободы за оконченное простое убийство (15 лет) и покушение на убийство с отягчающим признаком (14 лет). Для устранения указанных противоречий предлагаем не принимать во внимание заведомое знание субъекта о физиологическом состоянии потерпевшей, которое строится на ничем не подтвержденном заявлении женщины о ее биологическом состоянии, и квалифицировать действия виновного по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Для увеличения срока наказания в подобной ситуации суд вправе применить п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ и в соответствии с принципом субъективного вменения учесть реально наступившие последствия в виде смерти потерпевшей.

В основу судебной практики при квалификации посягательства на жизнь небеременной женщины, фактически оказавшейся в состоянии беременности, реализуется вторая разновидность простой (однозначной) фикции. В соответствии с данным правоприменительным подходом квалификация убийства беременной женщины в связи с фактической ошибкой в ее физиологических свойствах осуществляется как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Применение данной фикции основано на доктринальных положениях оценки содеянного, разработанных С. В. Бородиным, который справедливо считал неприемлемым применение квалифицирующего признака убийства при отсутствии у посягающего заведомого знания о состоянии беременности [7, с. 137]. А. Н. Попов в свою очередь обоснованно полагал, что в таких случаях отсутствует возможность вменять в вину отягчающее обстоятельство в виде заведомого знания о наличии беременности, поскольку таковое не охватывалось умыслом виновного [8, с. 343]. Аналогичную позицию занимают комментаторы УК РФ, которые относят заведомость к осведомленности посягающего о беременности женщины [9, с. 465].

Трудно согласиться с квалификацией убийства беременной женщины в виде простого убийства из-за отсутствия заведомого знания о ее физиологическом состоянии по следующим основаниям: во-первых, при квалификации содеянного в таких случаях учитывается только отсутствие заведомого знания у виновного о беременности женщины; во-вторых, при этом совершенно не принимаются во внимание реальные фактические последствия в виде смерти беременной женщины, которые являются более значимыми, чем содержание и направленность умысла; в-третьих, умысел выявляется на ос-

нове показаний подозреваемого, свидетелей, которые могут быть ложными, ошибочными либо внушенными, а наступившие последствия всегда реальны; в-четвертых, убийство беременной женщины может быть как с прямым, так и с косвенным умыслом, при наличии которого субъект допускает лишение жизни беременной либо безразлично относится к наступлению тяжких последствий. На наш взгляд, разрешить проблемную ситуацию при квалификации реального посягательства на жизнь беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, и дать адекватную уголовно-правовую оценку содеянного возможно за счет исключения признака заведомости из п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и использования при назначении наказания в виде лишения свободыотягчающего обстоятельства, указанного в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В судебной практике прием в виде двойной (сложной) фикции используется и при квалификации посягательств на жизнь двух и более лиц. В течение длительного периода уголовно-правовая оценка содеянного вызывала дискуссию в доктрине [7, с. 128; 8, с. 52; 10, с. 44] и в полной мере не разрешена до настоящего времени [11, с. 465]. Отсутствие в уголовно-правовой литературе адекватной оценки действий лица, посягнувшего на жизнь двух и более лиц, негативно сказалось при выработке постановления Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего особенности квалификации действий лица в рамках состава преступления, сформулированного в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, при различном соотношении убитых и раненых. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1997 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в актуальной редакции) разъясняет судам, что «убийство одного человека и покушение на жизнь другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данное правило квалификации содержит сложную фикцию, которая признает наличие одного убитого (ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ) и двух раненых (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При таком правоприменительном подходе можно говорить о наличии трех потерпевших: в отношении одного имеет место оконченное убийство, на двух совершено покушение, к тому же одно лицо признается одновременно убитым и раненым.

На наш взгляд, более точная квалификация посягательства на жизнь двух и более лиц зависит от учета степени реализации умысла, соотношения убитых и раненых и применения принципа дифференцированной квалификации. Взаимозависимость указанных факторов дает возможность выделить при минимально реализованном умысле неоконченное посягательство в виде покушения, при полной реализации умысла – оконченное посягательство, при максимально реализованном умысле – множественное посягательство с различным соотношением убитых и раненых.

Таким образом, исследование фикций является перспективным направлением уголовно-правовой науки, поскольку контент юридических фикций в уголовном праве не исчерпывается только законодательными фикциями. Осо-

бое место в сфере действия уголовного законодательства занимают правоприменительные фикции, посредством которых Верховный Суд Российской Федерации более или менее успешно пытается устранить недостаточную гибкость уголовно-правовых норм, при этом не подменяя собой законодателя. Обращают на себя внимание неприемлемость сложных правоприменительных фикций, за счет которых следственные и судебные органы лавируют, чтобы не нарушить принцип субъективного вменения при квалификации ряда умышленных преступлений, и достаточная пригодность простых правоприменительных фикций. Определенный интерес в научном плане вызывают и доктринальные фикции, поскольку они нередко выполняют роль научных гипотез и даже аксиом, которым следует доктрина уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаренко Г. В. Теория государства и права : учеб. курс. М., 2006. 176 с.
2. Танимов О. В., Малеев Ю. Н. Фикции в международном праве // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 3–18.
3. Гражданское право : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. Т. 1. 785 с.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. М., 2007. 512 с.
5. Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. 135 с.
6. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология. М., 2016. 304 с.
7. Бородин С. В. Преступления против жизни : моногр. СПб., 2003. 467 с.
8. Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. 898 с.
9. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2005. 1088 с.
10. Тишкевич С. И. Квалификация преступлений против жизни. Минск, 1991. 78 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: комментарий с путеводителем по судебной практике. М., 2021. 1536 с.

REFERENCES

1. Nazarenko G.V. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. kurs* [Theory of state and law: study course]. Moscow, 2006. 176 p.
2. Tanimov O.V., Maleev Yu.N. Fictions in international law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2004, no. 3, pp. 3–18. (In Russ.).
3. *Grazhdanskoe pravo: ucheb: v 2 t. T. 1* [Civil law: textbook: in 2 vols. Volume 1]. Ed. by Sukhanov E.A. Moscow, 1998. 785 p.
4. Kashanina T.V. *Yuridicheskaya tekhnika: ucheb.* [Legal technique: textbook]. Moscow, 2007. 512 p.
5. Pan'ko K.K. *Fiktsii v ugolovnom prave i pravoprimenении* [Fictions in criminal law and law enforcement]. Voronezh, 1998. 135 p.
6. Sitnikova A.I. *Ugolovno-pravovaya tekstologiya* [Criminal law textuology]. Moscow, 2016. 304 p.
7. Borodin S.V. *Prestupleniya protiv zhizni: monogr.* [Crimes against life: monograph]. Saint Petersburg, 2003. 467 p.
8. Popov A.N. *Ubiystvo pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Murder under aggravating circumstances]. Saint Petersburg, 2003. 898 p.
9. *Uchebno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Educational and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Ed. by Zhalinskii A.E. Moscow, 2005. 1,088 p.

10. Tishkevich S.I. *Kvalifikatsiya prestuplenii protiv zhizni* [Qualification of crimes against life]. Minsk, 1991. 78 p.

11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: kommentarii s putevoditelem po sudebnoi praktike* [The Criminal Code of the Russian Federation: commentary with a guide to judicial practice]. Moscow, 2021. 1,536 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА СИТНИКОВА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

ALEKSANDRA I. SITNIKOVA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law of Southwest State University, Kursk, Russia, orcrimpravo@yandex.ru

Статья поступила 29.11.2022

Научная статья

УДК 349.3

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.021

Правовое регулирование правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: юридический конфликт и пути его разрешения

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОФРОНОВ

Союз Вологодская торгово-промышленная палата, Вологда,
Россия, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Аннотация. В статье рассматривается проблема допустимости конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, решение которой находится в плоскости выбора между дозволением и запретом в качестве способа правового регулирования соответствующих общественных отношений. В силу абсолютной противоположности объективных интересов субъектов указанных правоотношений формируется юридический конфликт. Ввиду невозможности устранения противоречий объективных интересов сторон данный юридический конфликт возможно разрешить (преодолеть) лишь путем выбора законодателем способа правового регулирования отношений адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Делается вывод, согласно которому решение о закреплении в нормативных правовых актах дозволения или запрета в качестве способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия между указанными субъектами должно приниматься законодателем, основываясь исключительно на субъективном и волевом выборе приоритета.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальное содействие; адвокат; объективные интересы; конфликт интересов; юридический конфликт; способы правового регулирования.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Софонов Д. Н. Правовое регулирование правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: юридический конфликт и пути его разрешения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 193–204. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.021.

Regulation of Legal Relations of Lawyers' Confidential Assistance to Bodies Conducting Law Enforcement Intelligence Operations: Legal Conflict and Ways to Resolve It

DMITRII N. SOFRONOV

Union Vologda Chamber of Commerce and Industry, Vologda, Russia,
sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Abstract. The article deals with the problem of the permissibility of confidential assistance of lawyers to bodies engaged in law enforcement intelligence operations, which can be solved by choosing between permission and prohibition as a way of legal regulation of relevant public relations. Due to the absolute opposite of objective interests of the subjects of these legal relations, a legal conflict is formed. In view of the impossibility of eliminating contradictions of objective interests of the parties, this legal conflict can be resolved (overcome) only if the legislator determines the method of legal regulation of lawyers' relations with the bodies carrying out law enforcement intelligence operations. The conclusion is made according to which the decision on the consolidation of permission or prohibition in regulatory legal acts as a way of legal regulation of confidential assistance relations between these subjects should be made by the legislator, based solely on subjective and volitional choice of priority.

Keywords: operational investigative activity; confidential assistance; lawyer; objective interests; conflict of interests; legal conflict; methods of legal regulation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sofronov D.N. Regulation of legal relations of lawyers' confidential assistance to bodies conducting law enforcement intelligence operations: legal conflict and ways to resolve it. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 193–204. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.021.

Специфика использования института конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, предполагает, что нормативные правовые акты, регламентирующие соответствующие общественные отношения, должны содержать максимально точные формулировки, исключающие двойственность их толкования, наличие правовых пробелов и юридических коллизий. Однако в силу присутствия в действующем законодательстве подобных проявлений правоприменитель вынужден осуществлять деятельность, руководствуясь собственным усмотрением при трактовке противоречащих друг другу правовых предписаний, не гарантирующим правомерность сделанного выбора и объективность его оценки другими заинтересованными субъектами.

Наиболее полно указанные факторы нашли отражение в сфере правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия лиц, имеющих статус адвоката, с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. При наличии коллизии между ст. 17 Федерального закона от

12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 5 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА) субъектам рассматриваемых отношений приходится действовать в условиях правовой неопределенности. Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ) по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 КПЭА, как представляется, в действительности не внесло ясности [1]. Предложенные варианты поведения адвокатов не решают проблему выбора оптимального способа преодоления рассматриваемой коллизии в силу того, что противоречат как предписаниям указанных федеральных законов, так и непосредственно КПЭА. В свою очередь критические отзывы со стороны адвокатов [2] вызвало Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 № 1397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белюса Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”», в п. 2 которого констатируется, что «оспариваемая норма ограничивает использование содействия лиц, имеющих статус адвоката, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещает использовать их содействие для подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтрактной основе».

В разрешении указанной коллизии, безусловно, заинтересованы все субъекты соответствующих правоотношений. А. А. Петров отмечает, что разграничиваются две формы (вида) разрешения коллизий – субъективное, ситуационное и одномоментное преодоление коллизии и объективное, окончательное ее устранение [3, с. 262]. Как представляется, наиболее актуальным и практически значимым является не столько поиск пути преодоления существующих противоречий в правовом регулировании рассматриваемых общественных отношений, сколько их устранение. В свою очередь, это предполагает необходимость предварительного теоретического осмысления проблемы выбора законодателем способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия адвокатов и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

В юридической литературе отдельные аспекты рассматриваемой проблемы затрагивались в работах В. А. Гусева [4], В. Ф. Луговика и А. Л. Осипенко [5], Р. Г. Мельниченко [6], А. И. Тамбовцева [7] и Н. В. Павличенко [8]. Однако основное внимание в указанных трудах сосредоточено на недостатках действующих нормативно-правовых актов. При этом проблема выбора между дозволением и запретом в качестве способа правового регулирования соответствующих общественных отношений, стоящего перед законодателем, не становилась предметом самостоятельного анализа. Между тем полагаем, что именно в этом направлении следует сконцентрировать усилия научного поиска, позволяющего проработать правовой механизм осуществления этого выбора в условиях существования различных моделей правового регулиро-

вания анализируемых правоотношений при необходимости принятия решения о целесообразности закрепления какой-либо из них в качестве наиболее приемлемой.

При сохранении принципа добровольности установления правоотношений конфиденциального содействия, закрепленного в ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», использование обязывания в качестве способа правового регулирования рассматриваемых общественных отношений не представляется возможным. Как следствие, у законодателя остается выбор между дозволением и запретом, в свою очередь предполагающим необходимость определиться в том, какая из следующих юридических конструкций должна получить закрепление в нормативных правовых актах: дозволенность отношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; допустимость установления правоотношений конфиденциального содействия между указанными субъектами, предусматривающая наличие ограничений; запрет (абсолютный запрет) на оказание адвокатами конфиденциального содействия соответствующим компетентным органам; запрет на установление между указанными субъектами правоотношений конфиденциального содействия, имеющий ограничение его пределов (границ) в виде исключений.

Сложность совершения данного выбора состоит в том, что он происходит в сфере, в которой правовому регулированию подлежат общественные отношения сторон, имеющих противоположные объективные интересы, продиктованные, прежде всего, спецификой правовой природы осуществляемой субъектами деятельности. В данном случае под объективными интересами понимается интерес как явление общественного бытия людей, фиксирующий меры (средства), способствующие упрочению и позитивному изменению социального положения субъекта общественных отношений. В свою очередь, субъективный интерес представляет собой интерес как явление сознания субъекта общественных отношений, «отношение данного субъекта к путям и способам достижения этой цели» [9, с. 53; 10, с. 8–9].

Как отмечено Ю. С. Пилипенко, и правоохранительные органы, и суд, и адвокатура призваны выполнять одну и ту же задачу – способствовать осуществлению правосудия, что в нынешней цивилизационной парадигме означает стоять на страже закона, защиты прав, свобод и интересов граждан, как потерпевших, так и подзащитных [11, с. 16–22]. Однако в силу различия обязанностей и полномочий этих инстанций (субъектов), а также методов выполнения ими указанной задачи их функционал противоположен [11]. В свою очередь, А. Ю. Шумилов полагает, что основное отличие оперативно-розыскной деятельности от адвокатской состоит в их предназначении: «если адвокатская деятельность – средство оказания квалифицированной юридической помощи определенному физическому или юридическому лицу в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, то оперативно-розыскная деятельность – средство защиты (обеспечения безопасности) и человека, и общества, и государства (официально – от преступных посягательств)» [12, с. 63].

В правовых нормах, регулирующих общественные отношения, реализация правовыми средствами объективных интересов конкретного субъекта может быть обеспечена в полном объеме, частично или не обеспечена вовсе. Как отмечено А. Я. Курбатовым, объективные интересы, охраняемые в пределах, в которых их проявление не ограничивается Конституцией и законами, обозначаются как законные (охраняемые законом), при этом основным критерием установления границ удовлетворения интересов определенного лица служат законные интересы других лиц [10, с. 9–10]. Применительно к тематике настоящей статьи автор не ставит цели определить всю совокупность объективных интересов адвокатов и адвокатского сообщества, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Полагаем достаточным конкретизировать основополагающие объективные интересы указанных субъектов, прямо или опосредованно закрепленные в правовых нормах, регламентирующих их правовой статус и осуществляемую ими деятельность.

Содержание предписаний, сформулированных в ч. 5 ст. 6, п. 2 ч. 1 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяет сделать вывод, что институт конфиденциального содействия рассматривается законодателем в качестве одного из инструментов (средств) решения компетентными органами, перечисленными в ч. 1 и ч. 2 ст. 13 указанного законодательного акта, задач оперативно-розыскной деятельности, в свою очередь закрепленных в ст. 2. Согласно законам формальной логики из этого следует, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность объективно заинтересованы в расширении круга лиц, привлечение которых к конфиденциальному содействию дозволено, и, напротив, негативно относятся к сокращению категорий лиц, чье вовлечение в соответствующие правоотношения ограничено или запрещено.

Вместе с тем А. Ю. Шумилов полагает, что пределы правового регулирования имеют тенденцию к расширению, примером чего является ограничение возможности привлечения к оперативно-розыскной деятельности отдельных категорий лиц, в том числе адвокатов, впервые предусмотренное в ч. 3 ст. 15 Закона Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» и получившее закрепление в ч. 3 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом отмечается, что «выделение в запретную зону для оперативных устремлений указанных категорий лиц научно не обосновано», их перечень «не отражает... в должной мере потребности оперативно-розыскной практики» [12, с. 182–183].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и институтом гражданского общества (ч. 1 ст. 3), действующим на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (ч. 2 ст. 3). В ч. 3 ст. 3 закона на органы государственной власти возложена обязанность по обеспечению гарантий независимости адвокатуры, закрепленных в ст. 18. Согласно ч. 1 ст. 5 КПЭА профессиональная независимость адвоката

является необходимым условием доверия к нему. При этом в ч. 1 ст. 6 кодекса акцентировано внимание на том, что доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны.

На основании изложенного в качестве объективных интересов адвокатов и адвокатского сообщества можно определить потребности лиц, имеющих статус адвоката, в обеспечении правовыми средствами их независимости и недопущении совершения как лицами указанной категории, так и в их отношении другими субъектами действий, подрывающих доверие к конкретному адвокату и адвокатуре в целом. Причем конфиденциальное содействие адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, воспринимается представителями адвокатского сообщества как недопустимая ситуация именно в силу того, что подобные отношения подрывают авторитет адвокатуры, ставят «под угрозу само понятие адвокатской деятельности как деятельности, опирающейся на полное доверие между клиентами и их адвокатами» [13], фактически допускают «предательство интересов своего подзащитного» [2]. Как отмечено Р. Г. Мельниченко, любое сомнительное сотрудничество с органами бросает тень как на адвоката, так и на всю корпорацию в целом, и ставит под угрозу имидж адвокатуры как независимого от государства органа [6].

Влияние указанных факторов на позицию законодателя при принятии решения об ограничении правомочий соответствующих компетентных органов по привлечению к конфиденциальному содействию адвокатов не исключается и специалистами в области оперативно-розыскной деятельности. Так, В. Ф. Луговик и А. Л. Осипенко подчеркивают, что «посредством ограничений в работе с конфиденциантами общество пытается обеспечить независимость адвокатов от спецслужб», что важно «для независимости, правовой суверенности и беспристрастности адвокатов, выполняющих значимые общественные функции» [5, с. 83].

Изложенное позволяет констатировать наличие прямого противоречия объективных интересов адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, касающегося оценки дозволенности установления между соответствующими субъектами правоотношений конфиденциального содействия. При этом удовлетворение в полной мере объективных интересов каждой из сторон посредством их отражения в правовых нормах, регламентирующих рассматриваемые общественные отношения, невозможно в силу их взаимоисключаемости. Как следствие, мы имеем дело с юридическим конфликтом, в основе которого лежат противоречия объективных интересов субъектов.

В отечественной юридической литературе отсутствует общепринятое определение юридического конфликта. К наиболее известным относятся понятия, сформулированные В. К. Бабаевым и В. М. Барановым [14, с. 60], Н. А. Власенко [15, с. 21, 22, 35], В. Н. Кудрявцевым [16, с. 7–8], Ю. А. Тихомировым [17, с. 33], Т. В. Худойкиной [18, с. 25; 19, с. 116]. В рамках настоящей статьи мы исходим из того, что юридический конфликт характеризуется наличием следующих критериев: возникает между субъектами, а не « юриди-

ческими предписаниями, нормами, актами» [20, с. 156; 21, с. 10], после чего «трансформируется или переносится в плоскость правоотношений» [17, с. 28]; в его основе лежат противоречия объективных интересов сторон. Последний посыл опирается на тезис, сформулированный А. В. Дмитриевым, который считает, что «какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения противоборствующих сторон, в конечном счете они упираются в их интересы, которые в случае конфликта оказываются несовместимыми или противоположными» [22, с. 67]. Следует отметить, что отдельными авторами указанный подход подвергается критике из-за явного преувеличения роли «интересов в социально-психологическом механизме поведения контрсубъектов» [23, с. 48]. Полагаем, что при всей «сложности и многоаспектности юридического конфликта как социально-правового явления» [17, с. 13–14; 19, с. 89], наличии иных сопутствующих идентификационных критериев рассматриваемого правового явления именно интересы сторон выступают ключевым признаком.

Таким образом, суть рассматриваемого юридического конфликта состоит в том, что дозволение на установление правоотношений конфиденциального содействия между указанными субъектами противоречит объективным интересам адвокатов, а их запрет – объективным интересам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Правовая регламентация рассматриваемых общественных отношений путем обеспечения приоритета реализации объективных интересов одной из сторон, в зависимости от установленных пределов регулирования, неизбежно приводит к абсолютному или частичному ограничению возможности удовлетворения объективных интересов второй стороны. При этом в силу полной противоположности объективных интересов соответствующих субъектов обеспечить их баланс в условиях одновременного закрепления и охраны правовыми средствами невозможно. Это продиктовано тем, что увеличение пределов дозволенного для одной стороны расширяет границы ограничений для другой и рассматривается ею как ущемление ее объективных интересов. В этой связи примирение сторон посредством формулирования правовых предписаний, устраивающих обоих субъектов, не представляется возможным. Как следствие, независимо от выбранного способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, юридический конфликт не устраняется, а тот или иной вариант определения границ должного и запретного отражает лишь степень возможного удовлетворения объективных интересов каждой стороны при сохранении самого юридического конфликта. Как справедливо отмечено Л. К. Жаровой, конфликт является исчерпанным только при условии устранения противоречий в системе отношений, а при их сохранении «явление, определяемое как конфликт, получает иную форму, но, по сути, конфликтом остается» [24, с. 117].

Принимая во внимание указанные факторы, следует констатировать, что в анализируемой сфере правоотношений крайне затруднительно, скорее даже невозможно, создание не только идеальной, но и компромиссной модели

правового регулирования, в равной степени удовлетворяющей объективные интересы обеих сторон.

Следует акцентировать внимание на важном аспекте. Проявление рассматриваемого юридического конфликта в виде коллизии правовых норм, как это имеет место в действующем законодательстве, необязательно. Отсутствие в правовых нормах, регламентирующих соответствующие правоотношения, противоречий не приводит к их устранению в объективной реальности. Специфика объективных интересов состоит в том, что даже при отсутствии их закрепления в правовых актах указанные интересы сохраняют свою действенность и продолжают отражать потребности их носителя. Из этого следует, что даже в случае устранения коллизии действующих правовых предписаний, регулирующих анализируемые общественные отношения, противоречия объективных интересов соответствующих субъектов сохранятся.

С. В. Михайлов полагает, что «процесс реализации, в отличие от самого объективного интереса, есть динамическое (постоянно находящееся в развитии) объективно-субъективное явление», «в зависимости от идеологии общества меняется представление о том, какие интересы заслуживают правовой охраны», поэтому «в качестве ориентира правового регулирования законодатель должен иметь объективные интересы, а не волевые усилия тех или иных социальных субъектов» [25, с. 45–46]. Как уже показано, в силу абсолютной противоречивости объективных интересов адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в сфере рассматриваемых правоотношений, исключающей возможность их устранения, указанные интересы не могут служить единственным и однозначным критерием для выбора способа их правового регулирования.

Учитывая изложенное, в нормотворческой деятельности законодателю следует исходить из посыла о том, что в рассматриваемых общественных отношениях противоречия объективных интересов субъектов не устранимы. В его силах разрешить посредством нормативно-правового регулирования лишь сам юридический конфликт, в основе которого лежат эти противоречия. Следует согласиться с В. В. Севальневым и Е. В. Черепановой в том, что государство не может гарантировать реализацию всех интересов [26, с. 146]. В силу указанных факторов полагаем, что устойчивость правового механизма регулирования соответствующих отношений может быть обеспечена только в том случае, если законодатель будет опираться исключительно на субъективный и волевой выбор способа правового регулирования, основанного на его собственной оценке объективных закономерностей «с учетом специальных экономических, социальных, политических, культурных, исторических и иных условий и потребностей для достижения эффективности (в его понимании) регулирования или иных целей» [27, с. 31–32].

В этом случае юридический конфликт по вопросу о допустимости установления между указанными субъектами отношений конфиденциального содействия разрешается путем использования процедуры, в юридической литературе определяемой как принудительное прекращение противостояния сторон [28, с. 253]. Применительно к анализируемым правоотношениям это

значит, что законодателю при определении способа правового регулирования следует осуществлять выбор между потребностями оперативно-розыскной и адвокатской практики, руководствуясь, прежде всего, собственными представлениями об их приоритетности, а не устремлениями какой-либо из сторон, принимающей наиболее весомые усилия по преимущественному закреплению именно ее интересов в формулировках регулирующих правовых предписаний.

При этом следует понимать, что независимо от сделанного законодателем выбора способа правового регулирования рассматриваемых общественных отношений, подобное решение имеет исключительно ситуационный характер, лишь на какой-то период снижая конфликтный потенциал одной или обеих сторон, не устраняя его вовсе. Сохранение противоречий объективных интересов соответствующих субъектов неизбежно приводит к возобновлению юридического конфликта, который фактически приобретает эффект постоянного присутствия.

Теоретический и практический интерес представляет определение наиболее приемлемой модели правового регулирования отношений конфиденциального содействия между адвокатом и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако это требует детального анализа достоинств и недостатков дозволения и запрета как способов правового регулирования соответствующих общественных отношений, что выходит за рамки предмета рассмотрения настоящей работы и представляется перспективным в качестве самостоятельного исследования.

Учитывая изложенное, полагаем, что в силу абсолютной противоположности объективных интересов адвокатов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, неустранимости юридического конфликта, сформированного указанными факторами, решение о закреплении в нормативных правовых актах дозволения или запрета в качестве способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия между названными субъектами должно приниматься законодателем, основываясь исключительно на его субъективном и волевом выборе приоритета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2016. № 1.
2. Гаспарян Н. Об участии адвоката в ОРМ. Отказ в возбуждении дела в отношении адвоката – участника ОРМ не означает отсутствия в его действиях нарушения КПА // Адвокатская газета. 2018. 21 сент. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018/> (дата обращения: 17.10.2022).
3. Петров А. А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 262–264.
4. Гусев В. А. Участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий // Законодательство и практика. 2020. № 1. С. 14–19.

5. Луговик В. Ф., Осипенко А. Л. О сотрудничестве адвоката с оперативно-розыскными органами // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 81–86.
6. Мельниченко Р. Г. Спор о понятии «негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» // Адвокат. 2013. № 7. С. 5–8.
7. Тамбовцев А. И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 91–100.
8. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Запрет на содействие оперативно-розыскным органам адвокатов: анахронизм или реальная необходимость // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 137–144.
9. Курбатов А. Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности М., 2001. 211 с.
10. Курбатов А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М., 2013. 172 с.
11. Пилипенко Ю. С. Некоторые аспекты взаимоотношений адвокатов с правоохранительными органами и судом // Адвокатская практика. 2007. № 2. С. 16–22.
12. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : моногр. : в 3 т. Москва, 2013. Т. 1. 454 с.
13. Иванов А. Понятия «адвокатура» и «тайный сыск» несовместимы // Адвокатская газета. 2018. 13 июля.
14. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права : краткая энцикл. Н. Новгород, 1997. 200 с.
15. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 99 с.
16. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / О. Л. Дубовик, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1994. Ч. 2. 172 с.
17. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие. М., 2000. 394 с.
18. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 23 с.
19. Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск, 2001. 388 с.
20. Сидоров В. П., Грицкевич Ю. Н. Сможет ли конгруэнтное право заменить коллизионное? // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». 2015. № 2. С. 153–159.
21. Буяков А. Ю. Юридические коллизии и способы их устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 30 с.
22. Основы конфликтологии : учеб. пособие / А. В. Дмитриев, Ю. Г. Запрудский, В. П. Казимирчук [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1997. 200 с.
23. Карташов В. Н., Семенова Н. В. Введение в общую теорию правовой системы общества : текст лекций. Ярославль, 2002. Ч. 8. 144 с.
24. Жарова Л. К. Соотношение юридических конфликтов и юридических коллизий // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 1. С. 110–122.
25. Михайлов С. В. Категория интереса в гражданском (частном) праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 255 с.
26. Севальнев В. В., Черепанова Е. В. Конфликт интересов как правовой феномен в публичной сфере // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 143–151.
27. Прудентов Р. В. Метод правового регулирования: вопросы теории и конституционного права : моногр. М., 2019. 192 с.
28. Бахтанова А. Г. К вопросу о понятии юридического конфликта // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 6 (98). С. 252–256.

REFERENCES

1. Explanation of the Commission of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on Ethics and Standards on the application of Clause 3.1 of Article 9 of the Code of Professional Ethics of a lawyer (approved by the decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of January 28, 2016). In: *Vestnik Federal'noi palaty advokatov Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation]. 2016. No. 1. (In Russ.).
2. Gasparyan N. On the participation of a lawyer in the ORM. Refusal to initiate proceedings against a lawyer participating in the OPM does not mean that there is no violation of the KPEA in his actions. *Advokatskaya gazeta = Lawyer Newspaper*, 2018, September 21. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018/> (In Russ.). (Accessed October 17, 2022).
3. Petrov A.A. Strategies for overcoming collisions in law: concept, types, effectiveness. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2017, no. 11, pp. 262–264. (In Russ.).
4. Gusev V.A. Participation of a lawyer in conducting covert operational search activities. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice*, 2020, no. 1, pp. 14–19. (In Russ.).
5. Lugovik V.F., Osipenko A.L. On cooperation of a lawyer with operational-investigative bodies. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (50), pp. 81–86. (In Russ.).
6. Mel'nichenko R.G. Dispute about the concept of “tacit cooperation of a lawyer with bodies carrying out law enforcement intelligence operations. *Advokat = Advocate*, 2013, no. 7, pp. 5–8. (In Russ.).
7. Tambovtsev A.I. Analysis of legislative prohibitions on confidential assistance of citizens under a contract to the bodies carrying out the ORD. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2013, no. 1 (20), pp. 91–100. (In Russ.).
8. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Legal analysis of the categories of “legal capacity” and “majority” when concluding a contract with an operational investigative body. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 3 (63), pp. 137–144. (In Russ.).
9. Kurbatov A.Ya. *Sochetanie chastnykh i publichnykh interesov pri pravovom regulirovanii predprinimatel'skoi deyatel'nosti* [Combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity]. Moscow, 2001. 211 p.
10. Kurbatov A.Ya. *Zashchita prav i zakonnykh interesov v usloviyakh “modernizatsii” pravovoi sistemy Rossii* [Protection of rights and legitimate interests in conditions of “modernization” of the legal system of Russia]. Moscow, 2013. 172 p.
11. Pilipenko Yu.S. Some aspects of the relationship of lawyers with law enforcement agencies and the court. *Advokatskaya praktika = Lawyer Practice*, 2007, no. 2, pp. 16–22. (In Russ.).
12. Shumilov A.Yu. *Operativno-rozysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monogr: v 3 t. T. 1.* [Law enforcement intelligence science in the Russian Federation: monograph: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow, 2013. 454 p.
13. Ivanov A. Concepts of “advocacy” and “secret investigation” are incompatible. *Advokatskaya gazeta = Advocate Newspaper*, 2018, July 13. (In Russ.).
14. Babaev V.K., Baranov V.M. *Obshchaya teoriya prava: kratkaya entsikl.* [General theory of law: brief encyclopedia]. Nizhny Novgorod, 1997. 200 p.
15. Vlasenko N.A. *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflict of laws norms in Soviet law]. Irkutsk, 1984. 99 p.
16. Dubovik O.L., Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev S.V. *Yuridicheskaya konfliktologiya: v 3 ch. Ch. 2.* [Legal conflictology: in 3 parts: Part 2]. Ed. by Kudryavtsev V.N. Moscow, 1994. 172 p.
17. Tikhomirov Yu.A. *Kollizionnoe pravo: ucheb. i nauch.-prakt. posobie* [Conflict of laws: studies manual]. Moscow, 2000. 394 p.

18. Khudoikina T.V. *Yuridicheskii konflikt: dinamika, struktura, razreshenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal conflict: dynamics, structure, solution: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1996. 23 p.
19. Khudoikina T.V. *Yuridicheskaya konfliktologiya: ot iskhodnykh pozitsii teorii do praktiki razresheniya i preduprezhdeniya yuridicheskogo konflikta* [Legal conflictology: from initial positions of the theory to the practice of resolving and preventing legal conflict]. Saransk, 2001. 388 p. (In Russ.).
20. Sidorov V.P. Can congruent law replace conflict of laws? *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Ekonomika, pravo i upravlenie" = Bulletin of Pskov State University. Series "Economics, Law and Management"*, 2015, no. 2, pp. 153–159. (In Russ.).
21. Buyakov A.Yu. *Yuridicheskie kollizii i sposoby ikh ustraneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal conflicts and ways to eliminate them: Candidate of Sciences (Law)]. Saratov, 1999. 30 p.
22. Dmitriev A.V., Zaprudskii Yu.G., Kazimirchuk V.P. *Osnovy konfliktologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of conflictology: studies manual]. Ed. by Kudryavtsev V.N. Moscow, 1997. 200 p.
23. Kartashov V.N. Semenova N.V. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoi sistemy obshchestva: tekst lektsii. Ch. 8.* [Introduction to the general theory of the legal system of society: text of lectures. Part 8]. Yaroslavl, 2002. 144 p.
24. Zharova L.K. Correlation of legal conflicts and legal collisions. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 1, pp. 110–122. (In Russ.).
25. Mikhailov S.V. *Kategoriya interesa v grazhdanskom (chastnom) prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Category of interest in civil (private) law: Candidate of Sciences (Law)]. Moscow, 2000. 255 p.
26. Seval'nev V.V. Cherepanova E.V. Conflict of interests as a legal phenomenon in the public sphere. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 10, pp. 143–151. (In Russ.).
27. Prudentov R.V. *Metod pravovogo regulirovaniya: voprosy teorii i konstitutsionnogo prava: monogr.* [Method of legal regulation: issues of theory and constitutional law: monograph]. Moscow, 2019. 192 p.
28. Bakhtanova A.G. On the question of the concept of a legal conflict. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tambov State University*, 2011, no. 6 (98), pp. 252–256. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОФРОНОВ – **DMITRII N. SOFRONOV** – Advisor to the President of the Union Vologda Chamber of Commerce and Industry, Russia, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Статья поступила 26.10.2022

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.022

Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХМАТОВ

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, вытекающие из норм федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и связанные с проведением соответствующих мероприятий. Они носят как практический, так и теоретический характер, и их разрешение имеет значение для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Ряд затронутых в статье аспектов ранее выделялся иными учеными, но не был замечен законодателем. Целью работы является привлечение внимания законодателя к вопросам регулирования оперативно-розыскной деятельности, требующим своего разрешения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; проблемы; оперативно-розыскное законодательство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шахматов А. В. Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 205–211. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.022.

Original article

Key Legislative Problems when Conducting Law Enforcement Intelligence

ALEKSANDR V. SHAKHMATOV

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Abstract. The article deals with problems arising from norms of the Federal law “On law enforcement intelligence” and related to the implementation of appropriate measures. They are both practical and theoretical in nature, and their resolution is important for boosting the efficiency of law enforcement intelligence. A number of

aspects touched upon in the article were previously highlighted by other scientists, but were not noticed by the legislator. The purpose of the work is to attract the legislator's attention to the issues of law enforcement intelligence regulation that require their solution.

Key words: law enforcement intelligence operations; law enforcement intelligence; problems; law enforcement intelligence legislation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shakhmatov A.V. Key legislative problems when conducting law enforcement intelligence. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 205–211. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.022.

Различные аспекты оперативно-розыскных мероприятий неоднократно становились как объектом глубокого научного изучения на диссертационном или монографическом уровне, так и предметом исследования в рамках многочисленных статей, в том числе молодых ученых, делающих в науке первые шаги. Относительно подробная законодательная регламентация оперативно-розыскных мероприятий, оснований и условий их проведения дает благодатную почву для рассуждений на эту тему [1]. Однако следует отметить, что как серьезные научные работы, так и интересные предложения, публикуемые в периодической печати, к сожалению, остаются не только невостребованными, но и незамеченными законодателем. Приходится констатировать, что те новации, которые внесены в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», до момента опубликования были неизвестны большинству ученых – представителей теории оперативно-розыскной деятельности и не обсуждались на страницах научных журналов либо в рамках научно-практических конференций. В то же время законодательные проблемы, много лет являющиеся предметом научной дискуссии, до сих пор остаются нерешенными.

В связи с этим представляется необходимым предпринять очередную попытку привлечь внимание законодателя и обозначить основные проблемные вопросы в сфере проведения оперативно-розыскных мероприятий, вытекающие из норм закона и имеющие актуальный характер. Большинство из них, как уже отмечалось, ранее поднимались различными учеными, однако не получили своего разрешения.

В ст. 1 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которая является основополагающей, содержится определение рассматриваемой деятельности, которая осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Перечень оперативно-розыскных мероприятий приведен в ст. 6, носит исчерпывающий характер и включает названия определенных действий, направленных на получение информации. Вместе с тем содержащееся в ст. 1 предписание о способе осуществления оперативно-розыскной деятельности выводит за ее рамки иные действия, носящие оперативный характер. В первую очередь, мы имеем в виду работу оперативных сотрудников с лицами, оказывающими конфиденциальное со-

действие. Эта работа предусмотрена целым рядом статей: ч. 2 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», ст. 17 «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», ст. 18 «Социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность». В связи с вышеизложенным возникают вопросы: если это не оперативно-розыскная деятельность, то почему она регламентируется федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а если это оперативно-розыскная деятельность, то почему нарушается требование закона об ее осуществлении исключительно посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Аналогична ситуация с работой по делам оперативного учета, предусмотренной ст. 10 и представляющей собой некий аналог работы следователя по уголовному делу: комплексная деятельность, включающая в себя планирование, оформление документов, выполнение запланированных мероприятий, в том числе оперативно-розыскных, аналитическую работу и др. Следует признать, что работа по делам оперативного учета носит явно выраженный оперативный характер, однако, согласно определению оперативно-розыскной деятельности, к таковой не относится. Здесь же можно перечислить и иные действия, активно используемые на практике (засада, задержание и др.).

Проблема эта не нова [2, с. 28], но до сих пор не нашла своего разрешения. В частности, В. Ю. Стельмах и П. М. Титов отмечают: «оперативно-розыскное мероприятие должно иметь познавательную направленность. Исходя из этого, нельзя согласиться с авторами, предлагающими ввести в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» такие оперативно-розыскные мероприятия, как засада, вербовочная беседа, оперативные переговоры (переговоры с лицом, осуществившим захват заложников). Предлагаемые виды деятельности сами по себе имеют не познавательный, а организационный характер. Очевидно, что авторы подобных предложений исходят из того, что оперативно-розыскными мероприятиями должны считаться все служебные действия оперативных сотрудников» [3, с. 80]. Рассматривая оперативное внедрение, фактически не соответствующее приведенному тезису, авторы, цитируя работу О. Д. Жука, отмечают, что оно «должно применяться лишь в случае невозможности решения задач оперативно-розыскной деятельности посредством проведения других оперативно-розыскных мероприятий» [3, с. 272]. Однако считаем, что работа с конфидентами, делами оперативного учета и другие действия, используемые исключительно в оперативно-розыскной деятельности, относятся не к оперативно-розыскным, а к организационным мероприятиям, осуществление которых следует включить в содержание оперативно-розыскной деятельности. Исходя из этого, в соответствии с предыдущим законом следует понимать оперативно-розыскную деятельность как «вид деятельности, осуществляемой... посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных организационных действий в целях защиты... от преступных посягательств».

Указанные недостатки носят значимый, однако имеющий более теоретическое, чем практическое значение характер: на практике наличие в законе

норм, предусматривающих работу с конфидентами и делами оперативного учета, позволяет контролирующим и надзирающим органам вполне обоснованно относить указанную деятельность к осуществляемой оперативными подразделениями на законных основаниях. При этом довольно давно возникла и другая проблема, связанная с соответствием декларируемых в федеральном законе целей и задач оперативно-розыскной деятельности, решаемых оперативными подразделениями в процессе служебной деятельности.

Речь идет о том, что оперативно-розыскная деятельность на момент выхода федерального закона решала задачи, выходящие за рамки борьбы с преступностью, а последующие изменения и дополнения оперативно-розыскного законодательства еще более усложнили ситуацию. Об этом неоднократно говорили А. Ю. Шумилов [4, с. 8–9], В. М. Аتماжитов и В. Г. Бобров [5], иные ученые [6]. Действительно, ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, то есть фактических обстоятельств или документов, при наличии которых закон разрешает проведение оперативно-розыскных мероприятий, однако анализ его содержания позволяет легко убедиться в опосредованном отношении ряда оснований к борьбе с преступностью. Так, в соответствии с подп. 4 п. 2 ч. 1 ст. 7 оперативно-розыскные мероприятия возможно проводить при получении информации о без вести пропавших лицах или обнаружении неопознанных трупов, а в соответствии с ч. 2 ст. 7 – для сбора сведений при оформлении допуска к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, допуска к участию в оперативно-розыскной деятельности и т. д. Очевидно, что перечисленные основания лишь частично решают задачу предупреждения преступлений, охватывая более значимую и объемную цель – обеспечение общественной безопасности. Так, например, розыск пропавшего без вести (потерявшего память, больного, малолетнего и др.) имеет, без сомнения, общественно полезный характер, но никак не связан с борьбой с преступностью.

Предпринятые государством меры борьбы с коррупцией повлекли дополнения и изменения законодательства. В Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» была добавлена ч. 3 ст. 7, предусматривающая возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий для проверки сведений о доходах ряда категорий должностных лиц – законопослушных граждан, в отношении которых не поступало информации об их причастности к преступной деятельности (иначе возникают основания для проведения таких мероприятий, предусмотренных ч. 1 ст. 7). Статья 8.1, внесенная в закон в 2008 г., предоставляет возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий для проверочных мероприятий в сфере иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства без каких-либо иных оснований. Наиболее характерным примером стало изменение одной из задач оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 2), которая в настоящее время формулируется как «установление имущества, необходимого для обеспече-

ния приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации». Итак, законодатель фактически признал использование возможностей оперативно-розыскной деятельности в гражданском процессе, однако ее цель (защита от преступных посягательств) не скорректировал. Завершая аргументацию нашей позиции, заметим, что этот процесс продолжается. Вносимыми с 30 марта 2023 г. изменениями в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривается «возможность собирать данные, необходимые для принятия решений... о выдаче (предоставлении), переоформлении, об изъятии и (или) аннулировании лицензий на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия, разрешения на ношение и использование охотничьего оружия, разрешений на хранение, хранение и ношение, хранение и использование оружия и патронов к нему, их ввоз в Российскую Федерацию либо вывоз из Российской Федерации» [7].

В обозначенном контексте невозможно не обратить внимание на еще одну проблему, также неоднократно поднимавшуюся в научной печати, – отсутствие законодательного определения содержания оперативно-розыскных мероприятий. Получается что правоприменитель имеет законное право относительно произвольно толковать их содержание, а объекты оперативно-розыскных мероприятий – граждане, опираясь лишь на описания таких действий, имеющиеся в открытом доступе, не получают возможности оспорить противоправные действия субъектов оперативно-розыскной деятельности. В результате могут возникать неоднозначные по своей нормативной оценке оперативно-розыскные ситуации, например: как правильно оформить приобретение наркотических средств – проверочной закупкой или оперативным экспериментом? какое оперативно-розыскное мероприятие проводится при гласном или негласном изъятии неких объектов – сбор образцов для сравнительного исследования или обследование зданий, помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств, в ходе которого происходит изъятие? требуется ли для такого изъятия согласие лица (владельца или иного ответственного за сохранность изъятого объекта)? Приходится признать, что практика значительно разнится от региона к региону и зачастую зависит от внутреннего убеждения лица, принимающего соответствующее решение.

Ряд специфических проблем существует и в области законодательной регламентации оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок». Так, в частности, отсутствует правовой режим доступа к иным видам тайн, кроме конституционных (то есть закрепленных в Конституции Российской Федерации) и банковской. Анализ действующего законодательства позволяет выделить более тридцати видов тайн: адвокатская, коммерческая, тайна исповеди, врачебная, нотариальная и др. Оперативным подразделениям в целях эффективного решения задач в ряде случаев необходимо получать доступ к сведениям, составляющим, например, врачебную или нотариальную тайну, однако попытки ознакомления с такими сведениями зачастую терпят неудачу из-за отсутствия механизма их предоставления.

Подводя некоторые итоги, следует выделить главное: оперативно-розыскное законодательство, как и любое другое, должно отражать существующее состояние правоприменительной практики. В настоящее время федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», на наш взгляд, этому требованию уже не удовлетворяет, в связи с чем требуется совершенствование законодательного регулирования данной деятельности путем глубокой доработки существующего закона или принятия нового, отражающего все нюансы правоприменительной практики, сложившейся за почти тридцатилетний период существования оперативно-розыскного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агарков А. В. Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ // *Пенитенциарная наука*. 2021. Т. 15, № 1 (53). С. 85–95.
2. Железняк Н. С. К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности // *Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные проблемы теории и практики : материалы науч.-практ. семинара*. М., 2005. С. 27–31.
3. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве : моногр. М., 2020. 344 с.
4. Шумилов А. Ю. О назревшей в теории проблеме разделения прежней оперативно-розыскной и современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сыскалога // *Оперативник (сыщик)*. 2014. № 1 (38). С. 8–17.
5. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. доклад. М., 2003. 24 с.
6. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // *Юридическая наука и правоприменительная практика*. 2015. № 1 (31). С. 109–135.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2022 № 638-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 85.

REFERENCES

1. Agarkov A.V. Russian law enforcement intelligence-gathering legislation: problems and ways to address them, taking into account the experience of some CIS countries. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 1 (53), pp. 85–95. (In Russ.).
2. Zheleznyak N.S. On the question of the correlation of law enforcement intelligence and law enforcement intelligence operations. In: *Operativno-rozysknye meropriyatiya: aktual'nye problemy teorii i praktiki: materialy nauch.-prakt. seminara* [Operational-search activities: actual problems of theory and practice: materials of scientific and practice seminar]. Moscow, 2005. Pp. 27–31. (In Russ.).
3. Stel'makh V.Yu., Titov P.M. *Rezultaty operativno-rozysknykh meropriyatii v ugolovnom sudoproizvodstve: monogr* [Results of law enforcement intelligence in criminal proceedings: monograph]. Moscow, 2020. 344 p.
4. Shumilov A.Yu. On the problem of separation of the pre-existing law enforcement intelligence operations and modern law enforcement intelligence operations in theory: the view of a detective. *Operativnik (syshchik) = Operative (Detective)*, 2014, no. 1 (38), pp. 8–17. (In Russ.).

5. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. *O zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozysknoi deyatel'nosti: nauch. doklad* [On legislative regulation of law enforcement intelligence operations: scientific report]. Moscow, 2003. 24 p.
6. Lugovik V.F. Law Enforcement Intelligence Code of the Russian Federation (author's draft federal law). *Yuridicheskaya nauka i pra-voprimenitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2015, no. 1 (31), pp. 109–135. (In Russ.).
7. On amendments to the Federal Law “On weapons” and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 638-FZ of December 29, 2022. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2023. No. 1. Part 1. P. 85. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХМАТОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

ALEKSANDR V. SHAKHMATOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations in the Bodies of Internal Affairs of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Статья поступила 31.01.2023

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.023

Оперативно-розыскное мероприятие «опрос»: современное понимание

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия,
koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия оперативно-розыскного мероприятия «опрос», сформулированное на основании современных научных разработок и правоприменительной практики, кратко описана правовая основа его проведения. Изложены основные точки зрения на классификацию видов опроса с позиции их гласности. Даны рекомендации по использованию результатов опроса в уголовном процессе в качестве доказательства.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; оперативные подразделения; опрос; уголовный процесс; доказательства.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н. Оперативно-розыскное мероприятие «опрос»: современное понимание // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 212–218. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.023.

Original article

Law Enforcement Intelligence “Survey”: Modern Understanding

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract. The article examines the content of the concept of law enforcement intelligence “survey”, formed on the basis of modern scientific developments and law enforcement practice, briefly formulates the legal basis for its conduct. Key points of view on the classification of survey types from the position of their publicity are presented. Recommendations are given on the use of the survey results in criminal proceedings as evidence.

Keywords: law enforcement intelligence; operational units; survey; criminal proceedings; evidence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N. Law enforcement intelligence "survey": modern understanding. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 212–218. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.023.

Опрос – одно из самых распространенных оперативно-розыскных мероприятий в деятельности оперативных сотрудников. Как следствие, различные аспекты его подготовки и проведения регулярно становятся предметом научного исследования. Однако в силу фрагментарности законодательного регулирования опроса научные позиции относительно его содержания и примеры правоприменительной практики отличаются многообразием, в связи с чем изложим свою точку зрения относительно современного понимания данного мероприятия.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» перечисляет оперативно-розыскные мероприятия, но не дает их определений. Проведенный нами научный поиск обнаружил более тридцати различных определений опроса. Не останавливаясь на подробном анализе каждого из них, в рамках обобщения их содержания можно заключить, что опрос – это сбор (получение или добывание) фактической информации, значимой для решения конкретных (как правило, локальных) задач оперативно-розыскной деятельности, определенных ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», со слов опрашиваемого физического лица, которое реально или вероятно располагает ею. Вместе с тем следует отметить, что сбор оперативной информации является общей целью всех оперативно-розыскных мероприятий, в связи с чем для выделения наиболее характерных признаков опроса следует конкретизировать его определение: опрос – непосредственное или опосредованное общение оперативного сотрудника или иного лица, действующего по его поручению, с лицом, возможно располагающим оперативной информацией.

Почему в определении опроса предусматривается как непосредственное, так и опосредованное общение? В устоявшейся формулировке опрос – непосредственная беседа. Что в таком случае представляет собой опосредованное общение? Ответ кроется в значительно изменившихся за последние годы условиях и возможностях межличностного общения. С развитием микроэлектронной техники практически у каждого человека появился мобильный телефон (а зачастую и не один), сочетающий в себе функции собственно телефона, миникомпьютера, справочника, навигатора и т. д. В нашу жизнь вошли незнакомые ранее слова: «мессенджер», «соцсеть», «видео-конференц-связь» и др. В итоге, люди не только стали намного реже встречаться для личного общения, но и перезваниваться между собой, поскольку используют в этих целях обмен текстовыми сообщениями, аудио- или видеопосланиями. Очевидно, что, включившись в такое общение, оперативный сотрудник или иное лицо, действующее по его поручению, становится субъектом опроса.

Оперативный сотрудник в любом случае является субъектом опроса как лицо, которое уполномочено на проведение оперативно-розыскных меропри-

ятий, независимо от того, проводится ли опрос лично либо с помощью иных лиц, например внештатных сотрудников или конфиденентов, которые выступают в качестве дополнительных субъектов. В случае участия в опросе конфиденентов подобные действия могут рассматриваться как элемент агентурного метода или оперативного внедрения, ввиду чего официальное использование получаемой в ходе такого общения информации практически исключается.

Профессор А. Ю. Шумилов выделял так называемый сложный субъект данного оперативно-розыскного мероприятия, включающий в свой состав, помимо оперативника и оказывающих ему помощь лиц, тех участников судопроизводства, которые дают разрешение на опрос следующих категорий участников уголовного судопроизводства:

- подозреваемого, содержащегося под стражей. Его опрос возможен только с разрешения соответствующего субъекта уголовного процесса (следователя, дознавателя, судьи), в производстве которого находится уголовное дело (ч. 2 ст. 95 УПК РФ);

- обвиняемого (по поручению следователя или дознавателя). Опрос допустим только при соблюдении норм УПК РФ (присутствие адвоката и др.) [1, с. 223–224].

Проведение опроса, как известно, предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, отдельные моменты, связанные с его осуществлением, получили отражение в ст. 5, 7 и 8, п. 1 ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 17 данного закона. Наряду с этим для реализации результатов опроса в уголовном процессе применяют положения межведомственной Инструкции, утвержденной приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Опрос не требует предварительного разрешения на проведение, то есть оперативный сотрудник самостоятельно определяет наличие законных оснований, указанных в ст. 7 закона, и сам его осуществляет в зависимости от конкретных задач.

Следует подчеркнуть, что в процессе судебного разбирательства устанавливается в том числе соответствие источника представляемой в уголовный процесс оперативной информации порядку ее получения. Как уже отмечалось, информация, получаемая в ходе опроса конфидентом, является результатом оперативно-розыскной деятельности и может быть предоставлена в органы предварительного расследования или в суд только после процедуры рассекречивания.

Ряд предписаний, регламентирующих проведение опроса и оформление его результатов, содержатся в ведомственных нормативных правовых актах, которые носят закрытый характер и не могут быть рассмотрены в рамках данной публикации.

Таким образом, следует обратить внимание на крайне лапидарное правовое регулирование опроса, что обуславливает наличие значительного числа

научных позиций, касающихся его сущности и содержания, а также относительную свободу правоприменительной практики.

С учетом ограниченного объема статьи считаем целесообразным сосредоточиться лишь на одной из характерных особенностей опроса – степени его негласности.

Профессор О. С. Кучин отмечает, что в науке оперативно-розыскной деятельности опрос подразделяется на гласный (официальный), зашифрованный и негласный [2, с. 30]. Профессор А. Е. Чечетин высказал более прагматичную позицию о том, что важное значение имеет деление оперативно-розыскных мероприятий по признаку гласности проведения на мероприятия, проводимые как гласно, так и негласно, и на мероприятия, проводимые только негласно. Такая классификация впервые упоминалась в Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» под редакцией П. Г. Пономарева, использовалась А. Ю. Шумиловым, а затем получила развитие в Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» Омской академии МВД России и работе В. Г. Боброва [3, с. 23]. Таким образом, рассматриваемую классификацию профессор считает общепризнанной [4, с. 61–62]. Эту же позицию разделял и профессор Д. В. Ривман [5, с. 85].

Наряду с этим профессор Е. С. Дубоносов выделяет гласный, зашифрованный, негласный опрос и опрос с использованием полиграфа [6, с. 257]. Аналогичную позицию высказывают В. К. Зникин и М. В. Кондратьев, которые подчеркивают, что «опрос может быть открытым (гласным), зашифрованным и тайным (негласным)» [7, с. 127].

Ранее мы придерживались точки зрения, согласно которой опрос как оперативно-розыскное мероприятие имеет несколько разновидностей. В зависимости от целей, условий и личности опрашиваемого лица он может проводиться гласно или негласно, с зашифровкой цели его проведения или без таковой. Указанные виды опроса используются в различных комбинациях, образующих соответствующие подвиды:

- 1) гласный без зашифровки цели;
- 2) гласный с зашифровкой цели;
- 3) негласный без зашифровки цели;
- 4) негласный с зашифровкой цели [8, с. 293–294].

Помимо гласного и негласного опроса практикой выработан ряд дополнительных приемов и способов, предусмотренных федеральным законом и изложенных в открытой литературе по проблемам теории оперативно-розыскной деятельности. Так, например, не противоречит нормам закона проведение опроса с использованием мер конспирации, неразглашением (без расшифровки) опрашивающим своей личности, статуса либо участием его в беседе в качестве лица, которым он фактически не является [9, с. 88]. Это вытекает из ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», наделяющей оперативных сотрудников правом использования в целях конспирации документов, зашифровывающих личность должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также

личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

Кроме того, особым видом является опрос с использованием полиграфа, который требует привлечения соответствующих специалистов, специальных технических средств и дополнительной правовой регламентации.

Резюмируя вышеизложенное, приведем авторскую классификацию опроса:

1) гласный опрос, проводимый без зашифровки цели и с ее зашифровкой, а также с применением полиграфа;

2) негласный опрос, проводимый без зашифровки цели и с ее зашифровкой, а также с использованием сведений и документов, зашифровывающих личность субъектов опроса (легендированный опрос).

Следует отметить, что опросы проводятся оперативными сотрудниками практически ежедневно, однако необходимо отличать опрос от обычной беседы с тем или иным фигурантом. Оперативно-розыскное мероприятие «опрос» начинается в том случае, когда появляются основания для его проведения. Как правило, это сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении. Поэтому довольно часто возникают ситуации, при которых обычный непринужденный разговор, в ходе которого начинает поступать ценная информация, постепенно и незаметно для собеседника переходит в опрос.

Необходимо также отметить, что, с одной стороны, при проведении опроса нет необходимости соблюдать требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законодательством к проведению допросов, однако результаты опросов являются результатами оперативно-розыскной деятельности и, как и прочие их категории, могут и должны быть использованы в уголовном процессе. Как показывает практика, результаты опросов весьма активно используются в уголовном судопроизводстве. Так, по данным В. К. Зникина и М. В. Кондратьева, по преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, результаты данного оперативно-розыскного мероприятия использовались в качестве доказательства по всем без исключения уголовным делам [7, с. 129].

Если опрос оформляется в виде объяснения, заявления или протокола явки с повинной, то такой документ (наряду с другими материалами) может быть использован в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела либо в качестве основы для получения доказательств по уже возбужденному уголовному делу. В этих случаях опрошенные лица допрашиваются следователем или дознавателем в качестве участников уголовного судопроизводства.

При оформлении результатов опроса рапортом или справкой оперативника полученные сведения могут использоваться преимущественно в качестве ориентирующей информации при выдвижении версий, планировании расследования, а также в качестве источника сведений о лице, обладающем определенной информацией. Эти материалы при необходимости также могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве «иных доку-

ментов» (ст. 84 УПК РФ). Приобщаемые к уголовному делу документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К последним относятся материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, а также иные носители информации, содержащие получаемые данные. В зависимости от тактики проведения опроса они могут быть получены как открыто, так и в тайне от опрашиваемого.

В заключение еще раз обратим внимание на ряд положений, изложенных выше:

1. Опрос – непосредственное или опосредованное общение оперативного сотрудника или иного лица, действующего по его поручению, с фигурантом, возможно располагающим оперативной информацией.

2. Опрос может проводиться как при непосредственном контакте с опрашиваемым, так и опосредованно, с использованием технических средств.

3. Опрос, в соответствии с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и современной правоприменительной практикой, возможно разделить на гласный, проводимый без зашифровки цели и с ее зашифровкой, а также с применением полиграфа; негласный, проводимый без зашифровки цели и с ее зашифровкой, а также с использованием сведений и документов, зашифровывающих личность субъектов опроса (легендированный опрос).

4. Результаты опроса активно используются в уголовном процессе, однако с целью недопущения утраты доказательств необходимо предоставлять их в орган предварительного расследования в соответствии с процедурой, предусмотренной требованиями межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. в 2 т. / Е. С. Недосекова и др. ; под ред.: А. Ю. Шумилова. Люберцы, 2020. Т. 1: Общая часть. С. 223–224.
2. Кучин О. С. Когда результаты оперативно-розыскного мероприятия «опрос» могут быть доказательствами по уголовному делу // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 4 (9). С. 28–31.
3. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция. М., 2003. 46 с.
4. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : моногр. М., 2006. 180 с.
5. Ривман Д. В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб, 2003. 235 с.
6. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. и практикум для приклад. бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 477 с.
7. Зникин В. К., Кондратьев М. В. Организационно-правовые и прикладные аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств // *Вестник Кузбасского института*. 2020. № 3 (44). С. 122–140.
8. Яковец Е. Н. О содержании оперативно-розыскных мероприятий «опрос» и «наведение справок» // *Научный журнал «Эпомен»*. 2020. № 49. С. 290–308.

9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. В. С. Овчинский] ; вступ. ст. В. Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2020. 576 с.

REFERENCES

1. Nedosekova E.S. et al. *Osnovy operativno-razysknoi deyatel'nosti: ucheb. v 2 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Fundamentals of operational investigative activity: studies. in 2 vols.]. Ed. by Shumilov A.Yu. Lyubertsy, 2020. Pp. 223–224.
2. Kuchin O.S. When the results of the operational-search measure “questioning” may be evidence in a criminal case. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2020, no. 4 (9), pp. 28–31. (In Russ.).
3. Bobrov V.G. *Ponyatie operativno-rozysknogo meropriyatiya. Osnovaniya i usloviya provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatii: lektsiya* [The concept of operational search event. Grounds and conditions for conducting operational search activities: lecture]. Moscow, 2003. 46 p.
4. Chechetin A.E. *Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknykh meropriyatii: monogr.* [Topical problems of the theory of operational investigative measures: monograph]. Moscow, 2006. 180 p.
5. Rivman D.V. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu “Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti”* [Commentary on the Federal Law “On law enforcement intelligence operations”]. Saint Petersburg, 2003. 235 p.
6. Dubonosov E.S. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost': ucheb. i praktikum dlya priklad. bakalavriata* [Law enforcement intelligence operations: textbook]. Moscow, 2016. 477 p.
7. Znikin V.K., Kondrat'ev M.V. Organizational, legal and applied aspects of the operational search activity “survey” in the detection, suppression and disclosure of crimes related to the illegal sale of narcotic drugs. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 3 (44), pp. 122–140. (In Russ.).
8. Yakovets E.N. On the content of operational search activities “survey” and “making inquiries”. *Nauchnyi zhurnal “Epomen” = Epomen Scientific Journal*, 2020, no. 49, pp. 290–308. (In Russ.).
9. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu “Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti”. S prilozheniem reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii i obzorov praktiki Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Commentary to the Federal Law “On law enforcement intelligence operations. With the appendix of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of Human Rights]. Ed. by Ovchinskii V.S. Moscow, 2020. 576 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного и финансового права Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Статья поступила 15.01.2023

Научная статья

УДК 34.03

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.024

К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИРОНОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

Аннотация. В статье анализируется законодательство и правоприменительная практика в сфере реализации исковых требований потерпевших, которые не были применены на досудебной и судебной стадиях в рамках гражданского иска в уголовном деле. Рассмотрены возможности по трудовому устройству осужденных к лишению свободы как источнику средств для погашения исковых требований, а также перспективы реализации исковых требований после освобождения из исправительного учреждения с учетом развития и корректировки норм УК РФ, судебной практики в данной сфере и введения службы пробации в Российской Федерации.

Ключевые слова: исковые требования; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; трудоустройство осужденных к лишению свободы; постпенитенциарная пробация; возмещение ущерба в уголовном деле.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Мионов А. В. К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 219–228. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.024.

Original article

On the Issue of Satisfying Victims' Claims when Imposing Punishment in the Form of Imprisonment on the Perpetrator

ALEKSEI V. MIRONOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

Abstract. The article analyzes legislation and law enforcement practice in the field of satisfying victims' claims, which were not applied at pre-trial and judicial

stages in the framework of a civil claim in a criminal case. It considers possible employment of persons sentenced to imprisonment as a source of funds for the repayment of claims, as well as prospects for satisfying claims after release from a correctional facility, taking into account the development and amendment of norms of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice in this area and the introduction of probation service in the Russian Federation.

Keywords: claims; conditional early release from serving a sentence; employment of persons sentenced to imprisonment; post-penitentiary probation; compensation for damages in a criminal case.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Mironov A.V. On the issue of satisfying victims' claims when imposing punishment in the form of imprisonment on the perpetrator. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 219–228. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.024.

Проблема возмещения ущерба, причиненного совершенными преступлениями, восстановления социальной справедливости и защиты нарушенных прав потерпевших продолжает оставаться актуальной на протяжении долгого времени [1, с. 3–8].

Согласно данным статистики в Российской Федерации в рамках уголовного процесса потерпевшими признаны 1,376 млн чел. (в 2020 г. – 1 617 177, в 2019 г. – 1 573 096, в 2018 г. – 1 651 033, в 2017 г. – 1 787 911). Ущерб от преступлений составил в 2021 г. 659,2 млрд руб., при этом добровольно было возмещено лишь 44,6 млрд руб. (в 2020 г. – 44,6 из 627,7 млрд руб., в 2019 г. – 63,5 из 563 млрд руб., в 2018 г. – 43,3 из 408,5 млрд руб., в 2017 г. – 43,1 из 563,6 млрд руб.) [2].

Наряду с этим результативность исполнения приговора суда в части гражданского иска остается достаточно низкой. Так, на практике в 2021 г. окончено исполнительных производств на сумму 70 114 646 руб. (в 2020 г. – 61 124 000 руб., в 2019 г. – 58 655 645 руб., в 2018 г. – 64 014 787 руб., в 2017 г. – 54 785 124 руб.) [3].

Оценивая общие масштабы ущерба от преступлений, следует сказать, что в целом их суммы остались практически без изменений: так, в 2015 г. – около 21 млрд руб., в 2020 г. – около 20,2 млрд руб. Кроме того, следует отметить такую положительную тенденцию, как погашение исковых требований до суда. По сравнению с 2015 г. в 2020 г. данная сумма возросла в два с лишним раза (с 4 млрд до 9 млрд руб.). Кроме того, в 2015 г. сумма ущерба, которая оставалась к погашению осужденными, составила около 16 млрд руб., а в 2020 г. – 19,5 млрд руб. В органы уголовно-исполнительной системы России направлено исполнительных документов на сумму около 183 млн руб. [4, с. 67; 5, с. 68–73; 6, с. 139].

Эффективность исполнения приговора в части обеспечения исковых требований потерпевших именно на стадии отбывания наказания в исправительном учреждении напрямую определяется наличием источников дохода

осужденных (заработной платы и иных средств, находящихся на их лицевых счетах).

Проблематичным представляется исполнение в полном объеме исковых требований по исполнительным листам даже для трудоустроенных осужденных [7].

В соответствии со ст. 103 УИК РФ каждый осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией. В современных условиях не все исправительные учреждения имеют эффективно функционирующие собственные производства или центры трудовой адаптации, которые способны обеспечить всех осужденных работой.

В целом основными проблемными вопросами, возникающими в процессе трудоустройства осужденных к лишению свободы, являются: отсутствие специальности или наличие невостребованной специальности; физический и моральный износ основных фондов производственного сектора, что препятствует выпуску конкурентоспособной продукции; отсутствие производственных заказов; увеличение численности осужденных, не подлежащих привлечению к труду из-за наличия хронических заболеваний.

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе функционируют около 20 федеральных государственных унитарных предприятий, осуществляющих различные виды деятельности, однако их потенциал в трудовой адаптации осужденных недостаточен по причине использования менее 1 % осужденных, привлекаемых к труду [8, с. 594]. Приносящая доход деятельность осуществляется сегодня в 652 учреждениях (включая исправительные колонии, колонии-поселения, тюрьмы, лечебно-исправительные, лечебно-профилактические учреждения и воспитательные колонии) [9].

Например, по официальным данным ФСИН России, в местах лишения свободы трудоустроены около 136 тыс. осужденных [6, с. 139]. Но если учесть, что по состоянию на 1 ноября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 439 453 чел., то как минимум треть из них не работает. При этом в качестве результата совершенствования производственно-хозяйственной деятельности в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. заявлено увеличение доли трудоустроенных лиц к 2030 г. до 85 %.

Вместе с тем размер исковых требований, подлежащих возмещению, может составлять от нескольких десятков тысяч рублей до миллиона и более. В свою очередь, размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших ее, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 28.05.2022 № 973 с 1 июня 2022 г. он установлен в сумме 15 279 руб. в месяц. При этом в реальности осужденные к лишению свободы обычно получают до 7 тыс. руб. в месяц. Если они трудятся в исправительных центрах на крупных предприятиях, отбывая наказание в виде принудительных работ, то зарплата может достигать до 15 тыс. руб. [10].

Таким образом, в течение определенного времени осужденный к лишению свободы, решивший добросовестно начать возмещать причиненный своим

преступлением ущерб, может рассчитывать исключительно на свои способности и ресурсные возможности производственно-хозяйственной базы исправительного учреждения [11].

На первый взгляд, на фоне общих масштабов ущерба указанная выше сумма, обращенная к взысканию в период отбывания наказания, выглядит достаточно скромно, однако необходимо учитывать целый ряд факторов, о которых уже неоднократно упоминалось в научной литературе: низкий заработок осужденных из-за низкой квалификации; низкая себестоимость продукции, произведенной на предприятиях уголовно-исполнительной системы, в том числе обусловленная ее качеством; высокая степень износа основных производственных средств (станков, прессов, швейных машин и т. п.); труд осужденных является в основном малоквалифицированным, технологический уровень производства в местах лишения свободы не может конкурировать с производством на современных предприятиях.

Применительно к оценке ситуации в сфере реального возмещения ущерба осужденными в период отбывания лишения свободы следует привести результаты исследований, проведенных в рамках подготовки Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)». Так, из 133,9 тыс. осужденных, имеющих исполнительные листы, погашали иски 63,8 %, из которых к труду привлечено 71,2 тыс. чел.

Анализ статистических показателей о судимости в России позволяет сделать ряд выводов относительно возможностей по организации трудовой занятости осужденных в исправительном учреждении. Так, например, данные за последние 12 лет свидетельствуют, что в целом число осужденных лиц трудоспособного возраста (от 29 до 50 лет) стабильно превышает 350 тыс. чел. Количество лиц, имеющих рабочие специальности, являющихся работниками сельского хозяйства и служащими, ежегодно превышало 150 тыс. чел., а нетрудоспособных – около 20 тыс. чел. [12]. Таким образом, нельзя говорить о том, что в местах лишения свободы содержатся исключительно лица, не обладающие минимально необходимыми трудовыми навыками.

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что организация труда в условиях лишения свободы остается одним из основных факторов, оказывающих влияние на эффективность возмещения ущерба, причиненного преступлениями.

Вполне естественно, что решение данной проблемы не исчерпывается только производственно-хозяйственным сектором. Данная проблема носит комплексный, организационный и экономико-правовой характер. Как уже неоднократно отмечалось, уголовно-исполнительная система – это система, которая функционирует во взаимосвязи с иными государственными институтами, а не существует изолированно от них. Проблемы пенитенциарной службы требуют внимания именно на высоком управленческом уровне (с участием, например, Минрегионразвития России).

Решение проблемы охвата осужденных, имеющих исполнительные листы, оплачиваемым трудом должно заключаться, на наш взгляд, в расширении сотрудничества ФСИН России и коммерческих предприятий. Это необходимо

для того, чтобы по истечению определенного времени и при установлении невозможности взыскать имеющийся долг судебным приставом-исполнителем осужденный не был признан безнадежным. Для привлечения инвестиций и реанимирования производства в учреждениях, восстановления и закупки современных производственных мощностей необходимо проведение целенаправленной государственной политики по предоставлению льготного режима налогообложения и создания облегченных условий кредитования для предпринимателей, готовых сотрудничать с учреждениями УИС.

Таким образом, на этапе отбывания наказания в виде лишения свободы вероятность реализации исковых требований потерпевших очень мала.

В контексте выбранной нами проблемы полагаем, что заслуживает внимания и институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, который применяется и к лишению свободы.

С 2001 по 2014 г. было принято 12 федеральных законов, вносящих поправки в ст. 79 УК РФ, и два федеральных закона, касающихся ст. 93 УК РФ (условно-досрочное освобождение лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте).

В 2010–2017 гг. было принято не менее восьми федеральных законов, вносящих изменения в уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство и направленных на повышение эффективности рассматриваемого межотраслевого института.

Попытки одновременного решения проблем условно-досрочного освобождения сразу во всех правовых отраслях неизбежно приводят к появлению коллизий и противоречий, а формулировки законодателя далеко не всегда позволяют с достаточной определенностью понять его замысел [13, с. 78–85].

Анализ научной дискуссии [14, с. 79–84; 15, с. 195], данных статистики позволяет говорить о том, что на этапе решения вопроса о применении судом условно-досрочного освобождения в контексте реализации исковых требований потерпевших возможно выделить ряд характерных вариантов развития событий, при которых формально сохраняется возможность осужденного претендовать на применение данного института, однако в отношении возмещения ущерба им не предпринимается достаточно усилий [16, с. 111–117; 14, с. 79–84]. Речь идет о той категории осужденных к лишению свободы, которые начинают трудоустраиваться только за год или полгода до срока, отбытие которого дает основания претендовать на условно-досрочное освобождение и, соответственно, частично гасить долг. Это связано с тем, что факт совершения осужденным действий по возмещению причиненного ущерба учитывается комиссиями исправительных учреждений и впоследствии судом при вынесении решения об условно-досрочном освобождении. При этом очевидно, что ущерб за короткий срок, как правило, не выплачивается и, возможно, не будет выплачен и после освобождения.

При этом исходя из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», в котором анализируются вопросы судебной

практики об условно-досрочном освобождении, следует, что суд не вправе отказать только на том основании, что ущерб возмещен лишь в незначительном размере в силу объективных причин. Незначительность выплат должна быть вызвана состоянием здоровья, которое препятствует работе, или отсутствием в исправительном учреждении работы для осужденных.

Вторым негативным для потерпевшего сценарием следует признать тот, при котором, согласно ч. 1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ, формально признается условие о возмещении вреда выполненным, даже если он возмещен частично. При этом само понятие частичного возмещения вреда имеет оценочный характер. В этой связи на практике не исключаются случаи, когда осужденный перед направлением ходатайства перечислит в пользу потерпевшего незначительную сумму, чтобы соблюсти это условие формально [17]. Таким образом, риск неисполнения исковых требований потерпевшего при применении условно-досрочного освобождения сохраняется.

В этой связи считаем возможным согласиться с мнением авторов, полагающих, что основанием для применения условно-досрочного освобождения не могут быть только данные, свидетельствующие о примерном поведении лица в исправительном учреждении. Условно-досрочное освобождение должно быть доступным каждому осужденному, но должны быть конкретными и учитываемыми критерии, в противном случае дискуссионным остается вопрос судебного усмотрения [8, с. 594]. Нельзя не согласиться с тем, что оценка и учет судами степени исправления осужденного также повышает вероятность судебного усмотрения. Несмотря на длительную дискуссию о целесообразности учета степени исправления осужденного с позиции защиты нарушенных имущественных прав потерпевших полагаем, что требуется пересмотр подходов к применению данного понятия в вопросах применения условно-досрочного освобождения. Считаем, что предложение об исключении данного понятия как основания для применения условно-досрочного освобождения и закрепления фактически действующего принципа целесообразности заслуживает внимания и дальнейшего изучения. Судом должны учитываться факты, характеризующие поведение в период отбывания наказания, данные психологического и социального прогноза в отношении осужденного. В качестве одной из форм выражения примерного поведения освобождаемого должно остаться его положительное отношение к труду, социально полезной деятельности и стремление к повышению квалификации. Также к предмету оценки со стороны судов следует отнести вопросы условий жительства лица, его трудоустройства, источники возмещения ущерба и другие сведения, подтверждающие наличие позитивных социальных установок лица и его жизненных планов.

В контексте изложенных выше рассуждений открытым для дискуссии остается вопрос необходимости восстановления такой меры, как привлечение освобождающегося по условно-досрочному освобождению к труду путем официального трудоустройства. Полагаем, что в современных социальных и экономических условиях должны быть заново рассмотрены и оценены перспективы применения данной меры. Такой подход, на наш взгляд, должен

учитывать содержание ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации «Запрещение принудительного труда» в целом, но в то же время иметь в виду, что принудительный труд не включает в себя работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров.

В этой связи заслуживает внимания со стороны ученых, представителей судейского сообщества вопрос об эффективности применения положений ч. 2 ст. 79 УК РФ, согласно которой, применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, которые должны им исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания. Часть 5 ст. 73 УК РФ гласит, что суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. Таким образом, в перспективе это создаст условия для наличия официального источника заработка освобожденного лица и, как следствие, источника обращения взыскания по исполнительному листу.

К сожалению, вопросы контроля за соблюдением данной обязанности еще предстоит решить, так как служба пробации, о формировании которой в России достаточно давно ведутся дискуссии [18; 19], только начинает создаваться. Само понятие «пробация» включает в себя ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию, защиту прав и законных интересов указанных лиц, то есть речи о контроле за поведением лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в части соблюдения ими обязанностей, вытекающих из применения условно-досрочного освобождения и реализации требований по исполнительным листам, снова не идет. К тому же Федеральная служба судебных приставов не наделена такими полномочиями, равно как и полиция, поскольку ст. 2 и 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» не учитывают специфику условно-досрочного освобождения и исполнения исковых требований потерпевших после освобождения с учетом обязанностей, возложенных судом (в частности, трудоустройство и наличие обязательного источника заработка).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровин В. В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве: международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 31 с. URL: https://mgimo.ru/files/145920/aftorel_dubrovin.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
2. Соблюдение и защита права потерпевших в уголовном процессе : тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2020. 64 с. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LowRes.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
3. Правовая статистика. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2019 года : информац.-аналит. сб. Тверь, 2022. 391 с.

5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2015 года : информац.-аналит. сб. Тверь, 2016. 432 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2021 г. : информац.-аналит. сб. Тверь, 2022. 518 с.
7. Матвеев Е. К проблеме организации взыскания задолженности с лиц, отбывающих уголовные наказания. URL: https://pravovsem59.ru/pravovoe-prosveshchenie/analitika/k-probleme-organizatsii-vzyskaniya-zadolzhennosti-s-lits-otbyvayushchikh-ugolovnye-nakazaniya-_1531367948/ (дата обращения: 23.12.2022).
8. Чернышов И. Н. Анализ недоиспользования труда осужденных в различных видах исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2020. № 4. С. 594–606.
9. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 10.01.2023).
10. ФСИН сообщила о зарплатах в 220 тыс. руб. у осужденных. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2021/60aeecac9a7947178ce8708d> (дата обращения: 10.11.2021).
11. И вновь срока огромные идут в работы длинные. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4818553> (дата обращения: 01.08.21).
12. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.12.2022).
13. Скиба А. П., Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения. Улан-Удэ, 2020. 124 с.
14. Ефремов Р. С. Возмещение вреда как обязательное условие для применения условно-досрочного освобождения от уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 79–84.
15. Разумова И. В. Возмещение ущерба потерпевшим осужденными, отбывающими уголовные наказания в виде лишения свободы // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 195–196.
16. Упоров Д. А. Деликтоспособность осужденных, содержащихся в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 111–117.
17. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Псковского областного суда № 22-870/2020 от 23 декабря 2020 г. по делу № 4/1-185/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gcYmEvSEtXZd/> (дата обращения: 10.01.2023).
18. Голодов П. В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 14. С. 81–89.
19. Хуторская Н. Быть или не быть... пробации в России? // Преступление и наказание. 2008. № 4. С. 48–49.

REFERENCES

1. Dubrovin V.V. *Grazhdanskii isk i drugie instituty vozmeshcheniya vreda ot prestuplenii v ugolovnom sudoproizvodstve: mezhdunarodnyi, zarubezhnyi, otechestvennyi opyt pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil suit and other institutions of compensation for damage from crimes in criminal proceedings: international, foreign, domestic experience of legal regulation: Candidate of Sciences (dissertation abstract)]. Moscow, 2010. 31 p. Available at: https://mgimo.ru/files/145920/aftoref_dubrovin.pdf (accessed January 10, 2023).
2. *Soblyudenie i zashchita prava poterpevshikh v ugolovnom protsesse: tematicheskii doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii* [Observance and protection of the rights of victims in criminal proceedings: thematic report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. Moscow, 2020. 64 p. Available

- at: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LowRes.pdf (accessed January 10, 2023).
3. *Pravovaya statistika* [Legal statistics]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (accessed January 10, 2023).
 4. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, yanvar'–dekabr' 2019 goda: informats.-analit. sb.* [Key indicators of the penal system performance, January–December 2019: information and analytical collection]. Tver, 2022. 391 p.
 5. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, yanvar'–dekabr' 2015 goda: informats.-analit. sb.* [Key indicators of the penal system performance, January–December 2015: information and analytical collection]. Tver, 2016. 432 p.
 6. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, yanvar'–dekabr' 2021 g.: informats.-analit. sb.* [Key indicators of the penal system performance, January–December 2021: information and analytical collection]. Tver, 2022. 518 p.
 7. Matveev E. *K probleme organizatsii vzyskaniya zadolzhennosti s lits, otbyvayushchikh ugolovnye nakazaniya* [To the problem to organize debt collection from persons serving criminal sentences]. Available at: https://pravovsem59.ru/pravovoe-prosveshchenie/analitika/k-probleme-organizatsii-vzyskaniya-zadolzhennosti-s-lits-otbyvayushchikh-ugolovnye-nakazaniya-_1531367948/ (accessed December 23, 2022).
 8. Chernyshov I.N. Analysis of insufficient use of convicts' labor in various types of correctional institutions. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2020, no. 4, pp. 594–606. (In Russ.).
 9. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Brief characteristics of the penal system]. Available at: <http://fsin.rf/statistics/> (accessed January 10, 2023).
 10. *FSIN soobshchila o zarplatakh v 220 tys. rub. u osuzhdennykh* [The Federal Penitentiary Service of Russia reported about convicts' salaries of 220 thousand rubles]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2021/60aeecac9a7947178ce8708d> (accessed November 10, 2021).
 11. *I vnov' sroka ogromnye idut v raboty dlinnye* [And again, long-term sentences transfer into long-term works]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4818553> (accessed August 1, 2021).
 12. *Dannye sudebnoi statistiki* [Data of judicial statistics]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed December 29, 2022).
 13. Skiba A.P., Myakhanova A.N., Erkhitueva T.I. *Uslovnoe osuzhdenie i uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: osnovaniya primeneniya* [Conditional conviction and parole: grounds for application]. Ulan-Ude, 2020. 124 p.
 14. Efremov R.S. Compensation for harm as a prerequisite for the application of conditional early release from criminal punishment. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2015, no. 2 (89), pp. 79–84. (In Russ.).
 15. Razumova I.V. Compensation of damage to victims by convicts serving criminal sentences in the form of imprisonment. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sb. materialov 5 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Penitentiary system and society: experience of interaction: proceedings of the 5th International scientific and practical conference]. Perm, 2018. Pp. 195–196. (In Russ.).
 16. Uporov D.A. Delinquency of convicts held in places of deprivation of liberty. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. 3 (36), pp. 111–117. (In Russ.).
 17. *Apellyatsionnoe postanovlenie suda apellyatsionnoi instantsii Pskovskogo oblastnogo suda № 22-870/2020 ot 23 dekabrya 2020 g. po delu No. 4/1-185/2020* [Appeal decision of the Court of Appeal of the Pskov Oblast Court No. 22-870/2020 of December 23, 2020 in case No. 4/1-185/2020.]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/gcYmEvSEtXZd/> (accessed January 10, 2023).
 18. Golodov P.V. Foreign experience and prospects of creating a probation service in Russia: organizational and legal aspects. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie,*

ispravlenie = *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2011, no. 14, pp. 81–89. (In Russ.).

19. Khutorskaya N. Will probation appear in Russia or not? *Prestuplenie i nakazanie* = *Crime and Punishment*, 2008, no. 4, pp. 48–49. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИРОНОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

ALEKSEI V. MIRONOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

Статья поступила 24.01.2023

Научная статья

УДК 341

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.025

Формы и способы защиты дипломатическими представительствами конституционных прав граждан в условиях пандемии коронавирусной инфекции

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЮДАКОВА

Отдельный батальон по охране дипломатических представи-
тельств и консульств иностранных государств ГУ МВД по г. Санкт-
Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия,
tanya-yudakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1368-6430>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный морской технический уни-
верситет, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты деятельности ди-
пломатических представительств по защите конституционных прав граждан
Российской Федерации, находящихся на территории иностранных государств,
в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Определено, что россий-
ская нормативно-правовая база прошла этап серьезной модернизации в
рассматриваемый период, временно отказавшись от использования диспо-
зитивных начал в пользу императивного метода правового регулирования.
Для анализа деятельности дипломатических представительств в условиях
коронавирусной инфекции рекомендовано использовать термин «оказание
помощи». Авторами обоснована позиция о необходимости пересмотра сущ-
ности дипломатической защиты с учетом опыта работы дипломатов в период
пандемии.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция; пандемия; дипломатиче-
ские представительства; дипломатическая защита; ограничительные меры;
ограничение передвижения.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Юдакова Т. Н., Мишальчен-
ко М. Ю. Формы и способы защиты дипломатическими представительства-
ми конституционных прав граждан в условиях пандемии коронавирусной
инфекции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал
частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 229–236. doi: 10.46741/2713-
2811.2023.21.1.025.

Original article

Forms and Methods of Protection of the Constitutional Rights of Citizens by Diplomatic Missions in the Context of the Coronavirus Pandemic

YURII V. MISHAL'CHENKO

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

TAT'YANA N. YUDAKOVA

Separate Battalion for the Protection of Diplomatic Missions and Consulates of Foreign States of the Ministry of Internal Affairs of the City of Saint Petersburg and the Leningrad Oblast, Saint Petersburg, Russia, tanya-yudakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1368-6430>

MARIYA Y. MISHAL'CHENKO

Saint Petersburg State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Abstract. The article considers certain aspects of the activities of diplomatic missions to protect the constitutional rights of citizens of the Russian Federation located on the territory of foreign states in the conditions of the coronavirus pandemic. It is determined that the Russian regulatory framework has passed a stage of serious modernization in the period under review, temporarily abandoning the use of dispositive principles in favor of the imperative method of legal regulation. To analyze activities of diplomatic missions in the conditions of coronavirus infection, it is recommended to use the term "assistance". The authors substantiate the necessity to revise the essence of diplomatic protection with regard to diplomats' working experience during the pandemic.

Keywords: coronavirus infection; pandemic; diplomatic missions; diplomatic protection; restrictive measures; restriction of movement.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.5. International law sciences.

For citation: Mishal'chenko Yu.V., Yudakova T.N., Mishal'chenko M.Yu. Forms and methods of protection of the constitutional rights of citizens by diplomatic missions in the context of the coronavirus pandemic. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 229–236. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.025.

Распространение инфекции COVID-19 потребовало модернизации российского законодательства практически по всем направлениям. Полномочия всех органов публичной власти в указанный период (2020–2021 гг.) были аккумулированы на решение задач, направленных на борьбу с коронавирусной

инфекцией. Как отмечают Н. Н. Черногор, М. В. Залоило, «с марта 2020 г. в России в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), признанной Всемирной организацией здравоохранения пандемией, предпринимались беспрецедентные меры правового характера по преодолению имеющих место негативных последствий» [1, с. 6].

Особенность анализируемой ситуации связана с тем фактом, что пандемия «не вписывалась в регулируемые законодательством как российского государства, так и других стран чрезвычайные ситуации. Она потребовала разработки инновационных подходов к защите прав человека, оказания государственной поддержки как отдельным гражданам, так и субъектам малого, среднего бизнеса [2, с. 70]. Был издан Указ Президента Российской Федерации от 02.11.1994 № 2058 «О мерах в случае возникновения чрезвычайных ситуаций для деятельности загранучреждений Российской Федерации и российских граждан, находящихся за рубежом» [3]. Действия дипломатических представительств государств, как и многих органов публичной власти, в условиях пандемии на международном и национальном уровнях не были определены. Как подчеркнула официальный представитель МИД России М. Захарова, в ходе защиты прав граждан в период коронавирусной инфекции дипломаты столкнулись с различными жизненными ситуациями, ранее для них неизвестными, неописанными в учебной литературе и инструкциях. В качестве примера она привела работу дипломатов на стойке в аэропорту Армении для оказания содействия гражданам Российской Федерации в возвращении на Родину [3].

Следует отметить, что тема нашего исследования мало изучена, теоретикам и практикам еще предстоит проанализировать и обобщить опыт оказания дипломатическими представительствами помощи гражданам в условиях, связанных с распространением коронавирусной инфекции.

Цели и задачи деятельности дипломатических представительств, поставленные перед ними Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации и МИД России в условиях пандемии COVID-19, прежде всего, повлияют на международное и отечественное правовое и доктринальное понимание сущности дипломатической защиты. Понятие «дипломатическая защита» в действующих нормах международного права рассматривается как защита граждан государства принадлежности дипломатических представительств от неправомерных действий иностранного государства или какого-либо иного субъекта международного права [4; 5, с. 54]. В условиях пандемии объектом негативного воздействия на жизнь и здоровье российских граждан явилась чрезвычайная ситуация, не связанная с действиями другой страны, иных субъектов международного права и развитием ее как чрезвычайной ситуации только на территории одного государства.

Коронавирусная инфекция достаточно быстро вышла за пределы одного государства и охватила всю планету, получив режим пандемии. В рассматриваемый период страны, хотя и временно, но сплотились для выработки и внедрения общих мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, спасения человечества. Представители руководящего

состава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) неоднократно призывали государства в борьбе с эпидемией применять «скоординированный и всеобъемлющий подход, охватывающий весь правительственный механизм» и не игнорировать интересы стран «со слабым здравоохранением» [6; 7]. В 2022 г. в планах ВОЗ в качестве одной из главных задач выделено «обсуждение глобального соглашения по борьбе с коронавирусной инфекцией» [8]. В совместном российско-британском научном исследовании А. К. Криворотов, Клаус Доддс и Дженнифер Коул обосновывают, что преодоление угроз, подобных пандемии коронавируса, возможно только в рамках международного сотрудничества [9].

Традиционные действия, предпринимаемые дипломатическими представительствами для информирования граждан России, находящихся на территории иностранного государства или желающих прибыть на его территорию, предупреждение их о нежелательности выезда в страну или нахождения на ее территории, в условиях пандемии признаны неэффективными. В большинстве случаев такая информационная поддержка имела рекомендательный характер и не ограничивала конституционное право на выезд российских граждан за рубеж. Стремительное распространение коронавирусной инфекции потребовало отказаться от диспозитивных начал по данному вопросу в пользу императивного метода, основанного на установлении временных запретов, в том числе на въезд и выезд за пределы Российской Федерации. Основная цель таких действий – обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан в условиях пандемии. В рассматриваемом случае ограничение ряда конституционных прав граждан введено в интересах самих граждан, спасения их жизни и никак не нарушало европейские и национальные ценности, гарантирующие свободу человеку. Как указывает Р. М. Дзидзоев, «эти ограничительные меры на деле представляли собой меры безопасности, имеющие вынужденный и неотложный характер, они совершенно неизбежные при пандемии» [10, с. 34].

Можно назвать следующие формы помощи, которую оказывали дипломатические представительства гражданам Российской Федерации, находящимся за пределами Российской Федерации, в период распространения коронавирусной инфекции.

Первая форма выражается в организации выезда граждан Российской Федерации с территории иностранного государства на территорию России. Например, в феврале 2020 г. российские дипломаты-добровольцы организовали эвакуацию российских граждан из Уханя (очага COVID-19) [12]. Содействие в возврате домой граждан России осуществлялось из всех стран, где имелись запросы на предоставление такой формы помощи [13]. Сложность выполнения поставленной государством задачи заключалась в том, что иностранные государства, так же как и Россия, временно приостанавливали международные перевозки, вводя ряд принудительных мер ограничительного характера в сфере передвижения граждан, беспрекословного соблюдения санитарно-гигиенических требований.

Вторая форма помощи дипломатическими представителями выражается в информационной, консультационной поддержке российских граждан с разъяснением им правил пребывания на территории иностранного государства в условиях коронавирусной инфекции (например, при разрыве международных транспортных перевозок, отказе (невозможности) возврата российских граждан на территорию России, налаживании быта и досуга в условиях запрета на передвижение и общение). Так, дипломатическими представительствами были разъяснены правила пребывания граждан Российской Федерации в Турции [14], Китае [15] и многих других государствах.

В качестве нестандартных форм оказания помощи гражданам в условиях пандемии COVID-19, не свойственных для деятельности российских дипломатических представительств, можно назвать создание палаточного лагеря для тех, кто остался без средств к существованию (Непал), оказание материальной помощи за счет личных средств в приобретении предметов первой необходимости и снабжении продовольствием (практически во всех странах мира, например в США, Непале, Аргентине) [13].

Дипломатическая защита прав граждан в условиях пандемии коронавирусной инфекции осуществлялась мирными средствами: путем дипломатических переговоров, направленных на организацию возврата российских граждан на территорию Российской Федерации, оказание добрых услуг, посредничества, сбора гуманитарной помощи для медицинских учреждений в целях борьбы с COVID-19. Применение агрессивных способов защиты (отзыва дипломатических представителей, разрыва дипломатических отношений, реторсий, репрессалий) противоречило целям и задачам деятельности российских дипломатических представительств, направленной на выработку эффективного механизма защиты не только прав граждан конкретного государства, но и всего человечества в условиях пандемии коронавирусной инфекции. В рассматриваемой ситуации от государств требовалось взаимодействие и сотрудничество. Запрет на въезд и выезд, введение локдауна не позиционировались как разрыв дипломатических отношений между государствами.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Период пандемии коронавирусной инфекции следует признать новым этапом международного и национального правового регулирования общественных отношений, компетенции государственных органов власти и местного самоуправления, этапом переосмысления и модернизации имеющихся правовых основ по защите конституционных прав граждан дипломатическими представительствами.

Традиционное толкование дипломатической защиты необходимо подвергнуть корректировке, указав, что действия дипломатических представительств направлены не только на защиту прав граждан от неправомерных действий различных субъектов международного права, но и от неблагоприятного воздействия на них чрезвычайных ситуаций, распространения заболеваний, признанных пандемией Всемирной организацией здравоохране-

ния. Полагаем, что действия дипломатических представительств в условиях пандемии коронавирусной инфекции характеризуются не как защита, а как оказание помощи. Защита предполагает принятие мер (в данном случае) дипломатическими представительствами в восстановлении нарушенных прав граждан России в случае противоправного поведения иностранных государственных структур. Термин «помощь» подчеркивает, что в условиях существования опасности жизни и здоровью российских граждан в период чрезвычайных ситуаций (эпидемий, природных катастроф и т. п.) дипломаты выступают как организаторы спасательных мероприятий (например, эвакуации российских граждан на территорию Российской Федерации) при тесном взаимодействии с правительствами других государств.

Формы и средства защиты дипломатическими представительствами в условиях пандемии COVID-19 направлены на обеспечение права на здоровье и жизнь граждан как минимальное условие их личной свободы и безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5–26.
2. Егорова М. А., Дюфло А., Шпаковский Ю. Г. Современные проблемы правового регулирования смягчения угроз для населения и бизнеса последствий пандемии коронавируса COVID-19 // Юрист. 2020. № 11. С. 69–74.
3. Захарова рассказала о работе дипломатов в период пандемии. URL: <https://ria.ru/20200427/1570649824.html> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Волкова М. С. К вопросу об определении понятия «дипломатическая защита» // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2009. № 3. С. 110.
5. Абашидзе А. Х., Ильяшевич М. В. Дипломатическая защита в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 52–62.
6. ВОЗ призывает все страны объединить усилия для борьбы с коронавирусом, рынки снова падают. URL: <https://www.finversia.ru/publication/voz-prizyvaet-vse-strany-obedinit-usiliya-dlya-borby-s-koronavirusom-rynki-snova-padayut-71353> (дата обращения: 10.11.2022).
7. Глава ВОЗ призвал страны объединиться в борьбе с коронавирусом. URL: <https://sputnik.by/20200215/Glava-VOZ-prizval-strany-obedinit-sya-v-borbe-s-koronavirusom-1043961006.html> (дата обращения: 10.12.2022).
8. ВОЗ анонсировала обсуждение глобального соглашения по борьбе с коронавирусом. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/12/27/902727-obsuzhdenie-globalnogo-soglasheniya-po-borbe-s-pandemiei-nachnetsya-v-2022> (дата обращения: 10.11.2022).
9. Криворотов А. К., Доддс К., Коул Дж. Пандемия коронавируса: глобальные проблемы требуют глобального взаимодействия. URL: ussiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pandemiya-koronavirusa-globalnye-problemy-trebuyut-globalnogo-vzaimodeystviya (дата обращения: 11.11.2022).
10. Дзидзоев Р. М. Права человека и пандемия коронавируса в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 33–36.
11. Дипломаты рассказали, как эвакуировали россиян из Уханя. URL: <https://ria.ru/20200222/1565090044.html> (дата обращения: 11.12.2022).
12. Лавров рассказал, как дипломаты помогают остающимся за рубежом россиянам. URL: https://tass.ru/obschestvo/8368191?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.12.2022).

ния: 11.10.2022).

13. Дипломаты разъяснили правила пребывания россиян в Турции. URL: <https://news.rambler.ru/community/44664718-diplomaty-razyasnili-pravila-prebyvaniya-rossiyan-v-turtsii/> (дата обращения: 12.12.2022).

14. Российские дипломаты в Китае рассказали, как не грустить в карантине. URL: <https://ria.ru/20200222/1565088914.html> (дата обращения: 12.09.2022).

REFERENCES

1. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of the coronavirus pandemic. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 7, pp. 5–26. (In Russ.).
2. Egorova M.A., Dyuflo A., Shpakovskii Yu.G. Modern problems of legal regulation of mitigation of threats to the population and business of consequences of the COVID-19 coronavirus pandemic. *Yurist = Lawyer*, 2020, no. 11, pp. 69–74. (In Russ.).
3. *Zakharova rasskazala o rabote diplomatov v period pandemii* [Zakharova spoke about the work of diplomats during the pandemic]. Available at: <https://ria.ru/20200427/1570649824.html> (accessed November 1, 2022).
4. Volkova M.S. On the question of the definition of the concept of “diplomatic protection”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2009, no. 3, p. 110. (In Russ.).
5. Abashidze A.Kh., Il'yashevich M.V. Diplomatic protection in contemporary international law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2015, no. 2, pp. 52–62. (In Russ.).
6. *VOZ prizyvaet vse strany ob"edinit' usiliya dlya bor'by s koronavirusom, rynki snova padayut* [WHO calls on all countries to join efforts to combat coronavirus, markets are falling again]. Available at: <https://www.finversia.ru/publication/voz-prizyvaet-vse-strany-obedinit-usiliya-dlya-borby-s-koronavirusom-rynki-snova-padayut-71353> (accessed November 10, 2022).
7. *Glava VOZ prizval strany ob"edinit'sya v bor'be s koronavirusom* [The head of WHO called on countries to unite in the fight against coronavirus]. Available at: <https://sputnik.by/20200215/Glava-VOZ-prizval-strany-obedinit'sya-v-borbe-s-koronavirusom-1043961006.html> (accessed December 10, 2022).
8. *VOZ anonsirovala obsuzhdenie global'nogo soglasheniya po bor'be s koronavirusom* [WHO announced the discussion of a global agreement to combat coronavirus]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/12/27/902727-obsuzhdenie-globalnogo-soglasheniya-po-borbe-s-pandemiei-nachnetsya-v-2022> (accessed November 10, 2022).
9. Krivorotov A.K., Dodds K., Koul Dzh. *Pandemiya koronavirusa: global'nye problemy trebuyut global'nogo vzaimodeistviya* [The coronavirus pandemic: global challenges require global engagement]. Available at: ussiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pandemiya-koronavirusa-globalnye-problemy-trebuyut-globalnogo-vzaimodeystviya (accessed November 11, 2022).
10. Dzidzoev R.M. Human rights and the coronavirus pandemic in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 9, pp. 33–36. (In Russ.).
11. *Diplomaty rasskazali, kakevakuirovali rossiyan iz Ukhanya* [Diplomats told how Russians were evacuated from Wuhan]. Available at: <https://ria.ru/20200222/1565090044.html> (accessed December 11, 2022).
12. *Lavrov rasskazal, kak diplomaty pomagayut ostayushchimsya za rubezhom rossiyanam* [Lavrov told how diplomats help Russians who remain abroad]. Available at: https://tass.ru/obschestvo/8368191?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed October 11, 2022).

13. *Diplomaty raz"yasnili pravila prebyvaniya rossiyan v Turtsii* [Diplomats explained the rules of stay of Russians in Turkey]. Available at: <https://news.rambler.ru/community/44664718-diplomaty-razyasnili-pravila-prebyvaniya-rossiyan-v-turtsii/> (accessed December 12, 2022).

14. *Rossiiskie diplomaty v Kitae rasskazali, kak ne grustit' v karantine* [Russian diplomats in China told how not to be sad in quarantine]. Available at: <https://ria.ru/20200222/1565088914.html> (accessed September 12, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЮДАКОВА – инспектор Отдельного батальона по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия, tanya-yudakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1368-6430>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО – ассистент кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

YURIY V. MISHAL'CHENKO – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

TAT'YANA N. YUDAKOVA – Inspector at the Separate Battalion for the Protection of Diplomatic Missions and Consulates of Foreign States of the Ministry of Internal Affairs of the City of Saint Petersburg and the Leningrad Oblast, Saint Petersburg, Russia, tanya-yudakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1368-6430>

MARIYA Y. MISHAL'CHENKO – Assistant of the Department of Civil and Commercial Law of the Saint Petersburg State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

Статья поступила 09.02.2023